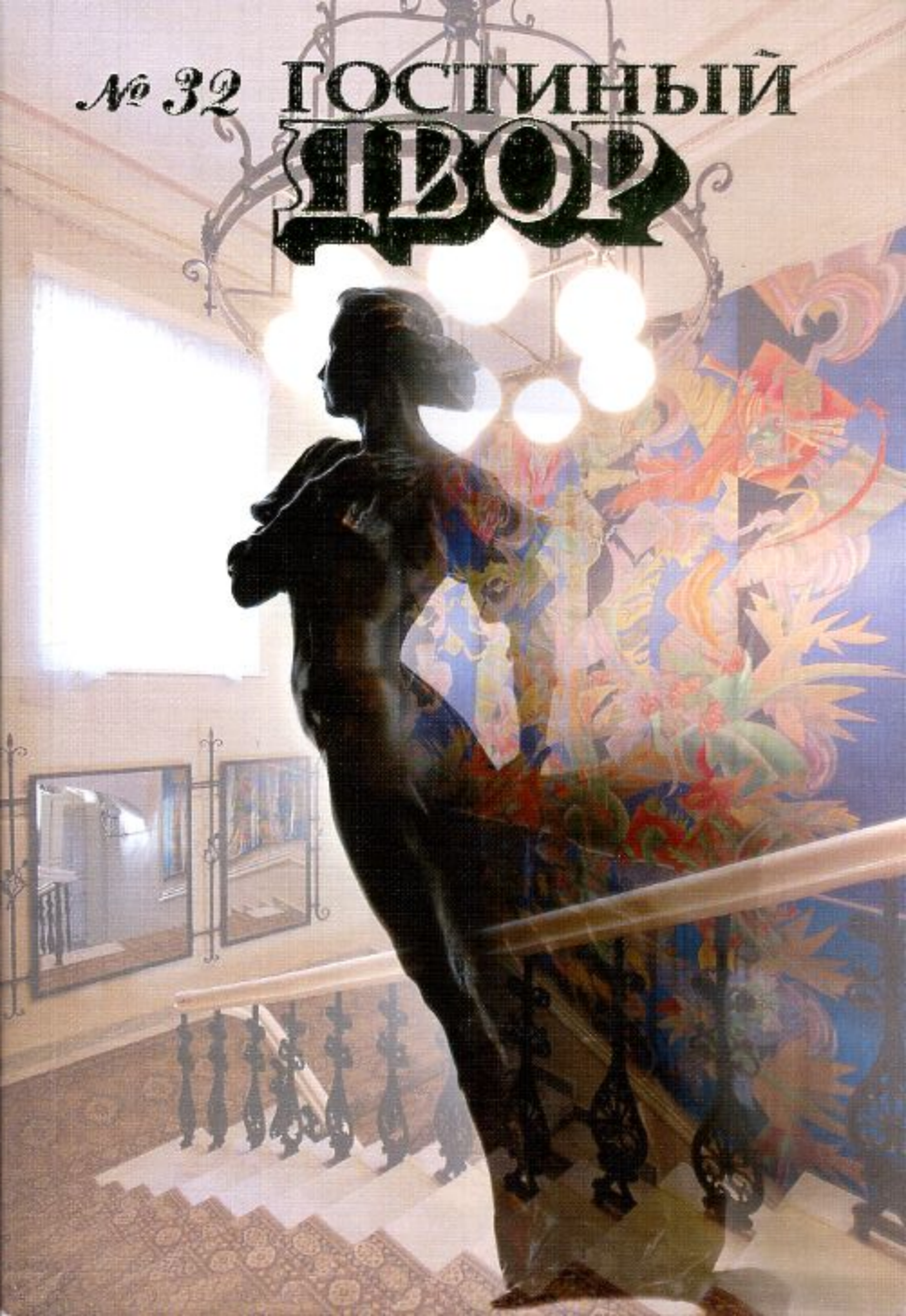

№ 32 ГОСТИНЫЙ
ДВОР

«Гостинный Двор» № 32, октябрь 2010 г.

Альманах

Авторский проект И.А. Бехтерева

Учредители:

Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области,
Оренбургская областная общественная писательская организация Союза писателей
России

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:

председатель – **В.А. Шориков**, министр культуры, общественных и внешних связей
Оренбургской области

В.А. Бахревский (Подмосковье)

Л.П. Сковородко

Н.А. Емельянова

В.Б. Соколов

В.М. Капустина

Т.В. Судоргина

П.Н. Краснов

А.А. Теплягин (Новотроицк)

В.А. Лабузов

А.Г. Филиппов

Г.П. Матвиевская

О.К. Четвериков

В.В. Ренёв

А.А. Чибидёв

П.Г. Рыков

Н.М. Щербанов (Уральск)

Почтовый адрес редакции:

460009, г. Оренбург, проспект Братьев Коростелёвых, 4

Телефоны: (3532) 74-43-39, 8-903-394-32-60

Почтовый адрес издателя:

460009, г. Оренбург, проспект Братьев Коростелёвых, 4

Государственное унитарное предприятие «Редакция газеты «Оренбуржье»

Телефон/факс (3532) 74-43-36

E-MAIL: gazorb@mail.ru

На первой и последней страницах обложки – фото **В.Б. Соколова**

Художник – **В.В. Кожевникова**

Компьютерный дизайн – **Л.В. Гмырина, А.А. Воловод**

Компьютерный набор – **Е.Н. Цыганчук, Н.С. Битюкова**

Корректоры – **Ф.Н. Кусикова, Л.И. Беляева**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции

Сдано в набор 1.09.2010 г.

Подписано в печать 1.10.2010 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 22,5 печ. л.

Тираж 1 500 экз.

Заказ № 2520

Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00153 от 21.04.2010 г. в Управлении Роскомнадзора по Оренбургской области Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в ООО «УралПечатьСервис»

462353, г. Новотроицк, ул. Горького, 14

ISBN

© Альманах «Гостинный Двор», 2010

«Я призываю всех вас возвысить свой голос в защиту нашей великой культуры, нашей великой литературы. Я призываю вас: не стыдитесь того, что мы русские люди! Нельзя ни скромничать, ни стыдиться. Мы такие, какие мы есть...»

Я не россиянин. Потому что россиянином может быть и папуас. И прекрасно он может жить в России. На здоровье, пусть живёт. Но русский человек – это русский человек. Во мне течёт русская кровь. Я не считаю, что я лучше других, более замечательный. Но вот и такой, как есть – русский человек. И этим горжусь. Я призываю вас с высоты своего возраста, и не сердитесь, что я так говорю: надо гордиться, что мы русские люди!»

Георгий СВИРИДОВ

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ

К 75-летию Оренбургской писательской организации и 15-летию альманаха «Гостиный Двор».

- 6 Александр Филиппов. Не рвётся связь времён.
24 Виталий Молчанов. Две реки. *Стихотворное посвящение*
25 Татьяна Дегтярёва. «Ни пяди не уступивши рынку...»
30 Евгений Семичев. Литература как средство объединения страны. *Открытое письмо главному редактору альманаха «Гостиный Двор»*

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- 32 Илья Кириллов. И звезда и беда. *Стихи*
37 Пётр Правдин. И жизнь моя ещё не край... *Стихи*
Вступительное слово И. Коннова «Верен идеалам шестидесятых»
44 Александр Филиппов. Аномальная зона. *Роман*

- 132 Павел Рыков. Сексот. *Повесть*
174 Александр Филатов. Побеждающий ответ. *Стихи*
186 Георгий Саталкин. А парторга всё нет... *Рассказ*
296 СТИХИ ПО КРУГУ (Валерий Пономарёв, Татьяна Азовская, Тамара Шабаренкина, Людмила Ковалёва, Владимир Курушкин, Константин Арниктов)

ФИЛОСОФСКИЙ ПРАКТИКУМ

- 121 Пётр Краснов. «Революция сознания» против «сознания тщеты рассуждений». *Выступление на XV Международной писательской встрече в Ясной Поляне*

ОРЕНБУРГСКАЯ ДИАСПОРА

- 127 Виктор Поляков. Предназначение. *Стихи*
352 Алексей Иванов-Огарыш. Приказано любить. *Из дневника церковностроителя. Продолжение*
358 Светлана Попова. Любая жизнь бывает только раз... *Стихи*

НАША ГОСТИНАЯ

- 117 Владимир Костров. Обещаю любить и прощать. *Стихи*
181 С креста не сходят – с него снимают. *Стихи*

ГОСТИНЫЙ ДВОРИК

- 192 Елизавета Боброва. Рассказ моей бабушки

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

- 202 Евгений Клинков, Татьяна Савинова. «Магнит» для страждущих оздоровления (к истории развития курортного дела в Соль-Илецке). *Исследовательская работа*
305 Фаниль Ишбулатов. «Дело» Шапиро. *Письма из прошлого*

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

- 221 Александр Старых. «Злонамеренные истины» Степана Барбачёва, или Кто скрывался под псевдонимом первого оренбургского фельетониста? *Литературный детектив*
336 Надежда Емельянова. Подданная богини Клио. *Творческий портрет современницы*

КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ

- 286 Владимир Семёнов. Десять тысяч золотом за голову лётчика-казака. *Архивные находки*

РОДОСЛОВНАЯ

- 313 Валерий Кузнецов. Здесь жизнь прошла... *Из детства и чуть-чуть больше*

НАСЛЕДИЕ

- 362 Лидия Медведева. Сергей Варламов и его «музейное зёрнышко». *К 50-летию областного музея изобразительных искусств*

Евгений КЛИНКОВ,
Татьяна САВИНОВА
(Институт степи Российской академии наук)

«МАГНИТ» ДЛЯ СТРАЖДУЩИХ ОЗДОРОВЛЕНИЯ

К истории развития курортного дела в Соль-Илецке

Поваренная соль (хлорид натрия, NaCl) издавна являлась одним из средств народной медицины. Она входила в состав самых древних лекарств, ей приписывали целебные свойства, очищающее и дезинфицирующее действие, при этом с давних пор подмечено, что соль из разных месторождений имеет различные биологические качества: самая полезная в этом отношении — морская. В «Лечебнике-травнике», изданном в России в XVII в., написано: «Две сути соли, одну копали из горы, а другую находили в море, а которая из моря, та лутчи, а кроме морской соли та лутчи, которая бела». А одной из лучших в России считалась соль с Илецкого месторождения.

Население Западного Казахстана и Южного Урала (башкиры, казахи, татары и др.) с давних времён занималось добычей илецкой соли для собственных нужд. Ближкое расположение соляного штока от поверхности земли позволяло этим народам добывать соль самым простым и удобным способом — открытыми

ямами. Для этого снимали верхний слой почвы, очищали соляную площадку от грязи и посторонних предметов и начинали ломку соли. При помощи топора и лома они вырубали соляные глыбы, разбивали их на мелкие куски, удобные для выноски из ям на поверхность, и развозили по своим селениям.

Постепенно ямы углублялись и расширялись, наполнялись дождевой и снеговой водой, которая растворяла соль. Тогда такие карьеры забрасывали и переходили на новое место. Одни из них со временем были занесены песком и поросли травой, другие превратились в небольшие мелкие озёра, вода в которых сильно насыщена солью.

Для лечебных целей местное население применяло как саму илецкую соль, так и пользовалось целебными свойствами минеральных вод и грязей озёр. В XVIII веке появились первые научные описания этой природной достопримечательности Оренбургского края, в том числе — и с медицинским уклоном. Вот что пишет о применении каменной соли первый член-корреспондент

Петербургской академии наук Пётр Иванович Рычков, бывший в 1769 — 1777 гг. начальником Оренбургского соляных дел правления: «Ломают оную [соль] такими штуками на подобие брусьев, что в них от тридцати до сорока пуд, а вырубают и гораздо большие штукаи, но их для удобства в провозе разбивают. В таких больших штукаи, а иногда и в меньших, при ломке её, находят особливую соль, которая так прозрачна, как хрусталь, и называют Сердцем. Сего сердца бывають куски от одного до трёх фунтов и более; однако признают, что оно не толь солко, как прочая соль. Для чистоты оногo простой народ употребляет его к лечению глаз».¹

Об этом же упоминает и Пётр Симон Паллас, пользовавшийся, как известно, материалами П. И. Рычкова: «Каменная соль везде очень чиста, крепка и бела, в отломе показывает четверугольную свою фигуру или, когда разбивают, то ломается на четверугольные куски. <...> В ней находят, а особливо близ поверхности посредственные, а редко в пуд тяжелиною кубические вывалившиеся глыбы, которые так чисты и прозрачны, как хрусталь, и можно делать из них солонки или другие малые вещи. Такую соль называют Сердцем, и простой народ употребляет оную от глазной болезни. В протчем же у российских сельских жителей почитается сахар за известное домашнее лекарство от оной болезни».² П.С. Паллас описал в своих путевых заметках и соляные озёра около Илецкой Защиты:

«Вода во всех ямах густа и черновата. Киргизцы почитают сию воду за целительное лекарство от многих болезней, и потому, часто приезжая сюда, купаются в росоле <...> Росол, как то думать можно, столь густ и тяжёл, что если человек войдёт в него по груди, то уже его вздымает, а на поверхности росола может человек почти так лежать, как на доске».³

Часто посещая Илецкую Защиту по служебным делам, П.И. Рычков решил, как настоящий исследователь, лично испытать действие лечебной воды илецких озёр. В своей статье «Описание Илецкой соли» он рассказал о своём эксперименте:

«Киргизцы и башкирцы нарочно приезжая летнею порою, в сих тёплых и соляных озерах купаются, признавая, что сие купанье пользует их от разных болезней, да и российские то ж делают и утверждают. Я сам прежде приезда моего сюда, имел сильный геморойдальный припадок, от коего весьма страдал, и не освободившись ещё от оногo из Оренбурга поехал, по троекратном моём в сей тёплой воде купанье совершенно от оногo освободился. Почему и рассудилось мне оное мною самим изведенное примечание, к сему моему описанию для сведения сообщить, признавая его удивительным и полезным».⁴ На карте Илецкого соляного промысла, приложенной к указанной статье, среди прочих объектов указано «озерко солёное и тёплое называем Ханшиным, потому что киргискайсацкого Хана фамилия [семья — прим. авт.] в летние времена для купанья туда приезжает».

Разработка каменной соли в Илецкой Защите.
Рис. П. Свинына

В XIX веке интерес к соли и водам Илецкой Защите ещё больше возрос. Маленький городок в киргизской степи превратился в один из объектов туризма того времени.

Не обошёл вниманием вопрос полезности для здоровья илецкой воды и Павел Петрович Свинын, посетивший Илецкую Защиту в качестве туриста в 1824 г.: «*Не в дальнем также расстоянии от разработки, в башкирских конях, замечательны два небольших озера, из коих одно солёное, а другое пресное; в первом соляная вода содержит столь большую теплоту, что едва босая нога может выдержать жар. Озерко с пресною водою находится от него только в 3-х или 4-х аршинах и служит весьма удобно для окатывания себя купающимся в солёной воде, коей действие особенно полезно для страдающих ревматизмами и разного рода ломотою костей*».⁵

Об озере с горячей водой, ссылаясь на церковную летопись 1867 г., автором которой был священник Евфимий Воскобойников, писал и преподаватель оренбургской духовной семинарии П. И. Чижов в очерке «Г. Илецкая Защита»: «...в урочище соляного промысла на твёрдом соля-

ном пласте, покрытом лёгким слоем ила, песка и перегной, стоит озеро солёной воды, в котором издавна купаются одержимые

ревматизмом и накожными болезнями. <...> Купаются здесь жители г. Илецка и захавшие издалика или присланные по делу. Купаясь, натираются илом. Польза купания — ослабление, а не уничтожение ревматизма, уничтожение прыщей от испорченности крови. Всем жителям г. Илецка известно, что за 20 лет купанья озеро на дне было горячее, приблизиться ко дну на порядочное расстояние было невозможно. <...> Были, говорят старожилы, ключи в этом озере с горячими парами, к ним небезопасно было приближаться. В настоящее время здесь два озера с солёною водою, наибольшая глубина их немного выше 2 арш., они пополняются посредством водокачанной машины из старых и новых шахт промысла водой соляного раствора, иначе в них воды было бы очень мало. <...> Здесь устроены две небольшие купальни. Судя по особенным достоинствам воды и воздуха, при устройстве лучших купален и содержании соляных озёр в чистоте и опрятности, сюда окажется много желающих провести летний сезон для поправления здоровья. Вода в озёрах от примеси соли на-

столько плотна, что держит купающегося на поверхности, так что, кто не умеет плавать в пресной воде, здесь свободно плавает».⁶ Автор отмечает и то эстетическое удовольствие, которое испытывает купающийся в солёном озере: «Дно означенных озёр покрыто гущённым соляным слоем, по краям озёр столь густые осадки соли, что навеваает впечатление, получаемое при только что выпавшем первом осеннем снежке, — купаешься в тёплой воде как будто на далёком севере среди снегов, освещаемых ярким солнцем».⁷

Впервые анализ целебных свойств илецких минеральных вод сделал коллежский ассessor Альфонс Ягмин. В 1836 г. он окончил Виленскую медико-хирургическую академию, в 1838 г. временно состоял врачом при Илецком соляном промысле, а в 1841 г. был назначен там же старшим врачом. В 1843 г. Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия удостоила его звания штаб-лекаря, и в том же году А. Ягмин уволился со службы.⁸

В своём сочинении «Киргизкайсацкие степи и их жители» (СПб., 1845) он посвятил специальный раздел лечебным свойствам Илецкого месторождения, подробно описав одно из соляных озёр и его воду. «Невдалеке от соляного флеса Илецкой Защите, — пишет А. Ягмин, — есть несколько, разной величины, соляных источников. Одни из них хранят воду, выкачиваемую из места разработки соли, другие, вовсе не сообщаясь с ними, составляют, в собственном смысле, соляные источники, из коих самый большой, в диаметре

6 сажений, глубиною в 3 аршина, будет теперь предметом моего описания».⁹ Далее исследователь пишет о составе минеральной воды из этого озера, кратко сообщая о своих методах изучения: «Вода его чиста, прозрачна, бесцветна, запах тяжёлый, особенно после дождя, вкус неприятный, солено-горький. Сравнительная тяжесть воды 1,3. <...> Зимой не мёрзнет; летом тепла в 30° R [по Реомюру, или 37,5° по Цельсию — прим. авт.]. <...> Будучи испаряема до кристаллизации, она осаждаёт кристаллы, во всём тождественные с солекислой содой. <...>

При всей неполноте настоящих химических моих попыток, я, однако ж, полагаю, что Илецкая минеральная вода содержит в себе солекислую соду (*Hydrochloras sodae*), селитру (*Nitras potassae*), сернокислую известь (*Supersuphlas calcis*), следы железа и органические экстрактивные начала».¹⁰

Затем А. Ягмин описывает лечебное воздействие илецкой минеральной воды: «Служив при Илецк. солян. пром. врачом, я имел удобный случай наблюдать врачебные свойства илецких вод и результаты моих над ними наблюдений здесь представляю.

Употреблённые в виде ванн, воды эти оказались полезными:

1. В хронических ревматизмах, в сведениях членов, в недавних члено-составных опухолях (*Fungi recentes articulorum*);

2. В золотухе, особенно в опухоли и отвердении лимфатических желез, в язвах с костеядою.

3. В сыпях, а именно в заста-

релых шелудях (*Tinea capitis*), застарелом молочном струпе (*Tinea faciei*) и лишаях (*Herpes*), и проч.

4. В некоторых видах застарелой сифилитической болезни.

Полезно ли внутреннее употребление этой воды, я не мог удостоверить. Вероятно, что от питья её отвращает больных неприятный её вкус. Однако же, судя о ней аналогически, сравнительно с другими солёными водами, можно догадываться, что она полезна в завалах печени, брыжейки и некоторых видах геморроя.

Советуют эту воду в цинготной болезни, но совет этот противен всякой теории и практике.¹¹

Отмечая, что на берегу соляного озера «построены уже четыре года частные купальни, которыми с тех пор пользуются тамошние жители, больные, находящиеся в Илецкой промысловой больнице, а в последнее время, и приезжие», в конце раздела о соляных источниках в Илецкой Защите А. Ягмин предлагает основать на базе илецких минеральных вод курорт: «Наконец я бы хотел обратить внимание Правительства на эти воды, которых целебные свойства столько уже принесли пользы и со временем могут доставить страждущему человечеству ещё более несомненной помощи. Я бы желал начертать проект основания там казённых купален по образцу Кавказских, Старорусских и Друженицких как для употребления находящихся в той стране казённых больных военного и гражданского ведомств, так и не менее того, для выгоды прибывающих туда из соседних стран лю-

дей разного звания, ищущих пособия, которое предусмотрительная природа даровала человеку в своём лоне для облегчения его недугов».¹²

Скорее всего, такой проект был им составлен, т.к. в 1852 г. санитарное управление военного ведомства Оренбургской губернии устроило первый курорт в Илецкой Защите для низших военных чинов из Уралья. На берегу озера для жилья был выстроен балаган, а для подогрева озёрной воды и лечебной грязи для ванн сложены под открытым небом примитивные печи с замазанными в них чугунными котлами. За сезон 1852 г. в Илецкой Защите лечилось 95 больных.¹³

Отдельную страницу в истории развития Илецкого курорта представляет попытка Ю. Т. Лебедева организовать частную лечебницу на солёных озёрах в последней четверти XIX века. В Государственном архиве Оренбургской области сохранилось значительное количество материалов, связанных с этим предприятием.

9 декабря 1875 г. потомственный почётный гражданин Юрий (Георгий) Тимофеевич Лебедев подал прошение в Губернское акцизное управление, в котором писал, что «под устройство солёных минеральных ванн и кумысолечебного заведения ему необходимо иметь солёные озёра с прилегающей к ним землёй, годной для пастбища кобыл, в количестве всего 50 десятин, находящейся в Илецкой Защите недалеко от соляных копей», а посему он покорнейше просит отдать ему в аренду «упомянутые озёра и земли сроком на 24 года под строительство вы-

шеупомянутых заведений за цену, какую Губернское акцизное управление найдёт возможным взять» с него при устройстве им «столь полезного дела для общества и государства». Лебедеву было известно, что аренда земли для хлебопашества и сенокоса стоит 1 руб. 50 коп. за десятину, но озёра никакого дохода казне не приносят. «В видах общественной пользы» он надеялся, что вопрос вскоре будет решён.¹⁴

Вряд ли решение Лебедева обособиться на озёрах было спонтанным. Ещё в 1859 г. министр финансов составил «Журнал по объяснению относительно содержания в отчёте Оренбургского и Самарского генерал-губернатора указания на предполагаемую отдачу Илецкого соляного промысла в частное содержание».¹⁵ Подобные документы сохранились и за 1872¹⁶, и за 1875 годы.¹⁷ В итоге, в 1868 г. добыча соли на Илецком промысле была передана в частные руки. Первыми арендаторами стали крупные оренбургские купцы А. Первушин и М. Мякинчиков. По-видимому, «запечатываясь» в Илецкой Защите решил и Ю. Т. Лебедев.

29 декабря 1875 г. из министерства финансов пришёл ответ, что Лебедев должен сам выбрать место, плата за пользование казенной землёй — 1 руб. 25 коп. за десятину, но «при отдаче солёного озера следовало бы оговорить права местных жителей на бесплатное купание, а также принять правила хотя бы Сергиевских минеральных вод» [подчёркнуто в документе].¹⁸

Участок был выбран очень быстро. 13 января 1876 года Ю. Т.

Лебедев просит отвести ему 44 десятины в участке «Тимашев колок», 4 десятины — около солёных озёр Тузлук, Купальное и Тёплое, включая сюда и сами озёра, 2 десятины — на южной стороне городского (арестантского) сада и городского озера.¹⁹ По поводу же бесплатного купания и правил Сергиевских минеральных вод Лебедев сообщил, что уже составлен устав, который представлен для утверждения министру внутренних дел, в котором «выработаны §§, по которым некоторые больные будут [здесь и далее — подчёркнуто в документе] пользоваться купальнями, ваннами и вообще всеми лечебными приспособлениями бесплатно или по умеренной цене». «Посему обязывать меня, — пишет купец, — выговаривать бесплатное купание жителям г. Илецка со стороны акцизного управления кажется излишним, ибо на это составлен устав, тем более жители г. Илецка о купании очень не радеют, т.к. озеро Горячее совершенно занесено почти песком и летом даже высыхает, а озеро Купальное также обмельчало и без тщательной поддержки скоро исчезнет, как исчезло почти озеро Горячее, об этом даже заявлено в печати специалистом по сему предмету Эдуардом Ботом в медицинском журнале в статье «Исследование воды солёных озёр и ила в Илецкой Защите». Далее он просит Губернское акцизное управление уполномочить Илецкое акцизное управление поскорее заключить с ним контракт на «столь полезное для страждущего человечества дело».²⁰ ГАОО. Ф. 158, оп. 3, д. 228, л. 606-7.

4 февраля 1876 г. дело было признано полезным для общества и государства, и 19 апреля господин управляющий акцизными сборами Оренбургской и Уфимской губерний получил из министерства финансов бумагу, в которой говорилось, что препятствий для удовлетворения просьбы Лебедева нет, но с условием, что если означенные земли понадобятся под устройство на Илецком промысле рудника для подземной добычи соли, то Лебедев обязан немедленно снести постройки без каких-либо за то претензий к казне, а также, «чтобы на находящихся на этом участке озёрах не было ни в каком виде добываемо поваренной соли».²¹

4 мая 1877 г. надзиратель VI округа акцизных сборов Оренбургской губернии пригласил Лебедева в Илецкую Защиту для подписания контракта. Предприниматель, прибыв туда, попал на проведение торгов на отдачу в аренду лугового участка. Тут у него разыгрался аппетит. «Узнав о том, что в числе прочих лугов сдаётся и участок, прилегающий к Тимашевому колку, — пишет надзиратель в донесении управляющему акцизными сборами Уфимской и Оренбургской губерний, — заявил, что этот луговой участок должен быть отведён ему для пастбы кобылиц и потому просил исключить его из списка торгов. Не имея никаких оснований удовлетворить весьма настойчивую просьбу г. Лебедева, я объявил ему, что на основании всего вышеизложенного ему следует отвести участок земли в 50 десятин» и «что затем я не считаю себя вправе делать какие-либо нарезки

в других местах. Г. Лебедев, однако, не удовлетворился ответом и продолжал, беспрерывно отвлекая меня от торгового производства, настаивать на нарезке» участка.

Лебедеву было предложено письменно заявить, что он не желает брать предлагаемые 50 десятин и просит нарезать ему в различных местах другие участки в количестве вышеуказанного количества десятин. Но от подобного заявления Лебедев уклонился и «затем подал объявление, в котором просил разрешения снять копии с двух планов земель, принадлежащих Илецкому соляному промыслу, что и было разрешено». Контракт в этот день так и не был подписан.²²

24 июня 1877 г. Лебедев отправил управляющему акцизными сборами заявление, что «место и принадлежащие к оному земли под устройство лечебницы должны быть указаны» им, а не управлением.²³ В ответ Лебедеву был предложен участок земли: «по озёрам — 11 дес. 1181 саж., в луговом участке близ бывшей мельницы Руднева — 36 дес. 1219 саж., в городе за тюремным садом — 2 дес.», «положение, размеры и также углы всех трёх участков точно определены астрономическими румбами». Данное место было разрешено отвести Лебедеву с условием ежегодной уплаты 1 руб. 25 коп. за десятину.²⁴

Но здесь неожиданно (для нас, а не для участников тех событий) возник вопрос о «вечном и потомственном пользовании [землёй] Лебедевым, как это делается с городскими землями согласно 402. 404 и 406 ст. т. VII». Но ввиду

того, что «при рассмотрении плана разведочных работ горного инженера Рейнке, 1851 г., всё просимое Лебедевым место находится в черте разведанного пространства и под ним залегают соль», Лебедеву пришлось согласиться, что он будет только арендовать его 24 года и, если «означенное место понадобится под устройство рудника, то он обязан немедленно снести все возведённые им постройки». Взамен Лебедев просит заключить с ним контракт не с 1 января 1878 г., а с 1 октября 1877 г. «ввиду предстоящих в нынешнем же году построек на городском участке».²⁵ Контракт был заключён с 1 августа 1877 г. по 1 августа 1901 г. и в числе прочих содержал также пункты, обязывающие, если земли понадобятся под рудник, то снести постройки «без всякой на то претензии», в случае нежелания содержать лечебное заведение — очистить место или передать его другому лицу с согласия акцизного управления, а также запрещающие добывать соль.²⁶

9 марта 1878 г. «Оренбургский листок» опубликовал сообщение следующего содержания: «Управление Илецкими минеральными водами и кумысолечебным заведением в Илецкой Зашите (Оренбургской губернии) доводит

до всеобщего сведения, что, согласно уставу, утверждённому с высочайшего соизволения министром внутренних дел 10 марта 1877 года, будет открыт в сём 1878 г. первый лечебный летний сезон, который начнётся с 10 мая и продолжится до 1 сентября.

1. Для лечения больных устройства и приспособлены: открытые озёрные купанья, грязевые солнечные ванны (как в Сакках), солёнопаровые ванны (как в Старой Руссе). При заведениях имеются также паровая баня и холодная купальня в пресной воде.

2. Лечение кумысом производится кумысом **натуральным** [выделено в газете] без подмеса воды, коровьего молока и других посторонних веществ. Кумыс производят кочующие близ киргизы.

3. При заведениях и во всё время сезона для больных будут находиться два врача.

4. Корреспонденция из Оренбурга будет получать ежедневно и сообщению с Оренбургом будет установлено ежедневно при помощи особо устроенных дилижансов.

Соляной карьер
в Илецке.
70-е годы XIX века

5. При заведениях, в вокзале, имеется буфет, откуда можно получить завтраки, обеды, чай, кофе, проч.

6. Для помещения пациентов при заведении имеются дачи и меблированные комнаты.

7. Развлечением публике будет служить библиотека, газеты, музыка, зал для любительских спектаклей, рыбная ловля, охота, катанье в экипажах и верхом, а также, по желанию публики, танцевальные вечера и в красивых окрестностях пикники.

8. Плата за пользование ваннами, купаньями и приспособлениями в оных, равно как за кумыс, за стол, за помещение в дачах и в номерах самая умеренная, так что недостаточный больной может прожить месяц за 25 рублей серебром.

9. Лица, желающие иметь более подробные сведения об условиях, при каких они могут находиться в заведениях и пользоваться лечебными средствами, а также желающие знать, от каких болезней излечивают илецкие минеральные воды и грязи и кумыс, равно как желающие занять для своего помещения отдельную дачу, могут адресовать свои письма до 1 мая в Оренбург, а после в Илецкую Защиту Оренбургского уезда на имя директора заведений.

Директор Ю. Т. Лебедев».

Подобное объявление было напечатано также 16 марта.

Как видим, особое комфорта отдыхающим ожидать не приходилось. «Ванны» в открытых озёрах, развлечения — какие придумают себе сами,

да и плата за всё это умеренной может считаться весьма условно. Для сравнения, в той же газете 23 марта был напечатан отчёт «Илецкого попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов» (напомним, что в это время шла война на Балканах). Данная организация решила «выдавать по 1 рублю серебром на каждого члена семейства в месяц, что при местных базарных ценах на пшеничную муку до 70 коп. за пуд давало возможность употреблять и баранину, фунт которой стоит не более 2 коп.».

4 июня 1878 г. «Оренбургский листок» напечатал две заметки. Автор одной, под названием «Уведомление от дирекции Илецких минеральных вод и кумысолечебного заведения в Илецкой защите (Оренбургской губернии)», был Ю. Т. Лебедев. Он писал, что 25 мая «заведения эти устроены и признаны открытыми». «Местность, на которой устроены мои лечебные заведения, отчасти песчаная, а отчасти супесчаная, на которой разведены небольшие деревья, и вся занятая садиком площадь орошается небольшой речкой Песчанкой, проведённой по разным направлениям. В настоящее время окончена постройка вокзала. Это заведение выстроено из пластин, одноэтажное и занимает 167 квадратных сажень. В здании вокзала находятся служебные помещения: а) обширная зала, украшенная в восточном вкусе, с небольшою сценою для любительских спектаклей; б) кабинет доктора; в) кабинет и контора директора; г) столовая; д) библиотека и е) 20 номеров для помещения больных.

На берегу оз. Тузлук окончено здание для тёплых ванн с четырьмя отдельными номерами; солёная вода и грязь получаются из озера Тузлук, а пресная — из общего резервуара, который наполняется из речки Песчанки. Самые ванны сделаны из гребенского камня, не подвергающегося никаким изменениям от воды и пара. К востоку устроен общий резервуар пресной воды, откуда вода сообщается по ваннам, для поливки сада и для других надобностей. На северо-востоке от вокзала, на озере «купальном» устроено холодное соляное купание с обмыванием пресной водой. Сообщение с Оренбургом производится в дилижансах заведений.

Что касается кумыса, то он получается в большом количестве и самого лучшего достоинства от близ кочующих киргиз, причём квашение молока и его хранение производятся опытным семейством киргиз султанов Мухамедова и Галеева под строгим присмотром опытного доктора и особо приставленных служащих. Кумыс производится не далее шести вёрст, в степи.

Развлечением больных служат катанье в экипажах и верхом, рыбная ловля, охота по красной дичи и музыка под управлением г. Гурьева, а по временам — домашний театр. Газеты и корреспонденция получают ежедневно из Оренбурга.

Плата за пользование при моих лечебных заведениях назначена самая умеренная: купание 5 руб. в месяц, ванны паровые — 50 коп. за ванну, кумыс — 2 руб. 50 коп. ведро, сезонный билет — 3 руб., про-

езд в Защиту из Оренбурга стоит 2 руб., стол: 2 блюда — 12 руб., 3 блюда — 16 руб. в месяц, квартиры — 1 руб. в сутки.

Высказав в этом уведомлении немного, именно, что только можно сказать теперь, при начале сезона, я позабочусь сообщать еженедельно бюллетени, как заведено это на других минеральных водах. Директор Ю. Лебедев. 2 июня 1878 г.»²¹

Вторая заметка в той же газете, за подписью «Русский турист-пациент», рисует не столь обнадеживающие для отдыхающих перспективы: «В четверг, в день Вознесения, 25 мая в Илецкой защите происходило торжественное открытие первого лечебного сезона, устроенного на промышленный лад в первый раз с тех пор, как восточные заволжские степи стали русской окраиной. До сего времени маленькие озёрки горько-солёной воды и грязи были доступны всем и каждому, в них искали и находили исцеление многие недугующие без всякой врачебной помощи. Киргизы лечили здесь даже своих лошадей. Теперь целебные условия вод и грязей обставлены на научный лад, в заведениях даётся киргизский степной кумыс, и предлагаются услуги двух врачей (пока ещё один).

Предприятие Ю. Т. Лебедева носит на себе, без сомнения, европейский характер и остаётся желать, чтобы общество, для которого дело предприятия, оценило усилия директора вод и кумысолечебных заведений и поддержало его. Затраты на устройство вокзала и приспособление разных ванн

велики. Но мы думаем, что дело пойдёт не иначе как при терпении делателя и при условии, что дело это избрано им не как афера, а как труд, излюбленный и направленный прежде всего на благо ближнему.

Пока что положительной оценки предприятию со стороны местного общества не видать. Из города на открытие сезона приехали очень немногие и больных пока также немного (всего двое).

В час дня отслужен был молебен в здании вокзала, после чего публика осмотрела всё заведение. Окончен пока один вокзал, жидкое, но очень затейливое здание в восточном вкусе, и несколько номеров для приезжающих.

Паровая машина, поднимающая воду и греющая ванны, также только что начала дышать. Купанья не устроены вовсе и вообще в полной постановке дела не достаёт многого. Всё это отделяется лишь теперь, а пока немногочисленная публика удовольствовалась обедом, за которым играл весьма хороший хор сезонной музыки под управлением г. Гурьева, и осмотром начатых сооружений.

Осматривающий лечебные заведения оренбургский врачевный инспектор действительный статский советник К. В. Ушаков уехал раньше молебна и потому сезон открыт самим директором Ю. Т. Лебедевым речью и обедом.

Местной публики собралось много, но её привлекала невиданная в Илеце музыка и пёстрая семья гостей.

Предприниматель дела Ю. Т.

Лебедев выглядел скучно и, кажется, считал своё дело ненадёжным. Конечно, жаль было бы затрат, стоивших нескольких тысяч рублей, но дело так полезно, что сомневаться в успехе его невозможно. Сразу не пойдёт оно, это правда. Но если предприниматель излюбит своё дело, усовершенствует его, то пациенты будут.

Без сомнения, наилучшее исцеление на илецких водах получают ревматики и страдающие кожными болезнями. Для них нужны тёплые и уютные помещения. Между тем у Ю. Т. Лебедева бараки построены из горбыля и уже сквозят немилосердно, а какой же ревматик не завопит о неудобствах, когда ему сквозит дома, даже в каменных палатах? Это единственное замечание, которое мы теперь делаем, не стесняясь нас, однако, сказать, что предприятие Ю. Т. Лебедева достойно поощрения.

При заведениях есть маленький кабинет для чтения и кабинет доктора, есть музыка, весьма хорошая, и сносный буфет.

Об остальном и о прочем скажем потом. А теперь приглашаем в Илец всех страждущих застарелыми ревматизмами, золотухой и разными кожными болезнями. Исцеление в этих грязях и водах они найдут быстро и несомненно».²⁸

«Заведение» открыли с условием принимать не больше 15 человек, т. к. второй врач не приступил ещё к работе. До конца года газета продолжала информировать читателей о состоянии нового курорта и рассказывать об Илецкой Защите. Так, в одной из заметок сообщается, что

Купание в илецких озёрах.
Начало XX века

озеро Купальное, «славящееся издревле своей целебностью, когда-то было горячим».²⁹ В других описывается сам город, не очень привлекательный для приезжих, его жители, которые «кажется, стараются не причитать приезжающих навещать летом их маленький городок и бесспорно полезные воды, а отучить по какой-то хохлацкой лени, беспечности и перьяливости. И денег не надо, лишь бы лишний раз не потревожиться».³⁰

«Но пора на воды, — пишет некий путешественник. — Минеральных озёр два: одно большое, полумесяцем, огибающее то возвышение, на котором стоит вокзал, называется Туздук; по берегам его лежит тол-

стым слоем, как снег, соль. Озеро окаймлено небольшими холмами песчаными в виде котловины, как остаток когда-то большого озера, с которым сливались и теперешнее Купальное и другие, очень маленькие, которые и теперь рассеяны по песку; иные высыхают, другие бывают круглый год с водой. Лебедевым, арендатором, построено очень много, но первое впечатление неблагоприятно: многое не доделано, а всё вообще представляет вид хаотичного беспорядка. Большая зала бесспорно хороша и приспособлена для обедов и танцев, но никак для пользующихся водами, в ней постоянно гуляет сквозной ветер, потому что главные входные двери на обе стороны противоположны друг другу, как в железнодорожных вокзалах. <...> Прейскурант не подают служители, чаю порциями нет, а только стаканами; каково же семейным людям, если в семье человека четыре? Надо рубль только пустого чаю напиться. За десяток маленьких сухарей три раза в пять минут набавили цену: то 15 коп., то 20, а то уже 30 коп. В Оренбурге они стоят десяток 5 коп. Помещение для тёплых ванн крайне неудобное, нет термоме-

тров ни на Купальном озере, ни у ванн. У купальни на озере не прибито, как бы следовало, расписание, когда дамские и мужские часы — это сбивчиво на словах. Женская купальня совершенно открыта с двух сторон для всех любопытствующих». А вывод следующий: «Всё-таки дело Лебедева похвальное и требует основательной поддержки, на которую здесь ему рассчитывать нельзя».³¹

Но работа курорта была прервана пожаром, причём никто не исключал, что это мог быть поджог, вызванный недовольством местных жителей.

«В среду, 29 ноября, кумысолечебные заведения и соляные ванны предпринимателя Юрия Тимофеевича Лебедева в Илецкой Защите сгорели дотла, сгорела даже купальня на озере. Причина пожара пока не открыта. Здания за несколько дней до пожара застрахованы были в Первом российском страховом от огня обществе в сумме 12 000 рублей. И так Илецкой Защите нашей не везёт. Несомненно полезные грязи озёр её опять останутся впусе, непригодными и русскому обществу неизвестными. Заведения эти выстроены лишь в мае сего года из лёгкого леса, и на первый раз мало были посещаемы пациентами, следовательно, на первый год были в убыток предпринимателю. Но можно было предвидеть, что со временем полезные грязи и озёра Илецкой Защиты, особенно же местный кумыс киргиз привлекут мало-помалу больных, и Илецкая Защита сделается столь же известной местностью, как

Русса-Славянск и другие места».³² А 10 декабря 1878 г. Лебедев писал в «Оренбургский листок», что не всё так плохо — не все постройки сгорели и с весны он собирается открыть «военную санитарную станцию». «Если я и понёс нынешний год убыток от своего, можно сказать, общественного, в высшей степени полезного для общества предприятия, — заканчивал своё послание Лебедев, — то я всегда надеялся и теперь надеюсь вполне, что просвещённый взгляд начальника края на моё предприятие окажет нравственную, а может быть, и материальную поддержку».

Судя по всему, «поддержки» Лебедев не получил и свою предпринимательскую энергию направил несколько в другое русло. 3 июля 1879 г. жители города Илецка вынесли Лебедеву приговор «за № 536», приложив к нему список лиц, «с которых почётный гражданин Лебедев брал произвольный выкуп за загоняемую им общественную скотину». «Считаю не лишним присовокупить следующее, — писал 22 июля 1879 года надзиратель VI округа, — 1) всё изложенное в приговоре совершенно отвечает действительности; 2) представленный список заключает в себе далеко не полный перечень поборов [здесь и далее — подчеркнуто в документе], деланных Лебедевым, т.к., по его собственным словам, ему удалось за одни покосы арендованных им лугов собрать 320 руб.; 3) представлением губернского медицинского управления от 8 мая 1879 г. за № 822 на имя исполнительного чиновника г. Илецка, а также пу-

бликации инспектора врачебной управы г. Ушакова (Оренб. листок. — № 25) запрещается г. Лебедеву открывать лечебный сезон; 4) после пожара 25 ноября 1878 года у Лебедева никакого лечебного заведения не существует; назначенная оброчная плата вносится им в высшей степени неаккуратно. Ввиду всего вышеизложенного и принимая во внимание, что, согласно Высочайшего повеления, участок земли в 50 десятин с находящимися на нём солёными озёрами отдан Лебедеву в аренду без соблюдения ст. 35 ч. 1 т. VIII Свода законов порядка на отдачу казённых оброчных статей на том лишь основании, что Лебедев обязался устроить лечебное заведение и таким образом приносить известную пользу обществу, я считал бы справедливым ходатайствовать об отобрании у Лебедева находящуюся у него в оброчном содержании промысловую землю и т.о. положить конец его неправильным действиям, возбуждающим общее недовольство. Под благовидным предлогом устройства лечебного заведения г. Лебедев, в сущности не имея такового, создал себе доходную статью прямо в ущерб интересам казны и общества».³³

«Оренбургский листок», на который ссылается инспектор, 17 июня 1879 г. опубликовал письмо редактору К. Ушакова, губернского врачебного инспектора. «Милостивый государь, г-н редактор! В № 19 и в последующих номерах «Оренбургского листка» между прочим помещено объявление директора Илецких минеральных вод и кумысного

лечебного заведения, потомственного почётного гражданина Георгия Тимофеевича Лебедева о том, что паровые солёные ванны будут отпускаться больным с 10 мая, а равно купальни солёных озёр будут открыты с 10 же мая. Губернское медицинское начальство, ввиду означенного заявления Лебедева об открытии лечебного сезона пока без врачей, вынужденным нашлось 8 мая за № 822 предписать исполнителю начальному начальнику г. Илецка отнюдь не позволять д-ру Лебедеву отпускаться больным соляные ванны и вообще открывать лечебный сезон со взиманием за пользование больных денег без предварительного медицинского осмотра и без бытности при заведении двух врачей, т.к. Лебедев, согласно Уставу Илецкого заведения минеральных вод, утверждённому г. министром внутренних дел, обязан иметь при заведении двух врачей».

К 1881 г. Лебедев решил, что соль добывать всё же выгоднее и подал об этом прошение, на что 21 марта того же года был получен ответ: «Ходатайство Лебедева не может подлежать удовлетворению на основании договора аренды».³⁴ Кроме того, приводились и другие доводы против, а именно, что озеро Тузлук может обмелеть и быть занесено песком, поэтому из него невозможно добыча тузлукной соли, «дно Купального озера — чистая соль, покрытая в середине тонким слоем ила», поэтому невозможна добыча самосадочной соли.³⁵ 28 июля 1881 г. соляное отделение горного департамента Министерства государственных имуществ оставило ходатайство Лебедева «без последствий».³⁶

Тем не менее «курорт» продолжал работать, «оставаясь недостроенным по нежеланию или по недостаточности средств» у владельца. «Вопреки уставу <...> без врачей» Лебедев «дозволял за плату публике принимать холодные купания, равно отпускал тёплые солёные ванны, не заботясь о том, что такое лечение может принести не пользу, а явный вред больным». ³⁷ Ко всему прочему, 1 февраля 1881 г. Лебедев прекратил платить арендную плату. ³⁸ Опять встал вопрос об отобрании у Лебедева участка, но это оказалось невозможно «на основании заключённого с ним контракта <...>, т.к. за просрочку платежа он должен заплатить только штраф по 1/2 процента в месяц». ³⁹

14 августа 1887 г. Лебедев просил обменять городской участок в две десятины на равноценный в другом месте. ⁴⁰ Только 30 мая 1888 г. последовала резолюция: можно разрешить, но обязать Лебедева «действительно засадить просимый им участок деревьями и тем предохранить лечебное озеро, находящееся на участке, от засорения песками, и чтобы купец Лебедев не имел права эксплуатировать два небольшие целебные озера, находящиеся близ просимого им участка». ⁴¹ 23 июня 1889 г. Лебедев от предложенного плана отказался ⁴² и самовольно распахан арендуемый им под пастьбу кобылиц участок. В присутствии понятых горный инженер М. Новаковский измерил запашку и составил акт: «распахано по левому берегу р. Большой Елшанки под пшеницу и подсолнечник 8 дес. 1882 саж. ² и по правому

берегу — под бахчи, конопляник и просо — 4 дес. 1020 саж. ²». ⁴³ Надо сказать, что предприниматель не зря решил заняться сельским хозяйством в ущерб курортному делу, т.к. ещё в 1845 г. А. Ягмин отмечал плодородие местных почв: «Почва земли на некоторых плоских и подгорных местах, без всякого удобрения, производит хороший урожай разного рода зернового хлеба и особливо высокого сорта восточной пшеницы, под наименованием кубанки (*triticum compositum coeruleum*) и бело-турки (*triticum compactum aureum*). В огородах с успехом разводят разные огородные овощи, а на полях, под названием бахчей, также удаются арбузы, разных сортов дыни и картофель». ⁴⁴

По-видимому, дела у Лебедева шли не очень хорошо или же он пытался хитрить, но недоимки с 1 февраля 1887 г. по 1 мая 1889 г. составляли: оброк — 203 руб. 14 коп., пени на них — до 50 рублей. ⁴⁵ 9 мая 1890 г. Лебедев просил снять с него недоимки, ⁴⁶ но 15 июня 1890 г. Горный департамент «не признал возможным удовлетворить данное ходатайство». ⁴⁷

В 1896 г. неизвестный корреспондент «Тургайской иллюстрированной газеты» с возмущением писал: «Как курорт Илецкая Защита представляет собою ясное доказательство, что у нас нет ни предприимчивости, ни желания заняться добрым и хорошим делом вспоможения страждущему люду... В текущем году довольно много приезжих, которые все ютятся в городских клоповниках, при полном отсутствии каких-либо удобств, развлечений

и тому подобного, сопряжённого с пребыванием на курорте. А между тем директор вод взимает с каждого приезжего сверх всех вообще «плат», «доплат» и «приплат» ещё плату за право на курортные удовольствия в размере 3-х рублей. Таким образом г. Лебедев ещё раз доказал свою изобретательность, обложив налогом не предмет потребности (т.к. его нет), а только право на него». «В общем, — завершает автор свою заметку, — Илецкая Защита представляет такой уголок, где кто что хочет, там то и делает — недаром и зовется Защитой — от кого?..» ⁴⁸

В 1902 г. в Екатеринбурге издан «Путеводитель по курортам Урала; минеральные воды, целебные грязи, кумысолечебницы, санатории, климатические станции, кумысолечебные пункты в губерниях Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской и Самарской», составленный Виктором Александровичем Весновским.

Сообщая сведения о курорте, он рисует безрадостную картину: «Илецкие минеральные воды давно уже известны своими целебными свойствами. Первоначально сюда стекались сотни больных и пользовались водами без всяких водолечебных приспособлений. Затем, с течением времени, казна, которой принадлежат Илецкие соляные озёра, устроила здесь гостиницу для приезжающих больных, выстроила купальни, пригласила врача на лечебный сезон и проч. Лет тому 10 назад гостиницы постройки и купальни были

сданы в аренду. Для нужд курорта были отведены несколько десятков десятин целинной земли. Арендатор, занявшись сенокосами на этой земле, оставил на произвол судьбы курортные здания. Купальни на озере развалились, крыши и полы в гостинице прогнили. Таким образом, в некогда благоустроенном курорте воцарились брошенность, запустение. В последнее время русское общество охранения народного здоровья, по предложению проф. Пастернацкого, возбудило перед министерством земледелия и государственных имуществ ходатайство, чтобы оно как можно скорее приняло меры к возрождению курорта и передало бы управление им в другие, более надёжные руки». ⁴⁹

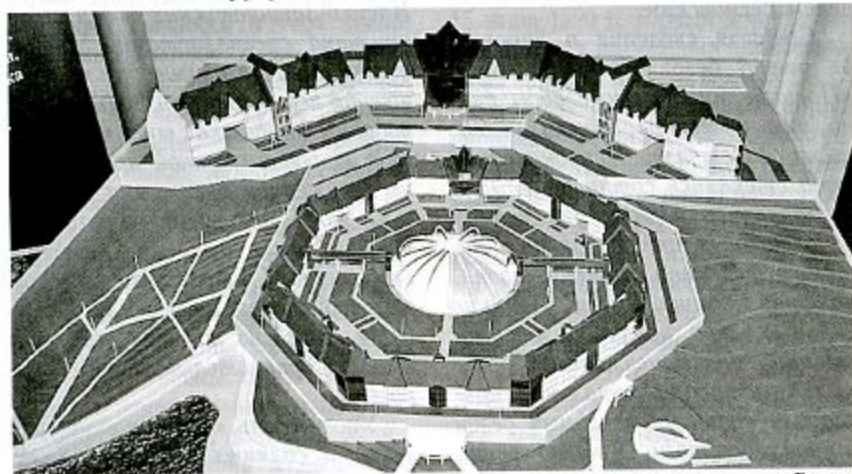
Несмотря на явные неудобства для отдыхающих (Весновский даже советует «едушим на курорт запастись всем необходимым»), данный курорт описан в его справочнике, поскольку «целебность воды Илецко-Защитненских озёр уже признана специалистами. Многие из них отдают этим водам предпочтение перед многими другими, им подобными, так как воды находятся в здоровой степной местности, не заражённой отбросами заводов и городов». В то время добраться до Илецка можно было по Оренбургской ветви Самаро-Златоустовской железной дороги сначала до Оренбурга, затем на лошадях, «за прогоны, по сравнительно хорошей дороге».

Употреблять «воды, в виде грязевых и соляных ванн», согласно справочнику, можно при «мышеч-

ном и сочленовном хроническом ревматизме, подагре, опухолях костей и суставов, хронических (долго не заживающих) сыпях и язвах, при кишечных, почечных и маточных коликах (болях), при брюшном полнокровии, геморрое, невралгиях, при хронических (долго длящихся) воспалениях лёгких, гортани, при золотухе, воспалении почек, воспалении седалищного нерва (ишиазе) и проч. По отзывам врачей, купанья в илецкой озёрной воде оказывают весьма благотворное, порою поразительно быстрое влияние на больных».⁵⁹ «Продолжительность купания строго не определена и стоит в зависимости от характера болезненного состояния и климатических условий, — отмечает автор, — обыкновенно приезжают на купания в июне и продолжают их до начала августа, когда вода на озере бывает очень тёплая».

В начале XX века существование илецкого курорта связано

с деятельностью Санитарно-благотворительного общества, развернувшего свою работу в Оренбурге и возглавляемого супругой губернатора А.Ф. Ожаровской. Эта организация открыла в Илецке «Санаторию для ослабленных детей». С наступлением лета «ослабленные полуразрушенные люди едут на кумыс, селятся у киргиз и арендуют кобылиц. А санатория приняла первого июня группу из тридцать одной девочки, выбранных из особо нуждающихся как в материальном, так равно и в пользовании стеном воздухом и купанием в соляном озере», — писала «Оренбургская газета» 9 июня 1910 г. С 1 июля на месяц в санаторий были отправлены тридцать мальчиков. В газетной публикации отмечалось, что для Оренбурга с населением в сто тысяч человек недостаточно иметь один детский санаторий, и выражалась надежда, что появление других санаториев — дело будущего и «добросердечных господ благодетелей».

Проект санатория на озере Развал

А. Ф. Ожаровская выражала всем «жертвователям» глубокую благодарность: «... Господам арендаторам Илецкого соляного промысла — за пожертвование в двести пятьдесят рублей, конторе промысла — за пятьдесят рублей; г. Эверту — за плитку кухонную с принадлежностями; от братьев Каргиных поступило холста 24 аршина; от г. Дубровина — дров берёзовых — одна сажень».⁶¹

В настоящее время для лечения используется минеральная вода озёр Новое и Развал, иловая грязь озёр Тузлук и Дунино. На их основе работает областная больница восстановительного лечения. Существует впечатляющий проект комфортабельного санатория, но не хотелось бы, чтобы он повторил предприятие Юрия Тимофеевича Лебедева.

А современным господам пациентам можно пожелать, выражаясь словами курортников прошлого века, чтобы «вода и грязи илецкие оставались чудодейственно полезны для ревматиков... видеть здесь побольше удобства и порядка. Но солнце парит и живет как нигде, кажется. И лень берёт, и бодрость чувствуешь, просто не разобрать. Желательно было бы сделать илецкий уголок привлекательным для публики. Тем более что он и сам по себе интересен как чудо природы».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рычков, П. И. Топография Оренбургская / П. И. Рычков. — СПб., 1762. — Ч. I. — С. 265.

² Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П. С. Пал-

лас. — 2-е изд. — СПб., 1809. — Ч. I. — С. 363-364.

³ Там же. — С. 365.

⁴ Рычков, П. И. Описание илецкой соли / П. И. Рычков // Труды Вольного Экономического общества. — 1772. — Вып. XX. — С. 49-50.

⁵ Свиньин, П. П. Посещение Илецкой Защиты в 1824 году / П. П. Свиньин // Отечественные записки, — 1825. — Ч. XXIII, № 63. — С. 23-24.

⁶ Чижов, П. Г. Илецкая Защита / П. Чижов // Оренб. епархиал. ведомости. — 1903. — № 15. — С. 532-533.

⁷ Там же. — С. 533.

⁸ Ягмин Альфонс // Русский биографический словарь / А. А. Половцов. — М., 1913. — Яблоновский — Фомин. — С. 6.

⁹ Ягмин, А. Киргиз-кайсацкие степи и их жители / Альфонс Ягмин. — СПб., 1845. — С. 36.

¹⁰ Там же. — С. 36-37.

¹¹ Там же. — С. 37-38.

¹² Там же. — С. 38.

¹³ Мысливец, И. А. Курорт Соль-Илецк / И. А. Мысливец // Курорты Чкаловской области. — Чкалов, 1953. — С. 6.

¹⁴ ГАОО. Ф. 158, оп. 3, № 228, л. 1-2.

¹⁵ РГИА. Ф. 1263, оп. 1, № 2756, л. 348.

¹⁶ РГИА. Ф. 1263, оп. 1, № 653, л. 808-813.

¹⁷ РГИА. Ф. 1263, оп. 1, № 3898, л. 225об-241.

¹⁸ ГАОО. Ф. 158, оп. 3, № 228, л. 5.

¹⁹ Там же. — л. 6.

²⁰ Там же. — л. 6об-7.

²¹ Там же. — л. 22об-23.

²² Там же. — л. 27-28.

²³ Там же. — л. 29.

²⁴ Там же. — л. 31.

²⁵ Там же. — л. 32-32об.

²⁶ Там же. — л. 39, 41, 41об.

²⁷ Лебедев, Ю. Уведомление от дирекции Илецких минеральных вод и кумысолечебного заведения в Илецкой Защиты (Оренбургской губернии) / Ю. Лебедев // Оренб. листок. — 1878. — 4 июня. — С. 2.

²⁸ Русский пациент-турист. Илецкая Защита. 28 мая 1878 г. (корреспонденция «Оренбургского листка») // Оренб. листок. — 1878. — 4 июня. — С. 2-3.

²⁹ Оренб. листок. — 1878. — 11 июня.

- ³⁰ Там же. — 9 июля.
³¹ Там же. — 9 июля.
³² Там же. — 3 дек.
³³ ГАОО. Ф. 158, оп. 3, д. 228, л. 43-43 об., 46.
³⁴ Там же. — л. 48-51.
³⁵ Там же. — л. 51 об.
³⁶ Там же. — л. 56.
³⁷ Там же. — л. 57-57 об.
³⁸ Там же. — л. 70.
³⁹ Там же. — л. 77.
⁴⁰ Там же. — л. 87.
⁴¹ Там же. — л. 98.
⁴² Там же. — л. 101.
⁴³ Там же. — л. 103, 110.
⁴⁴ Ягмин, А. Киргиз-кайсацкие степи и их жители / Альфонс Ягмин. — СПб., 1845. — С. 31.
⁴⁵ ГАОО. Ф. 158, оп. 3, д. 228, л. 118.
⁴⁶ Там же. — л. 120.
⁴⁷ Там же. — л. 121.
⁴⁸ Корреспонденция. Г. Илецкая Защита (от нашего корреспондента) // Тург. ил. газ. — 1896. — № 29. — С. 237-238.
⁴⁹ Весновский, В. А. Путеводитель по курортам Урала; минеральные воды, целебные грязи, кумысолечебницы, санатории, климатические станции, кумысолечебные пункты в губерниях Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской и Самарской / В. А. Весновский. — Екатеринбург, 1902. — С. 49-50.
⁵⁰ Там же. — С. 50.
⁵¹ Оренбургская газета. — 1910. — 9 июня.

*Работа выполнена при поддержке
 гранта РГНФ 08-01-81102а/У.*

Александр Васильевич Старых родился в 1958 г. в селе Орловка (Сакмарский район). Окончил историко-филологический факультет Оренбургского педагогического института. Служил в армии, трудился в совхозе, преподавал русский язык и литературу в школе, работал в газете «Южный Урал». С 1991 г. — главный редактор газеты «Оренбургская неделя», с 1994 г. — главный редактор газеты «Вечерний Оренбург». Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России, лауреат Национальной экологической премии «Берестяной свиток» (2004), Национальной премии печатной прессы «Искра» (2005), региональной литературной премии имени П.И. Рычкова (2009) за книгу лирико-философских миниатюр «Своих не бросают».

Александр СТАРЫХ

«ЗЛОАМЕРЕННЫЕ ИСТИНЫ» СТЕПАНА БАРБАЧЁВА*

Кто скрывался под псевдонимом первого оренбургского фельетониста?

Это был «всем известный, уважаемый общественный деятель города Оренбурга».¹

«ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»... ЧИТАТЬ СТЫДНО И НЕЛОВКО»

Первая частная газета вышла в свет в Оренбурге в 1876 году — через 11 лет после разделения огромной Оренбургской губернии на собственно Оренбургскую и Уфимскую. Тогда, в 1865 году, купеческий и военный Оренбург по-прежнему оставался центром активной политической, социальной и культурной жизни и столицей огромной административной территории.

«Оренбургские губернские ведомости», печатавшиеся с 1838 года

* Полностью работа будет опубликована в готовящейся к изданию книге с одноимённым названием

в гражданской столице Оренбургского края Уфе, с № 29 поменяли клише герба и название газеты, став «Уфимскими губернскими ведомостями». В Оренбурге выпуск официальной газеты начался не сразу, так как у нового, только что образовавшегося Оренбургского губернского правления не было своей типографии. Её открыли только в 1866 году. Оборудована она была одной типографской скоронпечатной машиной и одним печатным станком.

Первый, 1867, год губерские «Ведомости» издавались тем же форматом и по той же программе, что и ведомости неразделённой Оренбургской губернии, с той лишь разницей, что теперь официальная часть версталась заодно с неофициальной, в то время как до 1865 года эти части при печатании разделялись. Но и в том, и другом случае газета не отличалась разнообразием материалов и богатством содержания, являясь образчиком провинциального официоза, который, по выражению профессора Л.Е. Кройчика, читали «разве что Департамент, Усадьба и Особняк».²

Массовому читателю эта газета была недоступна да и неинтересна. Материала в «Оренбургских губернских ведомостях» помещалось меньше, чем до 1865 года. В нескольких номерах, например, не было ничего кроме сведений о прибывших и вышедших да метеорологической таблицы. Статьи, если и появлялись, были преимущественно исторического и этнографического характера.

«Уже за последние годы (1870 – 1879) видно, что издание «Оренбургских губернских ведомостей»

несмотря на участие выдающихся деятелей Оренбургского края, как П. Расповов, Р. Изматъев, Н. Середя, клонится к упадку, что кроме обязательных подписчиков, пожалуй, других и не существовало, а если и были, то в очень ограниченном количестве», – свидетельствовал исследователь края П.Н. Столянский.³

В № 2 за 1869 год была опубликована новая программа губернских «Ведомостей», которая мало чем отличалась от предыдущей, разве что ещё большим ужесточением требований по отношению к публикуемой неофициальной информации: «Сообщаемые в неофициальной части известия, сведения и материалы не должны облекаться в формы таких литературных статей, в которых обыкновенно имеет место вымысел или не принадлежащая к предмету обстановка, каковы рассказы, повести и т.п.»⁴

Таким образом, беллетристика была фактически запрещена программой официального издания.

В 1882 году редакция «Ведомостей» пытается расширить программу неофициальной части, осторожно планируя ввести такие пункты, как «6) театр и музыка не в смысле полемика» и «9) смесь», но до выполнения этих пунктов она так и не дошла.⁵ «Если содержание «Оренбургских губернских ведомостей» за 1843 – 1853 годы производит очень грустное впечатление, то всё-таки мы можем отыскать смягчающие обстоятельства, – рассуждает П.Н. Столянский, – этот промежуток времени со своим знаменитым 1848 годом был

грустен для всей русской литературы. Эпоха реакции царил во всей своей силе. Но содержание ведомостей с 1870 по 1881 и с 1883 по 1896 годы мало чем отличалось от времени 1843 – 1855, и считать, что в 1878 году неофициальная часть составлялась из одних объявлений или перепечаток из губернских соседних ведомостей, или что «поимка старшим городским урядником Киселёвым похитителей имущества статского советника Жиховского» считалось таким выдающимся явлением, что о нём можно было говорить в двух номерах, прямо как-то неловко и совестно. То, что понятно в 40-х и 50-х годах прошлого столетия, не может быть оправданно в 70-х, и особенно в конце 70-х годов, когда жизнь в России была ключом».⁶ Лишь в 1896 году неофициальная часть «Ведомостей» стала выходить отдельно и в ней впервые появляется слово фельетон. Обозначало оно главным образом рубрику, составленную из материалов исторического характера, а также переводных романов. Типичным примером фельетона в «Ведомостях», например, была большая статья И.С. Шукшинцева о рыбной ловле удочкой. «Статьи, имеющие обличительный характер действий должностных лиц городского общественного управления для официальной газеты не подходящи», – предупреждала редакция своих корреспондентов.⁷

Слова Столянского о том, что в 70-х годах «жизнь в России была ключом», предопределяли выводы о политико-идеологических предпосылках появления в российской

провинции частной газеты, сделанные в наши дни Л.Е. Кройчиком: «Официальные издания к середине 60-х годов уже не удовлетворяли потребность общества в получении разнообразной информации. Читателю нужны были не столько публикации принимаемых законов, постановлений и распоряжений властей, сколько мнения, комментарии, оценки, связанные с этими законами. <...> Провинции нужна была трибуна, и она получила её в лице частной газеты».⁸

В Оренбурге такой трибуной обещал стать «Оренбургский Листок», который в отличие от официальных «Ведомостей» сделал фельетон своим флагом и оружием в борьбе с косностью и невежеством местных обывателей.

Первый номер «Оренбургского Листка» представлял собой четыре страницы текста в четыре столбца. Формат газеты, как писал об этом П.Н. Столянский, был «несколько больше второго издания «Биржевых ведомостей». Программа издания выглядела следующим образом: «1) статьи, касающиеся изучения местного края в историческом, статистическом, этнографическом и торгово-промышленно-отношениях; 2) хроника или местная летопись: известия о происшествиях местных, разные сообщения и опубликованные правительственные распоряжения, касающиеся общественной жизни Оренбурга и Оренбургского края; 3) фельетон: очерки местных нравов и разные другие мелкие беллетристические статьи в прозе и стихах; 4) разного рода объявления и справочные сведения по частям

торговой, промышленной, железнодорожной и т.п.; календарные сведения, а также метеорологический бюллетень».⁹

Газета в первые годы выходила еженедельно. Подписная цена с доставкой и пересылкой составляла пять рублей в год.

«Оренбургский Листок» рождался в муках. В первый год издания он набрал всего лишь 403 подписчика, из них 296 годовых, 34 полугодовых и 73 бесплатных. Подписная сумма составила 1 582 рубля. За объявления было получено 120 рублей — итого 1 702 рубля. Понятно, что расход на выпуск издания был значительно больше, и редакция оказалась в убытке. Но кроме материальных издержек новое дело принесло и много других проблем. Редакция писала: «Убогое дело наше встречало в течение года столько правдивых толчков, столько разочарований в надежде на поддержку, на сочувствие и столько чудовищных инсинуаций и насмешливых злобных замечаний, что об этом лучше не говорить. Люди, знающие край местный, не откликнулись на наш зов против всякого ожидания. Нам помогли в деле всего два-три лица и несколько совершен-

но случайных корреспондентов. Те же лица, на кого мы больше всего рассчитывали, остались к нашему зову глухи и немы. Знать, спячки нашей, воистину азиатской, не прошла ещё пора!»¹⁰

В передовой статье первого номера было изложено profession de foi редакции. Газета обещала «влиять на общее мнение, руководить им, освещать даже готовый материал научным руководящим светом».¹¹ Редакция «Оренбургского Листка» представляла страницы «для работ лиц, изучающих край во всех отношениях — историческом, географическом, статистическом и пр.», а также обещала «давать хронику местной жизни, известия о действиях и постановлениях по самоуправлению наших городов и местных земских учреждений; сведения вообще о житье-бытье нашей заволжской окраины на востоке; сведения о хозяйстве нашем, нередко своеобразном и оригинальном, о промыслах, торговле и промышленности, о нравах и обычаях населяющих край народностей; о местном школьном деле; о состоянии земледелия, урожая, народном здравии; о замечательных явлениях природы и т.п.:

сведения и сообщения, наконец, о действиях наших войск и событиях в Средней Азии, насколько тому представится возможность».¹²

Редакция думает, говорилось в передовой, что, начав издавать частную газету, она тем самым ответит назревшей потребности общества иметь свой орган печатного слова и что оренбургское общество сумеет сделать «Оренбургский Листок» «в полном смысле своим органом, что оно выскажется в нём, выразит свои потребности, свои стремления, свои желания». «Но если ожидания наши не оправдаются, — говорится в окончании передовой статьи, — задача, таким образом поставленная, не выполнится в тех очерканиях, какие нами намечены, то виновато в том будет, конечно, само общество. — Как аукнется, так и откликнется!»¹³

«Высказав таким образом свои намерения, редакция первые годы издания выполняла их даже в большей степени, чем обещала», — считает Столянский.¹⁴

На страницах «Оренбургского Листка» было опубликовано огромное количество исторического и этнографического материала местных авторов А. Петухова, А. Алекторова, П. Юдина и многих других. Крестьянский самородок-журналист А. Кузнецов часто выступал на страницах газеты с очерками из жизни оренбургских деревень и сёл.

Большое место газета отводила театру и литературному процессу, печатая произведения местных авторов, статьи и рецензии.

В 1889 г. «Оренбургский Листок» публикует некролог на смерть М.Е. Салтыкова-Щедрина. Начиная с 1900 года, на страницах газеты часто появляются сатирические миниатюры В. Дорошевича и очерки С. Гусева-Оренбургского, выступавшего под псевдонимом «Мистер Доррит». Этот факт лишний раз свидетельствует о пожизненной приверженности сатирической публицистике редактора и издателя «Оренбургского Листка» И.И. Евфимовского-Мировицкого.

Начиналось же всё с первого номера газеты, где фельетон встал рядом с программной передовой, на первой же странице. Подписан он был по традиции того времени псевдонимом — Nemo — и сопровождался эпиграфом «Ничто не ново под луной».

Уже в скором времени фельетон «Листка» станет играть важнейшую роль в общественной жизни Оренбурга, всколыхнув сонный город, а саму газету к концу третьего года издания поставив на грань закрытия: «К обычным тяготам дела прибавились ещё новые напасти — судебные преследования с целью не только обидеть нас всякими карами писаного правосудия, но и сгубить газету до конца. Не шутя, говорим: перед судом заявлено было требование закрыть «Листок» навсегда!»¹⁵

КАРНАВАЛ НАЧИНАЕТСЯ!

С первых номеров «Оренбургского Листка» у фельетонистов сложилось распределение обязанностей, своего рода специализация. Предполагалось, судя по всему, устроить в газете своеобразный карнавал

тематически и стилистически разноплановых фельетонных масок, объединённых, тем не менее, общими задачами. На это обстоятельство, в частности, намекает и один из псевдонимов — Карнавалов, которым подписан стихотворный фельетон «Блинная история в одной бурсе».¹⁶

Недолгий срок на страницах «Листка» просуществовала «Переписка двух подруг» — Верочки и Наденьки. Одна из девиц живёт в уездном городе, другая в Оренбурге. В письмах они мило щебечут на разные темы, «интригуют» в отношении молодых людей и как бы вскользь касаются городских тем, в том числе и фельетонов в «Оренбургском Листке».

«Письмо подруги к подруге. 10 января 1876 года, г. N Оренбургской губернии. Ангел-душка Наденька! Вот уже несколько дней, как я всё собираюсь писать к тебе, и столько, столько мыслей накопилось, что я уж решительно не знаю, с чего начать. Дня три я страшно хандрю; маменька сердится, говорит: «Верно, влюбилась»; а в кого у нас влюбиться? Ведь здесь не Оренбург. Завидно даже всем вам; сколько там у вас удовольствий, веселостей!.. сколько офицеров!.. Я на тебя сердита, ты ничего мне не пишешь, а, верно, на праздниках веселилась, была в собрании. Что же ты молчишь? опишывай, пожалуйста, всё-всё подробно. Вы там, в Оренбурге, делаете визиты, ездите на ёлку, на балы, а потом обо всех вас печатают.

Как это весело! Верно, и о тебе я когда-нибудь прочту в «Оренбургском Листке». Вот у нас так

совсем другое дело: что бы ни случилось, ни о чём не напечатывают, даже обидно. Я ужасно рада «Листку», перечитываю его по нескольку раз, только не всё понимаю, а расспросить не у кого. Пожалуйста, напиши, правда ли это, что у вас в собрании лавку открыли и дамы торгуют, продают шампанское бокалами, но как дорого! Паненька говорит, что этого быть не может, что шампанское меньше бутылки не продают, и что акцизный чиновник не позволил бы торговать так. Вот ещё хотела бы тебя попросить, объясни, пожалуйста, что такое значит басня «Гусь, магистр и икра». Мы все перечитали, и каждый толковал басню по-своему. Маменька говорит, что это напоминают, чтобы икру к масленице покупали, а брат объясняет, что икра тут только так себе, для слова, а что это учат магистров ничего не бояться. Я сама не знаю, уж чему и верить. И гуся, и икру я видела и знаю, а магистра никогда не видела. Может быть, у вас случай какой-нибудь был с магистром, а мы тут додумываемся понапрасну?

Вчера у нас была одна наша знакомая, целый вечер говорили об «Оренбургском Листке», читали фельетон. Наша гостья спорила, что про деревянного полковника написали, верно, с каким-нибудь умыслом, а я думаю, отчего же такой игрушке не может быть? Ведь игрушки всякие делают. Брат мой нас всех рассмешил, стал жалеть, что машинка испортилась (речь идёт об эпизоде «Из дневника оренбургского старожил» в № 2

«Оренбургского Листка» за 1876 год: «Вторник, 30 декабря. Целый день вчера проездил с женой за покупками <...> Игрушку хорошую купил Володьке: сделан полковник деревянный, одет в казачьей форме и сам кланяется. Этакой шутки я отродясь не видал: мы все его с женой кланяемся заставляли, да сделано то непрочно: к вечеру, смотрим, уж и не кланяется. Снесу завтра чинить». — Прим. А. С.; «мастера», говорит, ещё хуже испортият игрушку, так бы её оставили, положили, она бы отлежалась и опять бы стала кланяться. Паненька за последнее время стал скучный, всё жалуется, что ему, бедному, трудно служить с новыми начальниками, ужасно уж они строги, каждую ошибку замечают; он теперь ещё больше загрустил, боится, чтобы его враги не напечатали о нём в газете чего-нибудь. До всего этому «Листку» есть дело: бухарскую кошку у ту задел; мне говорили, что такая кошка есть у жены нашего бывшего учителя, будто её выводят на улицу на сучерке; неужели это правда?»

На первый взгляд, «Переписка двух подруг» — всего лишь типичный образец беллетристической «фельетонной болтовни», развлекательный элемент на страницах газеты, главным образом, для привлечения к газете молодого читателя. С этим можно согласиться, но в то же время, преломляя под определённым углом бытовые городские новости, «Переписка» создаёт интригу вокруг новой газеты в целом и фельетона в частности. Так, с первых номеров издатель пытается расширить круг

читателей «Оренбургского Листка», сделать его массовым изданием, и в то же время прививает вкус к фельетону, учит непривыкшую к неофициальным новостям оренбургскую публику читать между строк.

Можно предположить, что такой тип фельетона оказался неперспективным, а маска — несвойственной автору из-за специфической манеры «девического» письма. Он даже начал путать имена адресатов, что, наверное, было замечено читателями, и фельетонисту пришлось выкручиваться: «Г. N. 30 мая 1876 г. Милая Надя! Что это тебе вздумалось в последнем письме моим именем вместо своего подписаться?»¹⁷

Несколько другой тип фельетона представляют собой заметки «Из дневника оренбургского старожил». Практически всегда они публикуются вместе с «Перепиской подруг». Уже одно это обстоятельство даёт повод думать, что под двумя масками прячется один и тот же автор. Однако Старожил в отличие от Подруг задуман для «окучивания» иного, «третьего», сословия — новой для частной провинциальной газеты читательской среды со специфическими интеллектуальными и эстетическими запросами. «Дневник» даёт хроникку мелких бытовых, личных и общественных событий. Это своего рода чтиво для обывателя, в котором, однако, присутствует некий анекдотический или юмористический выверт, повод для скрытой или явной иронии. Как бы между прочим Старожил вначале иронизирует по поводу нравов, суеверий вроде числа тринадцать, предрассудков, мелких непорядков, грубости

половых в трактирах или пропажи калош в общественном собрании. Например: «Пятница, 26 декабря. Вчера ездил с визитами. Слава Богу, нигде не приняли. По возвращении домой спорил с извозчиком: он считает время, как он говорит, по полиции, а я по своим часам. И оказывается, что полиция ужасно спешит. <...>. «Вторник, 30 декабря. Целый день вчера проездил с женой за покупками: задумали мы завтра, под новый год, ёлку деткам устроить. Дорого только всё очень: купцы говорят, что в пользу бедных очень много скупили — оттого и дорого. И как ни странно: конфеты привозные, сверху свежие, а внизу старые-престарые, так что и гостям не подашь, не то чтобы самому съесть».¹⁸ «10 января, суббота. <...> Случай какой со мной в бане-то: иду я попариться, отворяю дверь, глядь, а на полке, свесив голову, женщина сидит. Я было назад, да банщик остановил: «Ничего-с, говорит, это мы отца диакона попарили, так они отдыхают». Подошёл я ближе — точно диакон... Какие, однако, дякона-то длинные волосы носят».¹⁹

В форме дневниковых записей своей жизни, в которых внутренняя сюжетная линия опирается на семейные отношения, служебные дела и досуг, немолодой уже и кажущийся недалёким титулярный советник в соответствии с отведённой ему ролью отпускает двусмысленные реплики, сплетничает, балагурит, сообщая незначительные факты скудной на события жизни небольшого провинциального города. Однако изпод внешне наивной и простоватой

маски Старожила временами вдруг выглядывает ядовитый насмешник, словно пробующий на читателей границы дозволенного ему остракизма. «Понедельник, 29 декабря. Какой я странный сон видел сегодня ночью! Вижу, будто ко мне с визитом приезжает какой-то генерал. И мы будто бы с ним на ты. Берёт он меня под руку, и мы будто выходим с ним гулять на улицу. А это первый день праздника, и в Оренбурге... на улицах везде выметено, ни сору, ни навозу, ни дохлой кошки. Даже пьяного ни одного не валяется... Приснится же такая небылица!»²⁰

Удобна простодушная маска Старожила и для проницного описания концерта в общественном собрании. «Прихожу к 7 часам в собрание. Нет ещё никого, только музыканты да любители хлопочут около инструментов. От нечего делать стал я афишку перечитывать. Помню, на всех афишках всегда печатается: с дозволения начальства, а тут вижу — нет. Верно, думаю, это для господ любителей уважение. Приметил также, что в афише уж очень много слов иностранных: нашему брату совсем непонятных — должно быть, не про нас писано.

Свернул афишу — сижу.

Аккурат половина восьмого, стала публика наезжать, барыни страсть как наряженные, а военные все в мундирах, так что мне в моём сюртучишке даже несколько совестно стало. Вот начали. Сперва музыканты из театра что-то проиграли... Ничего, громко... Потом г. Рассказов рассказ расска-

зывал. Забавно очень он рассказывает, и всё про какого-то генерала... А тут в первом ряду всё генералы сидят. Подивился я, как он это не боится, да после уж заметил, что полицеймей-

стер ему что-то говорил: верно, за это самое выговаривал. Пенье потом было. Военный полковник какой-то пел... Страсть люблю, когда военный человек поёт. Совсем не ждёшь, как выйдет он перед публикой, что он запоёт. Думаешь: вот-вот скамандует что-нибудь. Ан не тут-то было: так приятно да нежно затянет, что иной барыне поучиться надо. <...> Первый хор мне не показался: архиерейские не в пример лучше поют, да и запевало тянул слишком... Медные инструменты хорошо «Вниз по матушке по Волге» сыграли: только их бы на улицу следовало вынести. Там, на открытом воздухе, гласы-то эти трубные приятнее, а в зале очень оглушают...»²¹

Однако очень скоро ирония в дневниковых пассажах Старожила начинает тяготеть к сатире, требующей иной, более жёсткой формы выражения и иного сюжетного решения. Искусственно установленные ролевые рамки недалёкого и наивного резонёра начинают мешать эволюционирующему в сторону сатирического жанра фельетону «Оренбургского Листка».

«24 января, суббота. <...> Да вот кум не дальше как сегодня за закуской про Лиходеева купца какую штучку рассказывал и божится, что истинная правда. Были у этого Лиходеева года три тому назад закупки большие скота у киргизцев и расчёт с ними совсем у них был тогда же покончен. Только нынешним летом покажись Лиходееву, что мало он с киргизцев баранов получил. И давай он придумывать, как бы этих самых поставщиков попридадут. Ну и придумал же, леший его заешь, ловко!

Призывает он своих степных приказчиков, даёт им наставление, как с киргизами этими поступать, и посылает в степь. Приезжают приказчики в аул, отыскивают бывших поставщиков Лиходеева и требуют от них недобратных будто бы в третьем году баранов, которые по книгам за ними якобы считаются.

Те божатся, клянутся, что у них все расчёты с Лиходеевым ещё тогда же покончены, и они ему всех баранов по условию сполна доставили.

— А расписки? — спрашивают приказчики.

— Какие расписки? — говорят киргизцы, — когда у нас с Лиходеевым все дела на словах велись и никогда мы с него никаких расписок не брали.

— Ну, значит, врётё, — кричат на них приказчики. — Подавайте баранов!

Те туды-сюды, а приказчики всё своё: нас, мол, сам Лиходеев к вам за баранами послал. Стало быть, вы ему баранов не всех поставили; наш хозяин купец первостатейный, мошенничать не станет.

Что тут делать киргизам? Они — за муллой: присягу, говорят, примем, что ни одного барана за нами не остаётся.

А приказчики не согласны. Какая, говорят, такая присяга у вас? Вы нам невесть чего с муллой набормочете, а мы это должны за присягу принимать? Как бы не так! Мы вашего закона не знаем и до присяги допустить не можем...

— Как же быть-то? — спрашивают их киргизы.

— А вот как, — отвечают приказчики, — вместо всякой присяги задаем мы так: выпейте по стакану воды с солью, закусите хлебом, и если ничего с вами через час не будет, ну, значит, вы правы, и наш хозяин от своей претензии отказывается.

Согласились киргизы, выпили воды с солью, закусили хлебом и ждут.

А приказчики-то, не будь плоти, вместе с солью в воду-то слабительного порошку и намешай.

Не прошло и получаса, как стали киргизы из кибитки выбегать, а приказчики, знай, посмеиваются:

вот, говорят, она, правда-то, наружу и выходит. <...> ...отдали киргизы второй раз баранов, хоть и жалко было даром отдавать. Только об Лиходееве слышать не могут: плут, говорят, этот урус, ай-яй какой плут — люди!

Недаром, должно быть, про Лиходеева песенку сложили: «Когда бы не был коммерсантом, был бы, верно, арестантом» и т. п.»²²

«2 марта. <...> Не успел я нашу улицу пройти, как мне навстречу Алексей Семёнович Шишин, купец знакомый. — Куда? — В трактир, говорю, — пойдём-ка, Алёша, вместе чайку выпить. — Ладно.

Отправились мы, и дорогой мне Алёша такую историю рассказал. В прошлом месяце приезжают к нему в лавку две какие-то барышни. Говорят, в степь едут и закупают разного товара по записочке рублей этак чуть ли не на пятьдесят. Купили, деньги отдали, велели уложить, прислать на дом, а сами уехали. Алёша-то мой, не будь промах, думает: спущу-ка я им старья всякого, залежалого — когда там в степи разберут... Да и велел всякого гнилы в ящик наложить, да увязать хорошенько, так, чтобы в дорогу совсем можно было взять — и отправил. Только на другое утро — не было ещё Алёши-то моего в лавке, а сидел за него брат Сеня, тоже хороший, ловкий купец — приезжает в лавку какой-то полковник и начинает ругаться; зачем его жене гнилого товару вчера послали? Перемените, говорит. Семён Стенаньч подумал, подумал, надо переменить, дело дрянь выходит. Начал уж мальчик

товар из ящика вынимать, как мой Алёша — шасть в лавку.

— Вы что такое делаете? Я сам товар отпускал, а вы браковать смеете?! Укладывай назад — ничего менять не стану.

Полковник было в амбицию, грозит ему, что полицеймейстеру пожалуется, не то в газетах отпечатает.

— Хоша тридцати двум полицеймейстерам жалуйтесь, — говорит ему Алёша, — в тридцати двух газетах печатайте, — ничего себе не боюсь...

А у полковника-то, оказывается, уж и лошади заложены — ехать надо, дела подымать некогда. Поругался он, поругался, да с тем и уехал.

— Со мной ведь много не навоюешь, — говорит мой Алёша.

Ай-яй, храбрый он купец, ей-богу: ему бы как раз в военной службе служить.

Только в этом деле он не прав, я полагаю, и хоть по-приятельски ему поддакивал, а всё думаю, что будь у нас мировые — не сдобровать бы моему Алёше: штраф бы большой заплатил».²³

Дневник, мелкотравчатые записи из повседневной жизни заурядного оренбургского обывателя уже мало подходят для выражения зреющего пафоса сатиры и обличительства их настоящего автора. Маска Старожил тяготит его, становится тесной, а манера громоздкого ролевого письма, для которого каждый раз надо придумывать новые бытовые и семейные подробности, — назойливой. Старожил, как и в случае с «Перепиской двух подруг», начинает путаться в

деталях собственной жизни. В № 2, например, он рассказывает о покупке ёлки для детей и игрушечного полковника для одного из них — Володьки, а в № 52, напоминая читателям о том, что жена Марфутка сбежала с кумом, восклицает: «... благодаря добрых людей и жены уже нет». Старожил изживает себя, выполнив, однако, «разведку» границ сатирического наскока.

Ещё одна причина исчезновения со страниц «Оренбургского Листка» «дневника оренбургского старожила», на наш взгляд, в том, что ту же роль хроникёра местных событий, только в более свойственной автору литературной манере, в газете в это время выполняла другая маска — Nemo. Мы постараемся доказать, что он и Старожил — одно и то же лицо. Мало того, постепенно происходит унификация масок, которая через несколько месяцев после выхода первого номера «Оренбургского Листка» приводит к их слиянию и рождению самого интересного и самого важного в карнавале фельетонных масок с точки эволюции жанра персонажа — С. Барбачёва.

В № 17 за 1876 год появляется новая фельетонная рубрика «Картинки с натуры». Её сопровождает подпись: «Посвящается памяти Старожила». Так Барбачёв объявляет о литературной смерти своего alter ego. Повод для исчезновения автора «Дневника» он делает сюжетом одной из «картинок» своего первого фельетона.

«— Вы слышали, фельетонист Старожил сбежал?

— Как сбежал?.. куда сбежал?

— Неизвестно куда, но только сбежал!..

Такие разговоры слышались всюду в минувшую неделю. Я один из первых услышал эту печальную новость и даже несколько обиделся на своего доброго знакомого, который сообщил мне об этой утрате, когда я, по требованию редакции, спешил в редакцию.

— Помилуйте, — сказал я ему, — как можно выражаться таким вульгарным языком? Разве фельетонист собака, по вашему мнению? И как он может «сбежать»?! Так можно выражаться только про животное, а не про человека, притом такого почетного, как г. Старожил!

— Ну, батюшка, в таких обстоятельствах и фельетонист сбежит, как «собака»... потому — круто!

— А-а-а!.. Понимаю: верно, фельетоны г. Старожила вскружили голову какой-нибудь барыне или барышне, и они удрали от строгого мужа или напеньки, чтобы не вышло... недоразумение.

— Ну, нет, совсем не потому, что от его статей кружится голова, и удрал он не с барышней, а от г. Савинкова, который хочет притянуть его к суду...

— Эге, вот что... Худо, значит!..

— Это ещё не всё. Я, говорит, и редактора потяну на основании 190, 40 и 41 статей цензурного устава и цензора, или, как выражается он, г. Савинков, «и лицо, которое цензуруя, не отличило безвредной шутки, допускаемой по программе фельетона, от злонамеренной истины»...

— Всё это прекрасно, но чем же виноват фельетонист, что г. Савинкову угодно было узнать себя в Сорвинкине, а ещё менее господин цензор, который, может быть, даже и не ведал, что в городе проживает г. Савинков, из случайного созвучия вымышленной г. Старожилом признавший в «карикатуре» себя. (В фельетоне Старожила речь шла о кушце-поставщике, который наживался на городской казне за счёт разницы в цене на поставляемые продукты. — Прим. А. С.) Наконец, позвольте вас спросить, горячился я, за что же тянуть ре-

дактора и цензора к суду, если они напечатали «истину», а не клевету, так как и Савинков, не обвиняя их в клевете, грозит лишь за то только, что они напечатали «злонамеренную истину»?! Мне кажется, что за качество сообщаемого факта должно отвечать то лицо, которое совершило его, а не то, которое занесло факт в хронику местной жизни.

— Ну, вот, подите же, а Савинков обиделся.<...>

— Да неужели же г. Старожил совсем покинул нас?

— Нет, он возвратится. Он уехал лишь на короткий срок посоветоваться с адвокатами».

Это была первая серьёзная реакция на фельетон «Оренбургского Листка». Гроза в этот раз прошла мимо, но фельетонист использовал повод и для того, чтобы позубоскалить на тему «злонамеренной истины», и чтобы расстаться со старой маской.

Старожил, тем не менее, ещё не раз появится в газете, но уже как персонаж и собеседник С. Барбачёва в его собственных фельетонах. Правда, в последнем номере «Оренбургского Листка» за 1876 год «Дневник оренбургского старожила» появляется вновь. Но это, скорее, для разнообразия масок и отвода глаз, потому что уже невооружённым глазом видна огромная дистанция между недалёким престарелым обывателем из первых номеров газеты и едким смелым сатириком, бичующим врагов городской управы.

«5 декабря, воскресенье. От обедни зашёл к Сафронову, на-

вестить больного человека захотелось. Какие он мне про себя страсти рассказывал, так слушать страшно. Уверяет человек, будто его всякую ночь черти по городу носят и, где что делается, всё ему показывают. На днях, божится, клянётся, что правда, — не успел он в 10 часу вечера заснуть, как духи какие-то его подхватили и унесли. Несли, несли его по воздуху-то да вдруг в трубу на каком-то дому вместе с ним и нырнули. Вынырнули — глядь: чей-то большой кабинет, кругом диваны мягкие стоят, на них все пузатые господа, купцы, должно быть, лежат и горячий между ними разговор идёт. А Сафронова-то с чертями, что его принесли, будто не видно.

— Вы, — говорит один из гостей хозяину, — Ефим Михайлович, законов не знаете; так поступать нельзя, этак нас всех сейчас накроют. А вы вот что сделайте: пошлите за Кобелевым, да у него и спросим, как тут поступить — оно вернее будет. Кобелев у вас человек верный и всякие порядки знает — его совета послушать можно.

— Ладно, — отвечает хозяин. — Митюха, беги за Кобелевым, а мы тем часом челонокнемся ещё разик...

И видит Сафронов, как они чокаются, пьют и закусывают.

Вот привели и Кобелева. Рассказывают ему в чём дело. Ну, тут уж Сафронов мне ясно объяснить не умел, в чём тут было дело. Суть-то, однако, я понял: речь будто бы шла о каком-то подряде да о том, как бы закон обойти, да такую статью подвести,

Оренбург.

Николаевская ул., магазин Шанина

чтобы всем компаньонам выгодно, а казне накладно приходилось.

Думал, думал Кобелев над этим делом, листовал, листовал Х-й том, — а все ничего выдумать не может.

В эту минуту — тут уж Сафронов совсем несообразное рассказывать стал — один из чертенят, что его через трубу пронесли, подскочил будто бы к Кобелеву и давай кончиком хвоста закон перелистывать. Перелистовал несколько страниц, да хвостиком и показывает.

Кобелев, словно встрепанный, как вскочит...

— Нашёл, — говорит, — господа! Вот она статейка-то — самая подходящая: можно и так и эдак...

Прочитал Кобелев статью и поднялся гвалт тут невероятный, так что у Сафронова в ушах затрещало (это у него должно быть от хины). Хозяин бросился обнимать Кобелева, гости также, потребовали ещё вина, и пошла попойка. А Сафронова будто бы черти опять подхватили и вмиг домой принесли и в постель уложили...

Как прослушал я всю эту чепуху и говорю Сафронову:

— Бредишь ты, братец, всё, надо тебе капли успокоительные принять.

А он-то божится, клянется, что всё это собственными глазами видел и вдруг — чудное, ей-богу, дело — показывает мне бумажонку, на которую он со слов одного из этих самых чертей записал себе песенку, которую будто бы за попойкой у Ефима Михайлыча гости его вместе с хозяином пели.

Из любопытства я песенку записал:

Мы все подряд
Берём подряд!
Его хотят
У нас отнять,
Но нас ведь пять —
Не совладать
Врагам опять,
Затем, что мы
Искушены:
Умеем дать,
Умеем взять,
И нам отдать
Здесь всякий рад
Любой подряд,
Лишь был бы лад
Между собой,
А нас с казней
Уж пусть мирят,
Все, кто подряд
Любой подряд
Отдать нам рад,
А там хоть в ад!
Ад, ад, ад, ад!
Ад, ад, ад, ад!

И припев-то какой-то чисто дьявольский. Прочитал я стишки эти и плюнул, а Сафронову посоветовал за священником послать да молебен отпеть от дьявольского наваждения.²⁴

Налицо явная сатирическая трансформация Дневника и личности его автора. Старожил в данном случае оказывается равным Барбачёву и находится на его «игровом поле». Кстати, история, описанная Старожилом, тематически повторяет «картинку» из первого фельетона С. Барбачёва, посвящённого памяти Старожила.

« <...> Говорили конторщики некоего подрядчика:

— Напрасно они обижаются, — говорил один молодец, имея в виду странное письмо Н.П. Савинкова. — Вот про наших Обдиралкина и Мизгайглазкина раз как-то в газетах пропечатали (последняя фамилия, по нашему мнению, возникла из рассуждения Старожила в № 15 «Оренбургского Листка» по поводу того же купца Сорвинкина): «И где, подумаешь, совесть у людей?» «Казна, — говорят, — богата, что её жалеть?» Да ведь казна-то — та же мужицкая мошна. А за мужика, Христова брата, Богу отвечать придётся. О смертном часе жадники эти не помышляют, оттого в них и Бога нет, знают только своего тельца золотого. Вот им на том свете уже будет баня: спохватятся, да поздно: там ни отступного, ни отсталого, ничего такого — начистоту дело повеётся. Впрочем, и на этом свете им позавидовать не в чем: карманы набиты, а глаза мигают — значит, совесть нечиста, как они кошму в казну ставили, так они не токмо, чтобы обижаться, а ещё смеялись...

Да как же было им и не смеяться: как ловко они сперва приёмщика поднадули, а потом полицию: мы, братцы, животики надорвали от смеху. Дело происходило таким образом: взяли они, значит, подряд поставит в казну кошму киргизской валки. Ну а видать, что старичок приёмщик простоват, можно будет поднадувать. Спервоначалу ставили кошму из ордынской шерсти пополам с кислой. Ничего, ви-

дят, принимают... Мизгайглазкин и приободрись:

— Давай, — говорит, — всю вальять из кислой. Примет!

— Качай! — говорит Обдиралкин. — Старичок слепенький, не распознает.

А старичок был в самом деле древний, «малоразумный», кислую кошму принял беспрепятственно за настоящую и «фитанец» (квитанцию — Прим. А. С.) выдал...²⁵

Кроме того, сатирическую «картинку» тайного стовора мошенников-купцов с целью любой ценой завладеть казённым подрядом, теперь уже на устройство в городе газового освещения, С. Барбачёв вновь использует в № 4 от 22 января 1878 года.

«Наша дума приняла концессию Циммермана и, обрадовавшись хорошему делу, совсем было успокоилась. Но дьяволу ненавистен покой человеческий... И вот вечером, в один из вторников, мятежный дом плюгавого Мизгайглазкина засиял огнями. Хозяин ожидал званных гостей и в нетерпении ходил по залам большими шагами, разговаривая сам с собой:

— Отдать такое дело, да не спросясь, отдать чужому, а не «нашим...» Так не бывает же этому. Если не отобью, то расстрою, затяну...

Повернувшись перед зеркалом раза три, он очень остался доволен своей деловитой физиономией, решительно не примечая, что зеркало отражало в лице его только злость, подлость и высокомерие. Вот и гости стали собираться. И, о мой Бог! Что это были за лица!..

ла даже заявления почтеннейшего С.П. Щербакова, даже его концессия провалилась, и провалилась с треском, с шумом. Что же касается затем Мизаилазкина, то они ещё раньше исчезли и провалились, как проваливается дьявол в 12 часов под светлый праздник!

А всё-таки мне жалко капиталов наших доморощенных концессионеров. Лежат они втуне и только зудят в карманах богачей.

А знаете ли что, гг. доморощенные капиталисты? Исхлопочите вы себе концессию на железную дорогу в Илецкую Защиту или хоть на конно-железную дорогу к Меновому двору от дебаркадера оренбургско-самарской дороги. Лучших пивков и банок для ваших плутократических болей и придумать не могу.²⁶

Таким образом, Старожил становится С. Барбачёвым. Полное имя псевдонима мы узнаём лишь на закате маски²⁷ — Степан Иванович — точно такое же, как у его «одноразового» предшественника Степана Ивановича Щелкунова, подписавшегося в № 16 «Оренбургского Листка» за 1876 год под фельетоном «Корреспонденция из города Б.» — о быте, нравах и традициях уездного городка. Наверное, фамилия Щелкунов показалась автору слишком фельетонной, и он сменил её на Барбачёв.

Кстати, и здесь проницательный читатель мог уловить подсказку: новый псевдоним произошёл, скорее всего, из слова «барба» — так называется острый заусенец, возникающий при процарапывании иглой картинки на металле. Из этого можно предположить, что фельетонист

имел отношение к типографскому делу.

Последний раз в качестве автора Старожил появится лишь через четыре года — без «дневника» и только для того, чтобы замкнуть карнавальное шествие фельетонных масок, несколько лет не сходявших со страниц газеты.

Но вернёмся к Нето. Его фельетон «Ничто не ново под луной» помещён на первой странице первого номера «Оренбургского Листка», рядом с передовой статьёй. Редактор явно хотел поставить знак равенства между ними или намеренно подчеркнуть особую важность этого жанра на страницах новой газеты. В связи с этим спорным выглядит утверждение В.В. Пугачёва о том, что «Оренбургский Листок» всего лишь аналог «листочков объявлений», выходивших в те годы в Уфе, Екатеринбурге, Елабуге и Сарапуле.²⁸ И заглавная буква в слове «Листок» в оренбургском издании, и то место, которое занимает в нём фельетон изначально, позволяют выводить название газеты в первую очередь из французского feuilletéon — листок, листочек.

Если Старожил изначально был нацелен на «третье сословие», то Нето, уже и своим «французским» именем, обращён к «чистой публике», по определению образованной, читающей, с иными интеллектуальными и эстетическими запросами. Фельетон в №2 «Оренбургского Листка» начинается с анонса, тематически характерного для Нето: «Скучно ли в Оренбурге и, если скучают, то кто больше. — На что, кроме скуки, у нас теперь мода. — Жалобы на прислугу. — Педагогиче-

ские дебаты среди прекрасного пола и (внимание! — прим. А. С.) — «Отрывок из дневника оренбургского старожила». Каждый эпизод фельетона Нето даёт беллетристическую картинку (у Барбачёва это так и называется — «Картинки с натуры») из жизни оренбургского общества в её лёгком ироническом преломлении и с правоучительным подтекстом.

«<...> Другая мода, господствующая теперь в нашем городе, — это жалобы на прислугу.

— Поверите ли, сил никаких нет, — говорит иная барыня, один взгляд на которую как-то разубеждает всякого в том, будто бы у неё может на что-нибудь не хватить сил. — Такой беспутный, такой беспутный народ, какого свет не производил.

— Что же такое? — полюбопытствуешь из приличия.

— Да как же?! Нанимаю я кухарку, даю ей три с полтиной жалованья, чай и сахар, а у неё оказывается целый батальон дворянских братцев: то один, то другой днюет и ночует на кухне. На что же это похоже?

Пока соображаешь, на что, в самом деле, это могло бы быть похоже, барыня продолжает свою филиппику против кухарки, которая, в конце концов, оказывается и воровка, грубиянка и, наконец, чёрт знает что такое.

— А у меня горничная, — подхватит другая барыня, — какая-то беспаспортная, грубит тоже на всяком шагу и даже отказывается за кошкой моей убирать! Ведь не могу же я настоящую бухарскую кошку выгонять в 45

градусов на улицу, когда она этого не переносит. Она привыкла к тёплому климату, а эта дрянь ничего понимать не хочет, да ещё смеет рассуждать. Никакой на них управы нет! Хоть бы скорее мировых ввели, что ли. Припугнули бы их хорошенько, а то с ними житья нет.

— Но позвольте, — возразишь с возможною мягкостью обеим расвирепевшим представительницам прекрасного пола, — ведь если вы не договариваетесь заранее, чего будете требовать от кухарки или горничной...

— Как это так? — перебивает меня вторая барыня. — Значит, если я договорю горничную ходить за моей кошкой, а через месяц у кошки будут котята, — я опять должна договориться, чтобы она и за котятами ходила?

— Разумеется.

— Ну уж извините, это поблажка прислуге, это... это... вы просто либеральничаете!

И пойдут мои барыни петь на эту тему, и чего только не приплетут и кстатти, и некстатти: и нигилистические убеждения, и незнание практической жизни, и общую испорченность нравов, и окажется, по их мнению, что я чуть-чуть не государственный преступник, расшатывающий самые прочные основы общества.

Ну и замолчишь, соображая, что ведь «стрижено»...

Сочувствуете ли вы мне, читатель?

А вы, читательница?

За вопросами об ужасах скуки и негодности прислуги первое место

принадлежит у нас вопросам педагогическим, касающимся воспитания и образования детей. Здесь тоже больше ораторствуют печительные мамы; папы же обыкновенно, созная, что бесполезно против рожна прати, только более или менее выразительно мычат в ответ на проповедуемые их супругницами теории.

Вообще говоря, у наших почтенных родительниц в этом отношении две крайности: или они все в детях, или же дети сами по себе, а матери сами по себе, и друг о друге не думают.

У тех и у других свои основания.

— Я, — говорят первые, — не допускаю никакого постороннего влияния на детей, пока они дома, и считаю своей обязанностью самой их воспитывать.

— А по-моему, — возражают вторые, — как ни воспитывай, всё равно: какими родились, такими и будут, были бы сыты, одеты, обуты, а там что из них выйдет — один Бог знает.

— Это эгоизм.

— Нет, не эгоизм, а просто, как вам сказать...

— Нет, эгоизм.

И пошла писать губерния.

Уследить за спорящими в этих случаях всё равно, что воробья за хвост поймать: невозможно.

Но вот из области разных теорий вопрос переставлен на почву практической жизни.

— Вы куда вашего Ванюшу отдаёте? — с некоторым ехидством спрашивает одна мама другую, хотя очень хорошо знает, что Ва-

нюша по слабости здоровья давно назначен в военную гимназию.

— Разумеется, в военную гимназию.

— Вот уж никогда бы не отдала.

— Отчего же?

— Как отчего? Да разве он будет вполне образованным человеком, если не пройдёт через университет?

— Ну, в университет ещё пойдёт или нет, а тут, по крайней мере, здоровье сохранится, не надорвётся от занятий латынью да греческим.

— А вы думаете, в военной гимназии меньше занимаются? Извистите-с: по шести часов каждый день, и к каждому готовиться нужно.

— Нет-с, не по шести: гимнастику, рисование, пение разве можно считать?

— Ну всё равно — по пяти. Разве это по зубам десятилетним детям?

— Зато древних языков нет. Скажите, зачем нам древние языки?

— Как зачем? — недоумевает защитница классицизма, — ведь в университете без них не примут.

— А в университете зачем?

— Странный вопрос — для высшего образования.

— С расстроенным-то здоровьем? Благодарю покорно. Нет, пусть мой сын меньше знает, да будет здоров, чем попадёт в университет, да умрёт в чахотке.

— Да отчего ж непременно в чахотке?

— Оттого, что не по силам занятия.

— Как не по силам, когда у них в два часа занятия кончаются?

— Нет, не к двум, а чаще к трём.

— Гимнастику, рисование, чи-стописание считать нечего.

— Ну хорошо, к двум, а древние языки?

— Что ж такое древние языки?

— Ведь это убийственно...

— А в военной гимназии — математика, разве не всё равно?

— Нет, не всё равно: математика развивает...

— И древние языки развивают.

— Ну уж — развивают...

Далее спор за недостатком аргументов обыкновенно или прекращается, или кем-либо из спорящих призывается третье лицо, рассуждающее гордией узел каким-нибудь глубокомысленным афоризмом, вроде «дело не в том, чему учиться, а как учиться... но жаль, что у нас хороших учителей мало».

— Да, да, это правда, — соглашаются обе мамы.

И спор, наконец, затихает».

Темой фельетона Нето может стать, например, постановление старшин оренбургского общественного собрания о маскарде, в котором дамы должны участвовать не иначе как в масках. «В Оренбурге интриговать? — восклицает фельетонист. — Помилуйте! Что и про кого в этой боготерпимой столице степей неизвестно всем и каждому?» Пророческим образом эта фраза со временем станет применимой и к персонажам фельетонов «Оренбургского Листка».

Иронизирует Нето по поводу открытия кредитного общества:

«<...> ... выяснилось только одно: ни тот, ни другой не читали устава нового общества, а только слышали об нём, да и то кое-что, мельком.

Да и оно неудивительно. Сведений сколько-нибудь точных об обществе взаимного кредита до самого момента его открытия у большинства почерпнуть было неоткуда. Само же открытие подготавливалось путём ни для кого неведомым, и совершилось именно тогда уже, когда истек срок, положенный для этого законом.

Результатом такого ведения дела явилось естественным образом то, что в учредители общества успели записаться, по большей части, такие господа, которым и без того кредит везде открыт; мелкие же промышленники, ремесленники и вообще малоденежные люди, всего более нуждающиеся в кредите, разумеется, не успели сколотить необходимых 50-100 рублей учредительского взноса и теперь могут считать для себя двери сего святилища закрытыми надолго, если не навсегда. Так, впрочем, всегда и везде было. Так и у нас будет: большие мухи прорывают паутину жизни, а маленькие погибают в ней».²⁹

Насмешничает фельетонист по поводу развлечений общества во время Великого поста, стремления оренбургских барышень говорить по-французски, а также по поводу литературных и духовных запросов оренбургских аборигенов.

«<...> ... у нас в Оренбурге людей, следящих за всеми явлени-

ями литературы, вы не найдёте. Здесь все люди, занятые службой. А не литературой, читающие только в промежуток времени от послеобеденного сна до вечерней партии. Много-много, если успевают они пробежать две-три главы «Анны Карениной», какую-нибудь язвительную статейку Щедрина или новую сатиру Некрасова...

— Вот об этом обо всём и можно было бы говорить (на семейных вечерах, в общественном собрании — прим. А.С.), — настаивает моя собеседница.

— Попробуйте, только ведь много не наговорите: теперь литературные вопросы давно уже на второй план отошли.

— Я вот и хотела бы, чтобы их опять на первый план поставили...

Пожелал я молодой особе исполнения такого прекрасного желания, но внутренне усомнился, чтобы и ей, как большинству наших барынь, не было решительно всё равно, какие там вопросы будут стоять на первом, а какие на втором плане. У нас обыкновенно принято так: самый интересный вопрос — это личная выгода, за нею — личный почёт, за ним — личное удовольствие, а там уже, где-то «у воды», как говорят театралы, — общественная польза, интерес массы и другие прекрасные вещи. Эти последние мы бережём, как драгоценности, и дабы они лучше сохранились, возможно реже к ним прикасаемся. Лучшую приправу к вопросам, нас интересующим, служит скандал. Его мы ищем,

как манна небесной, и он мало-помалу становится настолько же необходим для того, чтобы придать сколько-нибудь краски нашей обыденной жизни, насколько нужны разные пикантные соусы и сои для испорченного вкуса много гастронома. Теперь скандал нам подавай, а без того нам рай не в рай. Побьют ли кого-нибудь на улице, на глазах у полиции и на виду у всех гуляющих, предложат ли кому оставить службу, не ожидая, пока он догадается сам подать о том прошение, пришлют ли кому анонимное письмо, на котором на целом листе почтовой бумаги написано только одно слово — мошенник, — и зазвонят обо всех этих мелочах досужие кумушки, обрадованные такой благодатью, и долго-долго на разные лады передаются из уст в уста и жадно выслушиваются скандальные истории, эти новости дня скучающей провинции.

Читатель, вероятно, согласится со мной, что это правда, и грустная правда, но мы можем в утешение себе сказать только одно: по всей обширной матушке России, на всём неизмеримом пространстве повторяется то же самое. Ясно, что и это плохое утешение; мне в моём скверном положении нисколько не легче оттого, что другому не лучше моего, но, по крайней мере, тут завидовать некому — лишнего дурного чувства не пробуждается.

Да отчего же это так? Что мы, заколдованные, что ли какие, что не можем до сих пор выбраться на прямую дорогу, дать разумное

Оренбург, уличные торговцы,
начало XX века

содержание своим общественным собраниям, общественным беседам? Чего нам для этого не достает?

— Многого-с, но об этом много трактовать в фельетоне не приходится. Не то как раз окажется: начнёшь за здоровье, а кончишь за упокой... Да, собственно говоря, и бесполезно: плетью обуха не перешибёшь.

«Дураков на Руси не убавишь,
А на умных тоску наведёшь!»³⁰

Нето часто выступает со стихотворным фельетоном, что в те времена тоже было признаком вкуса и аристократизма. У Нето стихотворный фельетон либо выступает в качестве самостоятельного произведения, либо является квинтэссенцией предшествующего прозаического текста, либо становится каламбуром или эпиграммой.

«Гостиная
Что может быть лучше
гостиной у нас!

В ней всё так лично,
в ней всё так на месте.
Там много приятного
слышишь

подчас,
Когда соберётся в ней
общество вместе.
«Вы слышали новость?»

Да это — скандал!

Об этом весь город
толкует»...
Начнёт так хозяйка — и целый
кагал
В гостиную весь вечер бушует,
О всяком тут скажут
хотя бы два слова,
И всякого выберают в этих
словах;
Спасишь не бывает тут
средства другого,
Как быть налицо и у всех
на глазах.
Продёрнувши ближних, сии
христианки
С смиреньем, достойным
безгрешных святош,
Толкуют о том, что обед
из овсянки

Оренбург,
начало XX века

Без мяса едва ли бывает хорош,
 Что всем беднякам помогать
 надо чаще,
 Чтоб сделать им жизнь хотя б
 несколько слаще, —
 Толкуют с таким
 умилительным чувством,
 Что, слушая их, умилишься
 и сам.
 И думаешь: Господи, сколько
 искусства!..
 На сцену, на сцену, на сцену,
 mesdames!»³¹

«По остроумному выражению одного местного оратора, железная дорога приблизит нас даже к царствию небесному; но так как это более относится к случаям крушения поездов, то мы оставляем пока такое преимущество без особого исследования, тем более что по всякому отдельному случаю такого облегчения перехода от земной юдоли к жизни вечной само правительство озабочивается назначением следствий с разными более или менее неприятными последствиями.

Кому на свете не мила
 Земная жизнь с ея тревогой,
 Со сменой в ней добра и зла?
 Но во сто крат милей она
 Везде с железною дорогой!
 У нас же здесь, в степной тиши,
 Кому, скажите, судя строго,
 Не утешенье для души,
 Что по чужбине и в глуши
 Теперь всем скатертью дорога?
 Железный путь благословить
 Мы все должны единогласно:
 Прекрасно в Оренбурге жить,
 Но как того не оценить,
 Когда и выехать прекрасно!»³²

«А некоторым из наших клубных членов пение обоих артистов так нравится, что они слушают его не иначе как в полуместности соседних с залом клубных комнат, приотворивши только немножко двери. Оно, видите, и дешево и мило. За что, в самом деле, деньги платить, когда и даром послушать можно. Вот истинные любители — только от их платонической любви певцам ни тепло ни холодно.

Должно быть, пенье увлекает
 Так сильно этих господ,
 Что совершенно забывают
 Билеты взять они на вход».³³

Последний раз Nemo появляется в № 3 «Оренбургского Листка» за 1877 год. В предыдущих фельетонах он начинает нарушать границы своей роли и касается тем, больше свойственных Барбачёву. Например, начинает задевать городскую думу: «<...> ... есть в Оренбурге городская дума, у которой, как у сказочной лисы, тысячи, тысячи думушек, и одна управа с головою во главе».³⁴ А также подобно Барбачёву начинает участвовать в создании галереи сатирических типов, выведя в стихотворном фельетоне на чистую воду арендатора водяной мельницы Федула Ивановича Лошадикина из г. Обдорска (легко угадывается г. Орск), обворовывавшего своих клиентов. В результате Nemo, как и Старожил, оказывается на территории Барбачёва и начинает «терять лицо». А на самом деле все маски начинают сливаться в одну, наиболее удобную и органичную для фельетониста, вытекающую из

общественных и гражданских задач того момента.

То, что Старожил, Подруги и Nemo — одно и то же лицо, наблюдательные читатели могли понять с самого начала. В упомянутом втором номере «Оренбургского Листка» за 1876 год последним пунктом в анонсе значится «Отрывок из дневника оренбургского старожила». И хотя подписан фельетон X, это всё-таки Nemo. И не только потому, что следом за ним стоит стихотворный фельетон «Гостиная», подписанный Nemo (а практика в «Листке» такова, что каждый раз фельетонный подвал занимает очередная дежурная маска). В пятом и шестом номерах «Листка» «дневник» отпечковывается в отдельную рубрику, но в седьмом появляется фельетонист и в рубрике «Вместо фельетона» практически напрямую говорит о едином авторстве всех опубликованных до этого фельетонов: «С первого дня 1876 года я постоянно нахожусь в тревожном состоянии: я фельетонист «Оренбургского Листка», и совершенно понятно, что критика моих произведений меня интересует». А ещё через номер выходит «Исповедь фельетониста» в стихах, где Nemo без обиняков объявляет:

«Читатель дорогой, всё, чем я
 вас обидел,
 Всё, чем кого из вас я оскорбил,
 Простите мне теперь;
 быть может, я не видел
 И сам тех глупостей, какие
 натворил.
 Но если поделом кому бы
 и досталось
 Не в бровь, а прямо в глаз
 попавшего строклой,

Забвению пусть предаст
 фельетониста шалость
 И на неё пускай махнет
 только рукой.
 Но, чтобы довершить моё
 здесь покаянье,
 Прощения у вас я искренне
 прошу
 За всё, что написал для этого
 издания.
 За всё, что для него и впрямь
 я напишу.
 А дабы облегчить вам формулу
 прощенья
 И индальгенции самим
 не сочинять,
 Решаюсь я теперь
 для самообличенья
 Вам всех своих грехов
 подробный список дать.
 Их счётом семь, как семь
 и фельетонов,
 Что здесь в «Листке»
 я грешный поместил.
 И об одном молюсь —
 на милость нет законов,
 Чтобы читатель мне все семь
 их отпустил <...>».³⁵

Итак, из шутливой исповеди ясно, что автор у всех первоначальных фельетонов «Оренбургского Листка» один, но интрига остаётся, ведь неизвестно, кто так искусно меняет маски. Кто Фельетонист?

«ГАЗЕТА ВЫСТУПИЛА ЗАЩИТНИЦЕЮ...»

Уже с первых дней существования «Оренбургского Листка» фельетон не был простой рубрикой, отделом или «смесью». Он выполнял особую роль в формировании

читательской среды для новой газеты. С одной стороны, фельетон как лёгкая, неофициальная форма подачи городских новостей стремился «понравиться» как можно большому количеству читателей, потому что от этого зависел коммерческий успех частной газеты, с другой — стать обличителем пороков и выразителем прогрессивной общественной мысли, её сатирическим оружием в борьбе с местными врагами прогресса.

Фельетонист, он же Нето, в № 3 за 1876 год в рубрике «Вместо фельетона» выступает с программным обращением в адрес оренбургской публики, настороженно и даже в штыки встретившей новый для неё жанр на страницах газеты.

«Чутко прислушиваясь к толкам, я с полным напряжением стремлюсь поймать требовательные мысли общества и с желанием угодить стараюсь разузнать, чего хотят от фельетона. Выход каждого номера в свет я праздную,

ождая, что вот-вот моё перо понравится обществу, и что я с новым воодушевлением буду готовить фельетон для следующего воскресенья... Но торжество моё постоянно помрачается: я, неведомый для окружающих, выслушиваю разные суждения и между справедливыми отзывами встречаю от людей бесшабашную брань. <...>

— Позвольте, милостивый государь, осведомиться, — смиренно спрашивал я, — чем именно не нравится вам последний фельетон (до других статей я не касаюсь, это не моё дело).

— Как чем? Да в нём никакого направления нет! — с криком возражает мой собеседник.

Я испугался, спустил голос до шёпота, и всё-таки рискнул спросить:

— Какого же направления вы хотите?

— Какого? Хорошего, такого, чтобы всё было направлено и на-

правлено хорошо, а не как-нибудь. <...>

Тут другая компания: дамы и девицы, окружённые молодёжью. Вдруг кто-то вскользь заметил:

— Того и гляди, в «Листке» начата печатают...

Меня так и подхватило, я не вытерпел и спросил соседку:

— Как нравится вам «Листок», то есть фельетоны «Листка»?

— Ах, боже мой, они мне совсем не нравятся: никакой серьёзности нет, — ответила дама. — Всё о пустяках пишу.

— И даже девиц задела («Переписка двух подруг» — прим. А.С.), — неделикатно вставил самый юный кавалер, — и совсем не остроумно. Лучше бы что-нибудь серьёзное писали. <...>

Мне первый раз в жизни случилось выслушивать требование от фельетона хорошего серьёзного направления, или «направления» и «серьёзности». Я не враг себе. Я люблю хорошее направление и охотно читаю лёгкий фельетон, но не могу себе представить всё это вместе сбитое, то есть лёгкость и серьёзность с направлением. Вдумываясь таким образом в поданный мною вопрос, я машинально взял в руки лежавший на столе конверт. <...> Неизвестный мне читатель «Листка» писал, что во всех моих статьях он узнал своих знакомых, причём, нисколько не стесняясь, перечислил их фамилии; затем выражено желание, чтобы я на это анонимное письмо категорически ответил печатно: угадал ли он или нет? <...>

Я припоминаю всю выразитель-

ность фраз о требовании «направления» и «серьёзности» и не сомневаюсь более, что такие заявления были вызваны соотносительностью статей фельетона с действиями определённых личностей, или, иначе сказать, в моих статьях заподозрено обличение... личностей.

Жаль, очень жаль, что фельетон понимается так узко и своеобразно... Раз навсегда объявляю, как автору письма, так и всем, что подразумевать кого-либо в вымышленых мною личностях не следует; обличать кого бы то ни было для меня лично не только нет цели, но нет и надобности. Ловя факт из общественной жизни, я останавливаюсь на нём без всякого отношения к лицу, так как мне решительно всё равно: совершил ли этот факт с тем или иным лицом. Для дела важно то, что факт осуществился. Читатели сами должны взвесить значение приведённого факта и могут отнестись к нему так, как, по их мнению, следует отнестись. Узнавать же в факте того или другого — и бесцельно, и непрактично. Ведь ошибиться очень легко, а этого следует остерегаться...

Итак, поменьше пронизательности, благосклонные читатели, всматривайтесь в жизненный факт, подмечаемый фельетонистом, «не кивая на Петра», — и вы перемените в отношении к фельетонисту гнев свой на милость.

Однако, призывая не искать конкретных адресатов своей критики, уже через номер в стихотворной «Исповеди фельетониста» Нето шуточно извиняется перед теми,

Оренбургъ. — Orenbourg. 14.

Ръна Уралъ, бульваръ и 2-й газетскій корпусъ.

кому «досталось поделом не в бровь, а прямо в глаз понавшею строкой» и предупреждает, что один из его «семи грехов фельетониста» — ненависть к нахальству:

Нахальству быть всегда
врагом непримиримым
С пелёнок я ещё как будто
покаялся
И с наслаждением, вполне
неоценимым,
Учить, насколько мог, нахалов
я брался.
Не удержусь, увы, и наперёд
в том каюсь,
Чтоб я и в будущем себе
мог изменить:
Напротив, всякий раз
с любовью постараюсь
Нахалу каждому врагом
смертельным быть.

«Быть врагом каждому нахалу» и при этом «удержать себя от личностей» в городе, где все знают друг друга в лицо, фельетонисту-газетчику практически невозможно. Некоторое время Нето ещё старается соответствовать своей концептуальной маске ироничного, светски утончённого городского хроникёра, с «лёгкостью мысли необыкновенной», но уже к № 21 «Листка» первого года издания сама манера «фельетонного пустословия» вкупе со «злонамеренной истиной», в которой обвинили Старожилы (читай — Нето, Барбачёва), становится предметом его язвительного фельетона «На бульваре».

«Сколько раз давал я себе слово не писать более фельетонов и

всякий раз наддувал себя и читателей, которые думали, что от меня отвязались. Вообще не следует ничего давать самому себе или даже какой-либо части самого себя. Могу подтвердить это фактами. Г. Н дал волю своим рукам и полатился своими боками, г-жа Н дала волю своему языку и прослыла сплетницей на весь город. Г. Н дал с одной стороны свободу своему сердцу и был за то с другой стороны самым чувствительным образом проучен, г-жа Н дала как-то своему личику больше румянца, чем оно получило от природы, и теперь с каждым днём личико требует той же подачи. Г. Н дал себе зарок не пить вина, и всякий божий день накачивается до бесчувствия водкой, г-жа Н отдалась порыву пылкости собственного темперамента и теперь горько оплакивает этот порыв, но уже ничего не поделаешь...

Одним словом, примеров не обрётся. <...>

Вообще, замечу, дух времени таков, что давать что бы то ни было, даже любительские спектакли, нужно как можно реже...

Тем не менее, столько раз нарушив своё обещание — не фельетонничать, я хочу быть последовательным и сфельетонничаю «ещё разик, ещё раз».

Но ради самого Бога, скажите мне, музы древние и новейшие: о чём мне беседовать в моих фельетонах?

Музы молчат — и хорошо делают: благой пример всему прекрасному полу на всём земном шаре.

Но мне, представителю пола не

прекрасного, от этого не легче, и я обращаюсь с мольбой уже не к музам, а к самому Аполлону и прошу его ниспослать мне дух пустословия хоть на два — на три фельетончика.

Аполлон, разумеется, обижается, что к нему обращаются с такими пустяками, указывает мне перстом на землю и говорит:

— Гнусная козявка, пресмыкающаяся в пыли земной, как осмеливаешься ты нарушать мой покой своими глупыми просьбами! Неужели в скудной башке твоей (это, конечно, он говорит мне наедине) не вмещается то простое соображение, что если я могу в угоду Зевсу-земледержцу расточать щедроты божественного разума моего, то позволю и тебе, праздному пустослову, запускать свою лапу в эту сокровищницу? Никогда! *Allez voice n!* т.е. нет, ты этого не понимаешь — айда!»

И я ухожу, как несолоно похлебавши.

С отчаянья бегу топиться в Урале, но, по счастью, попадаю на бульвар — и прямо в объятия друга моего Зацепы.

— Друг Зацепа, — говорю ему, — спаси меня: достань мне пустословия на сегодняшней фельетон, и я в следующее же воскресенье отдам, если хочешь, с процентами.

Зацепа ехидно улыбается и отвечает:

— С большим удовольствием, но ей-богу, только что отправил всё, что было, в петербургские газеты заказным. Вот и почтовая расписка.

И тут неудача! Боже мой, неу-

дача делается в моей жизни каким-то *status quo*. <...>

Попутно заметим, что Зацепа — это, скорее всего, Барбачёв («барба» — зацепа, заусенец), то есть, сам Nemo, а их разговор — театральная игра, продолжение карнавала масок на страницах газеты, желание сбить с толку читателя, пытающегося вычислить настоящего автора фельетонов. «Пустословие», поставляемое заказной почтой из Оренбурга в центральную прессу, — это корреспонденции местных журналистов. Заметки из провинциального Оренбурга на страницах петербургских изданий не раз впоследствии становились темой фельетонов Барбачёва, высмеивавшего враньё и напраслину доморощенных шелкопёров.

«<...> Обратимся теперь к другому поприщу проявления нашей культуры — к тому бесшабашному вранью, которым мы как бы щеголяем и устно, и письменно.

Невзлюбив какую-нибудь личность или целую корпорацию личностей, наконец, даже целое учреждение, мы в своём мнении и ненависти не останавливаемся ни перед какими соображениями и средствами, лишь бы забросать свою жертву грязью, несколько не стесняясь, что всё, что мы говорим в обществе, есть продукт нашего грязного воображения и наглая ложь! Нас иногда не останавливает и то простое соображение, что рано или поздно наша ложь изблится, и в результате окажется, что, набирая полные руки грязи и пачкая других путём сплетен и живых газетных корреспонден-

ций, мы только пачкаемся сами. Не научившись уважать сами себя, мы не привыкли уважать в других человеческое достоинство. <...>

«<...> И что за корреспонденты из Оренбурга! У одного бочки с керосином летают за версту и не проливаются. У другого от мясных лавок («Биржевые ведомости») среди осенних морозов гниёт кровь животных на рынке, подвергая эпидемии нашу военную гимназию, за версту стоящую от базара. Покупатели же и краснощёкие мясники, видите ли, застрахованы от беды или лишены чувства обоняния вместе с покупателями и городскими властями. <...>

Во всяком случае, эти скупящиеся «сугубые» лгуны и инсинуаторы сильно роняют в публике значение печатного слова, да ещё и столичного, о чём нельзя не поскорбеть».³⁶

Не раз подобные корреспонденты удастанвались гневной отповеди и лично со стороны самого редактора «Оренбургского Листка» И.И. Евфимовского-Мировицкого.

Эволюция жанра фельетона в «Оренбургском Листке» во многом была предопределена той позицией, которую газета с первых дней заняла по отношению к городской управе, и теми принципами, которыми она руководствовалась, помогая ей бороться с купцами-расхитителями казны, ленивыми и жуликоватыми депутатами городской думы.

П.Н. Столянский в своей работе «История открытия и первые годы существования первой частной газеты в городе Оренбурге» говорит об этом так: «Газета выступила

защитницею нашего городского самоуправления как принципа, умея в то же время отличить принцип от личностей. Защищая принцип, тем сильнее и ядовитее нападала на отдельных личностей, которые не умели удержаться на высоте призвания. Эти нападки делались во всякой форме — и письмами в редакцию, и передовыми статьями, и маленькими фельетонами».³⁷

Одна из проблем, с которой боролся городской голова Н.А. Середы (а «Листок» активно помогал ему), заключалась в том, что гласные думы не являлись в нужном количестве на заседания. Из-за этого многие жизненно важные для города вопросы не решались годами. Привычная картина не раз высмеивалась в фельетонах С. Барбачёва.

«<...> Уж как расписывает голова наш свою пригласительную повестку — и красными чернилами, и чёрными, и синими, и подчёркивает и надписывает: «экстренно», «весьма экстренно», всегда прибавляя при сей okazji «почтительнейше прошу», — нет, не ходят, и в последнее время более шести заседаний кряду не состоялось во все «за неприбытием узаконенного числа гласных».³⁸

«— Кто меня может принудить, — кричал один большой, но ещё «не сложившийся» человек, — описывает С. Барбачёв дебаты в городской думе. — Хочу — хожу, хочу — нет, моя воля!

— Вас-то одного, милостивый государь, можно и за борт за бездействие, значит, по службе, на основании уложения-с, — крикнул кто-то в ответ, — но вот что де-

дать с целой думой, если она не хочет ходить? На это действительно не придумано никаких мер».³⁹

Уже на первых порах своего существования «Оренбургский Листок» предоставляет свои страницы для выступления городского головы Н.А. Середы, касавшегося одного из самых жгучих городских вопросов — водопроводного. Городская управа разработала проект реконструкции водопровода, но так и не смогла собрать для его утверждения на заседании городской думы «узаконенное число гласных».

В опубликованном в № 37 за 1876 г. письме говорилось: «Позвольте мне при посредстве вашей газеты объяснить с тем обществом, которого я имею честь быть представителем и перед которым поэтому я постоянно являюсь главным ответственным лицом во всём том, что неблагоприятно отражается на благоустройстве города и на спокойствии его обывателей. Конечно, эта ответственность не уголовная (которой я, впрочем, не страшусь, ибо совесть моя чиста), а нравственная, пред судом общественного мнения, приговору которого гораздо тяжелее ложатся на душу».

Рассказав о сути вопроса, значении водопровода, городской голова продолжает: «Чем объяснить такое равнодушие к городским интересам первой важности со стороны гласных думы и такое непонятное отношение их к долгу присяги я не знаю, и объяснить не берусь. Пусть об этом судят те лица, которые, выбрав их в гласные думы, вверили им попечение о судьбах города.

Я доведу этот факт только для сведения обывателей, как назидательный пример на будущее время относительно того, как следует быть осмотрительнее гг. избирателям при выборе лиц, заменяющих собою, по закону от 16 июня 1870 года, всё городское общество».

В этом же номере «Оренбургского Листка» редактор помещает в пару письму городского головы резкую по тону передовую, в которой дума обвиняется ещё серьёзнее. Обличая индифферентное отношение гласных к общественным делам, автор восклицает:

«Когда назначаются к слушанию дела, сопряжённые с личным интересом для кого-нибудь из гласных, тогда мы летим в думу на рысаках. Летят с нами наши сторонники и родня и мы буквально слетаемся тогда и тратим огромное количество энергии и жаркого, а подчас и яростного красноречия по делу, которое не стоит выведенного яйца — вроде захвата, например, двух аршин городской земли, которой у города де много. Прискорбно это, граждане!»

«Ещё более язвительными были нападки на думу постоянного фельетониста газеты С. Барбачёва, — отмечает П.Н. Столянский. — Под этим псевдонимом скрывался всем известный, уважаемый общественный деятель города Оренбурга».⁴⁰

Кто скрывался под этим именем, попробуем выяснить позже.

С. Барбачёв, как мы уже отметили, появился на страницах «Оренбургского Листка» как «коллега» Старожила, Нето и других, не столь часто встречающихся фельетонистов,

в № 17. В 1877, 1878 и в начале 1879 гг. он уже безраздельно господствует в газете, лишь иногда уступая «подвал» другим авторам или материалам развлекательного характера.

Он пишет на самые разные темы, его фельетоны сохраняют композиционный строй, присутствующий в фельетонах Нето: чаще всего это городские хроники, «маленькие фельетоны», соединённые одной темой, сюжетом или прихотливой мыслью автора. Зреющий сатирик не одерживает в нём верх до конца, точнее, не во всех фельетонах. Во-первых, потому что он и не ставит перед собой такой задачи. А, во-вторых, такой задачи перед фельетонистом не ставит и сама газета. Однако уже к концу первого года издания «Оренбургского Листка» Барбачёв заметно меняет свои взгляды и уточняет задачи газетного фельетониста, поставленные им в самом начале перед Нето, Старожилом и «Перепишкой двух подруг».

« <...>... издавать газету в провинции, и притом в такой провинции, как наша, «на рубеже России с Азией», — дело нелёгкое и, даже можно сказать, небезопасное; но едва ли не в большей степени представляется трудным делом — написать для такой газеты маломальски сносный фельетон, да ещё в игривой форме, т. е. и пощекотать немножко, и посмешишь, и позлить ближнего, и притом так, чтоб не перейти в тон тех досуговых «провинциальных кумушек», что так охотно пишут свои фельетоны... языком на воздухе, под рубрикой «губернских сплетен»...

Не возражайте мне, читатель,

что задача фельетониста — в провинциальном органе — легка. Власть в тон газетного сплетника очень не трудно. А впадши в этот тон, утратишь некоторое влияние на читающую публику, для которой умелый фельетон, изложенный в игривой форме, часто служит уздой для воздержания в будущем от той халатности, которая проявляется во всех наших отправлениях и кладёт на нас, провинциалов, некрасивую печать какой-то апатии, разнузданности и неряшливости нашего ума и сердца!..

Для того чтобы фельетон читался «всеми», нужно прежде всего написать его бойко, и касаясь подчас «материй важных», в то же время отличаться игривостью, весёлостью и не впадать в сухой тон доктринёров, или не напоминать ворчанья и скучно-ехидного фыркания отжившей матроны.

Созидая всё это, вы, конечно, снисходительный читатель, извините мне и скуку, и бессодержательность моих фельетонов, и делаете это тем охотнее, что ведь они суть картинки из вашей скучной общественной жизни, которая и есть тот источник, «в мутной воде» коего по необходимости я должен черпать сюжеты для моих бесед с вами».⁴¹

Налицо эволюция взглядов на жанр фельетона в газете и роль фельетониста. Однако, стараясь придерживаться этих правил, Барбачёв тем не менее часто нарушает их и идёт дальше, часто доводя фельетонный факт до уровня сатиры, а конкретных героев до сатирических типов современной ему жиз-

ни. Касается это в первую очередь и главным образом тех персонажей местной истории, которые вредили обществу прогрессу в целом и городу в частности.

Как уже было отмечено, остракизму Барбачёва очень часто подвергались гласные думы — чаще всего ленивые и малограмотные, но хитрые и жуликоватые купчишки, пробравшиеся в городской законодательный орган в большей мере для решения личных вопросов.

« <...>... у нас есть дума, образованная на новых началах, вступившая во второе четырёхлетие своего существования, но сказать о ней пока нечего. Во-первых, потому, что мы не видим плодов её плодотворной деятельности, да это и не дело фельетониста, а во-вторых, потому, что там царит подавляющая скука и вялость, способная раздражить, а не насмешить».

Далее фельетонист приводит примеры оригинального ораторства думы прошлого состава: «Гласный, трактуя по вопросу о спорной земле города с казаками, восклицает: «Господа! Верховные права города должны быть восстановлены на эти земли!» Его успокаивают, говоря:

— Это мы можем... Это дело в наших руках — потому мы гласные, уже ратификованные...

Ныне же в думе нет даже и таких представителей ораторского искусства. Правда, и ныне иногда вставляется с апломбом замысловатое словцо вроде суспендия (субсидия), молокотив (локомотив), «необходимо выписать несколько экземпляров техников».⁴² «Недав-

но один из ярых защитников частных интересов преимущественно перед общественными, отстаивая и против закона, и против здравого смысла оставление кабака на незаконном месте, не стесняясь, заявил, что кабак, находящийся близ пороховых складов, не представляет никакой опасности городу в случае пожара, так как «никогда не было примера, чтобы горели кабаки» (?) Оспаривать серьёзно такое мнение невозможно».⁴³

Понятно, что хотя фамилия думца-молодца и не названа, говорил о нём весь город.

Остроты над гласными Барбачёв порой доводил до уровня стихотворной эпиграммы.

«Да, спят молодцы наши думы,
Лишь чуткие к нуждам своим,
И зова рассыльного слышать
Не хочется более им...

Встаёт голова в заседание,
Считает он гласных ряды,
Потом говорит: «До свиданья...
Отсрочим опять, до среды...»⁴⁴

ОБВОРУЮТ ДАЖЕ АНГЕЛА

Однако максимальных высот в развитии жанра фельетона в газете «Оренбургский Листок» Барбачёв достигает при создании галереи сатирических образов купцов-мироедов, являющихся либо теми же гласными критикуемой им думы, либо мошенниками-подрядчиками, наносящими урон городской казне, либо посетителями других отвратительных социальных и человеческих пороков. Кроме купца Сорвинкина из дневника Старожила, обдорского Федула

Лошадкина из фельетона Нето он выводит на сцену целую свору мигаглазкинских, обдиралкинских, халпалкинских, тишек толстобрюховых, в каждом из которых местные аборигены легко узнавали конкретных носителей зла («В Оренбурге интриговать? Помилуйте! Что и про кого в этой боготерпимой столице степеней неизвестно всем и каждому?»)

Вот один из характерных фельетонов С. Барбачёва на эту тему.

«<...> По знанию моему, изучение прошлого всегда полезно в том смысле, что из него можно вывести небезынтересные выводы для настоящего.

Минувшее время, со дня моего последнего фельетона, дало целую серию именных пирогов, курицков, паштетов с вязигой, капустой, стерлядкой и мясом. Елось волю, тилось даже против воли, и именнинная речь лилась потоком.

— Послушай, — благодушествовал некий марс на именинном бранном поле, обращаясь к плюгавой фигурке давно знакомого нам Мигаглазкина. — Давно ли ты стал — Тимофей Иванович?! Первостатейным купцом-то... А?! А помнишь ли, приятель, то время, когда ты был просто Тимошка, «больничная крыса»...

— Ну, полно, — возражал Мигаглазкин. — Какая же я «больничная крыса»... Так прежде прозывались ваш брат чиновники, да уж и вас давно перестали так звать.

— Нет, приятель, — не унижался марс, похлопывая Мигаглазкина по колену. — Ты крыса, потому что крыса — воровка, — и ты вор!

— *Послушайте, милостивый господарь!*..

— *Да не перебивай, любезный, — осадил Мигаглазкина марс. — Я тебе сейчас докажу, что ты вор... Постой, разве ты больничку не обкрадывал, когда был подрядчиком?*

— *Вы забываетесь... Я буду жаловаться за оскорбление.*

— *Если ты не вор, не обращал бы внимания на возражение и угрозу, — продолжал военный. — Ты скажи при всех: о чём ты меня просил? Помнишь?.. Ну, говори же, что молчишь-то? Верно — «знает кошка, чьё мясо съела»! И выходит, что ты сам вор, и вора покрывал... Значит, и выходит, что тону-то высокого не набирайся, не к роже оно тебе, а помни, что ты есть тот же «Тимошка беспятый», «больничная крыса» и вдвойне вор! А то, на, поди, — Тимофей Иванович стал!*

Обицый дружный хохот приветствовал эту речь. Кто-то в восторге даже процедил сквозь зубы:

— *Ничего, ловко пришлось, как раз потрафил.*

Благодушный, полушутливый вначале, разговор этот окончился обоюдной угрозой: «Тимошка» обещал жаловаться суду, а марс грозил наплевать ему в воровские зенки. Разумеется, дело это ничем не кончилось, ибо именинный разговор всегда кончается убеждением, что «кто старое помянет, тому глаз — вон»...

В третьем месте собралась толпа старых городских воротил и вспоминают они за куском именнинного паштета старых людей,

старые порядки... Вспоминают со вздохом искренней скорби о минувшем невозвратном времени, о «бывших деятелях» и скрежещут зубами на наше время, на наши порядки, или точнее — беспорядки. Не много их осталось, а то бы они повернули по-старому: не умались их рать, сумели бы они и теперь заткнуть рот «мальчишкам», не стали бы те кричать и разговаривать... «сеймики срывать»!

«Да, были люди в их время,
Не то, что нынешнее племя,
Богатыри — не мы!»

Бывало, захотят среди улицы, во всю ширину её, козлы поставить, чтобы не смел никто мимо их дома проехать, ну и конечно дело, уж никто и не проедет. Захотят дом или другую постройку возвести «по собственному разумению», ну и никто им в том воспрепятствовать не смеет. Если, бывало, полиция вздумает помешать, что, дескать, это другим неудобно, или опасностью грозит, так они зазовут эту самую власть к себе, «намочат ей морду», ублажат её свечески, наградят и отпустят со словами:

— *Другим неудобно, или опасно, да нам-то что до других? Нам удобно; а ты наш, и мы твои, поезжай себе домой с богом; не мешай нам жить по своей воле»* и т.д., и т.д.

Вдумайтесь хорошенько во все эти толки, эти разговоры, и поймете тогда, почему в настоящее время так трудно достигнуть общественного благоустройства.

Для вас станет ясно, что старые корни дали молодые отпрыски со старыми соками самодурства, розни и самоуправства! Вдумайтесь хорошенько во все эти слова, взгляните в их поступки, и вы перестанете удивляться тому, что наши мозикане от буржуазии, г.г. Ладыгин и Гусев, будучи гласными городской думы, уничтожили городскую общественный водосток, стоящий несколько тысяч рублей, и залили въезд в город по главной улице столь глубокой водой, скопившейся от дождей, что не только пешему, но и конному пробраться было трудно до самой Петропавловской церкви. Правда, другим неудобно, да им то что до других? Показалось им, видите ли, что водосточная канава должна служить спуском для нечистот из их клоак, и вот они, недолго думая, обращают акведук в клоак и засоряют трубу против своего дома, задерживая ток воды.

Другой домовладелец г. Гусев сообразил по вдохновению, что канава, идущая мимо его дома, может когда-либо потопить подвальный этаж здания. Недолго думая, он перерубает водосток в нескольких местах, устраивает заграждения из свай и камней и тем образует в начале главной улицы, как замечено выше, разливное море грязи и воды, через которую даже велосипедист Леонс, утешающий нашу публику, не проедет ни за что. Отчего бы, казалось, г. Гусеву не заявить о воображаемых неудобствах от городской спускной канавы городскому управлению прежде, чем приступать к заграждениям,

Культурной слюи

Оренбург,
Николаевская
улица,
начало XX века

отражающихся
на здоровье их
же собственных
детей, играющих
на тротуаре и
вдыхающих за-
разу, от кото-

редно отражающимся на городских суммах и на казённых зданиях инженерного ведомства, стоящих больших денег, наконец, на здоровье жителей и удобстве сообщения города с новой слободкой? Да оттого, что он привык жить «по своей воле» и для него расчётливее отдать три рубля штрафу, чем совместно с городом отнести канаву далее, если она действительно может повредить прочности его дома. У города же, а тем паче у казны, соображает г. Гусев, денег куры не клюют... расчистят, коли уж очень нужно будет...

Следуя их примеру, и другие догадливые городские обыватели-домовладельцы, живущие вдоль протяжения канавы, сумели извлечь из её соседства немало пользы. Так, воспользовавшись сделанными продухами между деревянным тротуаром над канавой и её краями, устроенными для просушки русла канавы после дождей, стали засовывать в нее всякую дрянь и навоз, вывозимый со дворов, и не только засорили канаву, но под деревянным помостом развели неиссякаемый источник всевозможных гниющих миазмов, прежде всего вредно

рой бедные дети наши круглый год болеют скарлатиной, оспой и другими эпидемическими болезнями.

Такое печальное состояние города не могло не обратить на себя заботливого внимания главного начальника края, и вот он в минувшую среду, 5 октября, является в заседание городской думы и как почётный гражданин наш настоятельно предлагает городскому управлению принять решительные меры к устранению этих неудобств и мерзости запустения, царствующей всюду.

Будем надеяться, что убедительность доводов, высказанных Николаем Андреевичем в думе, принесёт блажие плоды, в особенности в случае, если администрация и суд окажут деятельную поддержку городу, и его законные требования о наказании виновных в нарушении правил строительного устава общественной безопасности и против нашего здоровья не будут по-прежнему ждать в суд очереди по нескольку лет <...>».¹⁵

Совершенно очевидно, что развлечение, лёгкая ирония, свойственные фельетону на первоначальном этапе, у Барбачёва перестают быть

функцией фельетона «Оренбургского Листка», его целью становится критика. Правда, во многих текстах, как и в приведённом выше, сатирическое начало преобладает над художественным. Вместо полнокровных живописных типов действительности у него получаются большей частью карикатуры на местных купцов. Но в отдельных фельетонах Барбачёв даёт уже сатирические типы людей, в которых публицистическое и художественное начала сочетаются в равной мере.

Вот как, например, он описывает сущность одного из героев:

«Посмотрите, например, в церкви или дома, в образной на какого-нибудь Мигайглазкина. Когда он молится, вся фигура его преобразается из какой-нибудь плюгавенькой и мизерной в величественный образ любвеобильного христианина. Но вот он перестал бить поклоны, и невзрачная физиономия его опять сияет непримиримой человеконенавистью: он опять замышляет, нельзя ли кому сделать зло, разорить кого, посадить в острог, оклеветать доброе имя. В сердце его нет уже и следа христианского учения, повелевающего молиться за врагов, нет и тени христианина. Он весь олицетворение духа злобы, изрыгающего злобу на всё и на вся. В это время ему незнакомо чувство сострадания: он непреклонен, горд, недоступен и чёрств к человеческим страданиям. Зато как быстро меняется эта напыщенность, если Мигайглазкин наш за одну из своих мерзостей попадает в беду! Жалкий, беспомощный — он способен на всякую приниженность,

на всякую угодливость. Забывши свою гордыню, Мигайглазкин наш способен валяться в ногах с утра до ночи, осаждаёт людей влиятельных, подкупать их участие к себе фарисейскими слезами и готов целовать полы платья, руки, ноги, только бы избежать кары за те слёзы несчастных, разорённых им семейств, которые о возмездии вошлют к небу...»¹⁶

Перед нами уже почти литературный тип, но в нём абсолютно точно передан и лик конкретного, всеми угадываемого оренбургского купчишки-мироеда или «мышееда», как называл его Барбачёв. При этом возникает забавный парадокс: чем выше степень обобщения и сатирической типизации образов, тем чаще и больше людей узнают себя и своих знакомых в текстах Барбачёва. Вот один из курьёзных примеров. В № 8 «Оренбургского Листка» за 1878 год фельетонист даёт галерею сатирических типов людей, встречающихся в Оренбурге.

«<...> За что я, в самом деле, сражаюсь с ними, с этими Мигайглазкинскими, Толстобрюховыми, Глухарниковыми, Хвалалкиными, Хапалкиными и иными прочими, имя же им легион. С чего же я ненавижу их, с какого резону обижаю их, когда и они тоже под Богом ходят?.. <...>

Передо мною в воображении плывёт целый ряд этих людей. Вот образованный судья, торгующий правосудием направо и налево и пресерьёзно считающий себя честным человеком. Вот купец, обирающий город, казну, добрых людей чем попало, и очень желаю-

ций слыть за благодетеля. Вот педагог-начальник, жестоко дерущий детишек розгами; положим, он не саморучно сечёт, а через сторожей, он только при этом присутствует, приговаривая: «шибче, покрепче, вот так, вот так»; в то же время этот педагог страстно любит поэзию, музыку, гуманитарные науки и даже поёт, и поёт так сладко, умирительно, нежно, что захлёбываются слушатели его. Вот либерал-демократ, трактующий как по книжке о правах человека и гражданина и в то же время содержащий прислугу свою на положении скотов; он всегда готов вытянуть из неё последние жилы и уверяет, что «хам», «мужик», плебс годен лишь на чёрную работу, и что будто бы природа у хама совсем иная. Вот проповедник мира и любви, толкующий о вреде лобостязания и столь благочестивый, что не проедет ни одной перекрёстной улицы, чтобы не сотворить крестного знамения. В то же время он дерёт с живого и с мёртвого, обирает родного брата, самостоятельно заглядывает в церковные кружки, торгует недозволенными способами, кривит душой в суде, божится и лжёт и, явившись к нам без сапог, обладает теперь домами, капиталами и всяческими почестями...

Нет возможности перечислить эти аномальные явления. <...>. ⁴⁷

Одной из вершин художественной сатиры в «Оренбургском Листке» можно считать фельетон «Хороший человек». ⁴⁸ В нём есть

практически всё то, за что уже гораздо позже, на более высоком этапе эволюции жанра, М. Кольцов называл фельетон «высококвалифицированной художественно-литературной публицистикой». ⁴⁹

«Солнце было близко к закату, когда в комнату нашего местного откупщика Драл Мазуриковича Низкого вошёл не то приказный, не то писарь в оборванном пиджаке.

— Ба, ба, ба! Добро пожаловать, где ты пропал? Не видать что-то тебя. Али больно разбогател, не хочешь прийти, дорогу забыл ко мне? Садись, гость будешь; кстати пришёл, чай пить будем, — говорил откупщик, протягивая руку с кресла, на котором помещалась его фигура.

— Как можно, что вы, Драл Мазурикович, я всегда к вам с истинным почтением.

— Ладно, ладно, говори ты мне про эфто самое почтение. Не мне ты кланяешься, а моему карману, так, что ли?

Кстати будет сказать здесь несколько слов о физиономии откупщика. Он напоминал собою старый тип целовальника, выработавшийся при блаженной памяти откупной системы, а глаза, налитые кровью, придавали его физиономии отвратительное выражение.

— Ну что новенького, что ты там читал, сказывай, — говорил Низкий.

— Что же вы желаете знать: читал ли я?

— Как, али не знашь: газеты!

— Читал-с, как не читать, — поспешно ответил собеседник.

— Чего же нового слышно?

— Да пишут, славяне победили турок... (Речь идёт о войне на Балканах — прим. А.С.)

— Отстань ты, сделай милость, с твоими славянами: их ли порежут, они ли кого там побьют, ну, скажи ты мне, ради бога, не всё ли равно для меня?

— Извините, Драл Мазурикович, я не знал, какие вам новости надо по газетам.

— Так ты спросил бы, чем чепуху-то нести; а надо мне, братец, знать, состоялось ли распоряжение об отдаче кабаков с торгов?

— Нет, об этом ничего не пишут.

— Ну, слава тебе Господи! Может, еще с годок проторую по старому.

Известие это, видимо, оживило откупщика. Он велел подать закуску. Некоторое время длилось молчание. Низкий и собеседник его закусывали.

— Да! Вот, — снова начал Низкий, — не успел я и поторговать хорошенько, а тут слышно опять по-новому: питейные будут отдавать с каких-то торгов. Наказанье да и только. С 1863 года начал, торгую 12 лет, и не думал, что скоро новое положение будет. И какое бы ещё новое положение? Торговали и ладно. Я как услышал про новое-то положение, поехал в город, купил парчи в церковь, ду-маю, умилюстивлю Всевышнего. Нет! Не внял Творец небесный моим мольбам...

Низкий замолчал и в комнате было слышно только его тяжёлое

дыхание. В числе собеседников был ещё и сын Низкого, малый лет 22-х с отцовским выражением лица, с прибавкою лишь прыщей. Юноша сильно изображал собою тип известного «Митрофанушки».

— Что же, папаша, вы очень сокращаетесь... Жили прежде, жили; и теперь проживём, — нарушил молчание сын.

— Что жили! Нажили! Кто жил? Кто нажил: ты, что ли? Эх, балбес, молчал бы лучше! — старик выпил ещё рюмочку. Воспоминания прошлого, видимо, ублажили его, расстрогали как-то, и он заговорил с умилением.

— Был я мальчишка, голь перекатная. Отца не помню. Был ли он у меня, не знаю, вероятно, был. Жил я у родных; родные были все тогда по кабакам. Десяти лет от роду отдали меня в подпочки, иначе сказать, в помощники к целовальнику. Первое время я старался привыкнуть к тычкам и затрещинам, которые сыпались на меня от руки целовальника, и, конечно, привык. Так я таскался из кабака в кабак, наконец, наткнулся на Давилу Алтынчыча. Давило Алтынчыч уже смотрел, как бы попасть повыше, а в кабаке ему надоело. Десять лет моего пребывания по кабакам так меня умудрили, что я мог уже сам заправлять кабаком. Стал я просить Давилу поместить меня целовальником вместо него: просьбу мою исполнили.

Наконец-то после десятилетней потасовки и мордобития мне привелось самостоятельно управлять кабаком. Нужно ли говорить, что деньжонки у меня были благо-

даря тому, что во время служения подносчиком один сиделец доверял мне. Дал и Давиле благодарность 50 рублей. Принял благодетель и сказал, что со всякой просьбой я могу обращаться к нему. С Давилой я и теперь как родной, да и спасибо же ему: много он помог мне.

Раз была со мной такая оказия: перевели меня из одного кабака в другой, в бугурусланский уезд. Приехал туда дистаночный; забыл, чтоб ему провалиться, как его фамилия; больно фамилия похожа, как слышал я в газетах, на имя нынешнего турецкого султана. Приехал этот негодяй и просит 150 рублей за место. Я не дал, поехал в город и рассказал другу Давиле свое горе. Тот и говорит: иди к управляющему. Я пошёл, написал, чего хотел, на дистаночного и получил место, а дистаночный получил выговор от управляющего.

Как поселился я в бугурусланском уезде, вижу, братец ты мой, мужики народ богатый, пили хорошо. Случится, выпьет мужик на рубль, а я ему итоги-то подведу на три. Был, говорят, тогда закон не брать закладов: а как ты его не возьмёшь? Вещь стоит рубль, а ты её берёшь за гривенник, таким манером за целое лето наберёшь кафтанов, полушубков, рукавиц, топоров, сарафанов и всякой штуки много. А у мужика откуда деньги? До осени и лежат заклады. А там хлеб вымолотят и отдают уже вместо денег хлебом.

Таким родом я все долги получал больше хлебом, цену давал, какую хотел. Правда, мужики плохо пла-

тили подушный, но со мной рассчитывались хорошо, потому боялись, что другой раз не поверю. Хлеб с них я получал, да они же его и в город возили. Я продам и выйду, что вместо полтинника я получал с мужика рубля три. Вот так-то мы наживали.

Хорошее было тогда время, такого, верно, не видать уж больше. Был у меня и другой доход. Это примерно: пьют мужики в кабаке, а в стакане остаётся недопитая водка; ты уж тут гляди востро, чтобы другой дурак мужик на пол не выплеснул, сейчас сольёшь эти описки в посудину, да опять в продажу. Случалось тоже, и воды подливал; дистаночному дашь благодарность, проверять не станет, и выходит, что вода-то тоже шла за деньги. Сколько народу богато в то время этой торговлей, страсть! Да и теперь, нечего Бога гневить, торгуем хорошо. Без воды тоже нельзя, мужик пьёт много. Дай ему 40-градусной водки, пожалуй, ещё обобьётся, да и продажи будет меньше; а как водицей разбавишь, так продашь побольше, да и барыш хороший.

Говорят, что в городе акцизные по кабакам нынче часто стали ходить; а нас Бог милует; вот уж третий год ни одного не видал.

После откупа-то у меня было тысчонки две, большие нельзя было нажить: больше доверенные да дистаночные обижали; ну а как от себя стал торговать, нажил. Сколько теперь кабаков своих имею! Опять же с хорошими людьми стал знаком. Чиновник ли, купец ли, всякий меня знает; а про мелочных-то я и

не говорю. Прежде я компанию водил всё больше с богатыми мужиками, а мужик, известное дело — дурак, чуть что не по его, он тебя поровит в рыло, потому в мужиках образованности нет.

Теперь возьми ты Давилу Алтыныча, купец он стал чуть ли не первой гильдии, имеет в городе завод, человек почтенный, все ему кланяются, уважают, да и какую-то важную ему общественную должность дали. А тот дистаночный, чья фамилия на имя турецкого султана похожа, теперь богатый купец, имеет магазин, был старшиной каким-то общественным, значит, общество его уважить и отличить пожелало. Ну а меня он, мошенник, беда как обижал, и теперь я глядеть на него не могу. Теперь меня все уважать должны, так как я человек богатый; а обидеть меня не смей, потому я что ни на есть всё начальство подниму за мою обиду. Нынешней образованности с нас не требуется, и без неё проживём.

Вот я сына отдал в гимназию; известное дело, учится хорошо, девять уж лет; а ещё годков через десяток, Бог велит, кончит; значит, будет с образованием. И то люди научили в эту самую гимназию отдать. И жалею: жди его 19 лет; маленько я тогда не догадался, надо было отдать лучше в Университет; гляди, теперь бы кончил, там, говорят, только четыре года учиться надо.

Был я бедный, никто меня не знал; а теперь я доволен своей судьбой; из целовальников выбрался, сам имею десять целовальников.

Всякий чиновник нашего общества отдаст мне почтение, да ещё больше, чем своему брату, а почему? Потому что они, как голодные собаки, лезут ко мне, все стараются как-нибудь в милость попасть...

Так-то, сынок; слышал ты, что я говорил? И ты живи по-моему; а главное — на этих «честных» плюй; к тебе же придёт честный-то денег просить... Честными они лишь прикидываются. Смущение одно, не больше...

Ну, однако, будет, заболтался я; а завтра надо ехать в Карабаировку, брать приговор. Смотри же, — говорил Низкий, прощаясь с собеседником, — брось ты этих славянов-то. А вот если у них после войны будут открывать кабаки, тогда оповести меня. Слышь?..»

«СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО...»

Однако записывать Барбачёва исключительно в желчные сатирики и брутальные правдорубы было бы несправедливо. В фельетоне «По поводу лунного затмения»⁵⁰ Барбачёв мастерски демонстрирует ещё одно умение — заострять текст комически, подвергать «подручную» фактическую основу такому специфическому анализу, в результате которого возникает художественно-публицистическое обобщение, содержащее в себе второй план и авторский подтекст.

«— Какая, право, досада! — волновалась одна хорошенькая дама, обращаясь к другой, смявши в комок последний номер «Оренбургского Листка».

— Позволь, узнать, душа моя,

— вмешивается другая дама. — В чём дело? Если опять какая-нибудь слетится в «Листке», так, право, не стоит волноваться!..

— Фи! — прервала первая. — Да кто же нынче не только волнуется, но даже читает «Листок»?

— Ну, извини меня, милочка... Я заключила это из того, что ты мяла его в руках.

— Ты знаешь, как в «Листке» напечатано объявление о затмении Луны?

— Ну?

— Полюбуйся же, та *chère*, — торжествовала первая дама, подавая «Листок». — Редакция, — продолжала злобно она, — даже не потрудились пояснить: утром или вечером в 9 ч. 10 м. приглашаются желающие для наблюдения?! Ведь, не зная времени, я могла не попасть в вокзал.

— Но, мой друг, стоит ли волноваться из-за таких пустяков... Мы попросим М.Н. Если бы мы не успели попасть на затмение сегодня, то он нам покажет его завтра... Он такой милый!

— Да?! Если это так, то я очень рада; благодарю тебя, мой друг, — говорит хорошенькая барыня, и розовые губки её из сердитой пуговки растянулись в довольную улыбку.

Такой разговор происходил в одном из наших салонов по поводу лунного затмения 15 февраля. Как ни оригинален этот шаловливый лепет на астрономическую тему двух милых барынь, но он далеко уступает контр-афише одного посетителя, выпущенной 15 числа в вокзале железной дороги вечером, когда публика собралась уже

на «затмение». Вот её дословный текст:

«Контр-афиша.

По случаю пасмурной погоды сего 15 февраля, лунное затмение отменяется в вокзале железной дороги, а вместо него будет солнечное 3-го марта»!!!

Не знаю, как по-вашему, читатель, а по-моему, — хитёр!.. По-моему, это такое головное затмение, тьму которого не разгонит свет даже мартовского солнца! Впрочем, «люди умные и учёные» говорят, что спутник Земли Луна имеет громадное влияние на род человеческий. Я склонен думать, что это замечание «учёных» вполне справедливо по той причине, что в том же вокзале довелось слышать мне в среде громадной толпы любопытных, собравшихся наблюдать лунное затмение, такой разговор:

— И к чему мы сюда только приплелись, — говорил один, обращаясь к знакомым и незнакомым. — Ведь найдёт же на людей такое затмение... Во-первых, за пасмурной погодой наблюдение явления будет неудачно... Во-вторых, и при совершенно ясном небе, толпе из трёхсот человек в одну трубу, при известной продолжительности явления, проследить его не представится возможности.

Случилось именно так, как предполагал этот господин, речь которого мы сейчас привели. Проследить «затмение» довелось очень немногим. Было «много званных, но оказалось мало избранных», наблюдали больше семейно, попарно, по знакомству, с включением многих счастливиц одиноких.

Затем инструмент уложили и объявили публике, что явление кончилось. Следовательно, остальная публика была ввержена распорядителями во тьму, если не крошечную, то неведения. А так как в человеке, подобно растениям, есть природённое стремление тянуться к свету, то находившаяся на платформе толпа, повинувшись естественному ходу вещей, потянулась всею массою к освещённым залам железнодорожных буфетов, чтобы произвести свои опыты над кулинарным искусством буфетчика и наблюдение над действием алкоголя в смысле другого затмения... Правда, нашлись было какие-то чудачки, которые, не желая вознаграждать потерянное время хоть чем-нибудь, пристали к одному астроному, прося его сказать для публики несколько слов об интересном явлении; но лектор нашёл такую просьбу излишней и отказался исполнять её, надо полагать, из скромности...

Но если большинству здешней публики не удалось познакомиться с «лунным затмением» на платформе оренбургского вокзала, то значительной части её, поехавшей едва ли не в этот же самый день провожать и встречать своих родных и знакомых до станции «Каргалки», волей-неволей в продолжение тринадцати часов пришлось наблюдать полное затмение своих обязанностей по отношению к публике со стороны железнодорожников, служащих на этой станции. Эти последние наотрез и грубо отказывались исполнять самые законные требования публики, как в

выдаче книги «Для записи жалоб», которая вопреки Уставу не находилась на видном месте, так и в посылке в Оренбург телеграммы для успокоения и извещения домашних о том, что никакая катастрофы с поезжанами не случилось, и что они не возвратились домой своевременно из-за снежных заносов. Во всяком случае, публика эта претерпела больше, чем наша, собравшаяся «для затмения». Наша публика могла, по крайней мере, вкушать от яств и пятий буфета, а та, «каргалинская», вкусила от оскорблений и дерзости железнодорожников, келейно лишь приглашённых жандармами к более вежливому обращению с пассажирами, и ничего в продолжение тринадцати часов не вкушала от плодов земных, а тем паче от «хлебной» или виноградных вин. Наконец, «каргалинская» публика не могла хоть чем-нибудь утолить свой голод, даже диким мёдом и акридами, ибо зимний саван, покрывший землю, лишил их и этой незатейливой пищи древних пустынножителей.

Далее, за неимением буфета на станции, публика «каргалинская» не могла любоваться сценой, которая разыгралась в оренбургском вокзале на глазах многих, где известный «филантроп-мухолов» дошёл таки до «затмения» чувств и оттрепал за волосы некоего купеческого сына, «круглого сироту», за то, что тот ему напомнил о долге в 4 тысячи рублей!..

Скандалёзная хроника гласит, впрочем, что и сам почтенный «мухолов» несколько лет тому назад потерпел такую же трён-

ку в буфете театра за подобное же напоминание со стороны. Обиженный напоминаниями мухолова о 500 рублях долгу некий Марс-громовержец очень тогда истрепал кредитора своего. Теперь Марс этот может гордиться тем, что наука его пошла впрок».

ФЕЛЬЕТОН ДО ТЮРЬМЫ ДОВЕДЁТ...

Начнём с того, что уже с первого своего появления Барбачёв заработал немало врагов. Тучи всё более сгустились над ним, пока в 1878 году не грянул гром. Адвокат городской думы Лазарь Вейсберг, явившийся ставленником того самого «тёмного царства» хваталкиных, мигаглазкинских, обиралкиных, обдиралкиных и прочих типов, высмеянных фельетонистом «Оренбургского Листка», подал на газету в суд «жалобу за диффамацию».

Барбачёв рассказывает об этом в форме вымышленного разговора с приятелем Старожилом, который «знается с судейскими».

«— Слыхал, — говорит Старожил, — слыхал и очень заскорбел за редактора. Ведь знаете ли, чего за болтовню вашу ищут с него? Во-первых, покушаются вывернуть карманы его на целых пятьсот рублей; во-вторых, ввергают в темницу на целых четыре месяца и один год и, в-третьих, упраздняют газету на целую вечность: сущих пустяков!»⁵¹

Впрочем, и до этого с «Оренбургским Листком» неоднократно пытались расправиться. Это не считая писем с угрозами, которые приходили в редакцию. В дело не раз

вмешивалось Главное управление по делам печати, отыскивая (видимо, не без подсказок с обиженной стороны) нарушения программы, допускаемые газетой. В частности, было сделано следующее замечание: «В № 2 статья «Учреждение в Оренбурге должности адвоката» написана шуточным тоном, доходящим до неприличия, так, например, говоря о лености думы, объясняемой «безголовой тем, что голова уехала в Петербург, а голова, временно представленная, недостаточно строго взыскательна», автор глумится над собранием думы и над городской управою, которая, не зная где взять городских дел для практики адвоката, изыскивает их, роаясь по шкафам и столам, и к крайнему прискорбию не обретает их; наконец, глумясь над гласными, выражаясь, что один из них может не смыслить ни уха ни рыла в делах городского управления. В № 14 напечатана статья, озаглавленная «Не захотели сечья!», о принуждении гласных посещать заседания, статья, написанная шуточным тоном, приличествующим фельетонной болтовне».⁵²

Ещё серьезнее было замечание по поводу того, что две фельетонные статьи в «Оренбургском Листке», хотя и разделённые трёхнедельным промежутком, начинались с одного и того же вопроса. И даже в этом «доброжелатели» попытались найти крамолу: «...в № 3 и № 7 напечатаны обличительные заметки в форме вопросов: «Правда ли?», введённой в употребление Герценом в его «Колоколе» и признанной со стороны Главного Управления

недозволительно даже в бесцензурных столичных газетах».⁵³

Подражание Герцену, которое само по себе могло бы стать поводом для фельетона, грозило тем не менее обернуться серьёзными неприятностями для газеты.

С жалобой губернатору на «Оренбургский Листок» обращался даже городской полицмейстер.

В результате всех перипетий фельетон вместо того, чтобы помочь городскому обществу бороться против тупости, косности и невежества чиновников, жульничества лавочников и купцов, вверг саму газету к концу третьего года существования в различные судебные тяжбы и преследования и поставил её на грань разорения.

«<...> Каюсь, я должен быть доволен, что меня, маленького человека, чувствует-таки крошечный ад общественного мирка нашего, занимается мною и к печатному словцу моему неравнодушен. Я с этого хотел фельетон свой начать, благо и материал был подходящий, — например, мои наблюдения на недавнем именованном пиру у Мигаглазкина, где все застольные громовые спичи и шипящие речи безуданно кружились и вертелись в области проекта о том, как уничтожить наш и без того ничтожный «Листок». На этом пиру, где рекой лилось вино, купленное на награбленные деньги, где плясали севовласые старицы, истая соль общества, где боготворили хозяйна, целовали его воровские руки и предательские уста, где под нежные звуки бальной музыки сыпались шипящие угрозы и проклятия все-

му тихому, мирному, светлому и честному, — на этом пиру, говорю, моё сердце не радовалось, так как нельзя было не видеть могущества моего убогого слова, приводящего в ярость и бешенство даже сытое и богатое самодовольство.

Было бы над чем посмеяться и потешиться. Но времена теперь такие пришли бедовые, тучи движутся такие свищовые и мрачные, в атмосфере общественной такая стоит духота, что не до смеху. Настало время добродетелей, покупаемых за деньги, и дикому невежеству золотого тельца начинают кланяться даже гордые шеи свободомыслящей интеллигенции».⁵⁴

«Только не подумайте, господа читатели, что мы погрешили против цензурных правил: упаси Бог! До этой чести мы нескоро ещё доживём. Злое деяние редакции всё заключается... в моей невинной фельетонной болтовне, лишившей будто бы одного гражданина чести и даже заработка. Вы улыбаетесь. Смеялись бы и мы, если бы всё это не было так грустно. Более всего грустно то, что вражда закипела в среде тех просвещённых людей, на кого мы прежде всего рассчитывали опереться.

Между тем эти люди нам не только ни в чём не помогли, но решились доконать нас, решились на расправу с оружием, в высшей степени неравным: мы коснулись их пером, они бьют нас топором, и бьют, связавши нам руки. Люди эти великодушно тянут нас в тюрьму на год и четыре месяца, подвергают штрафу в пятьсот рублей и просят закрытия вредо-

носного «Листка» на веки вечные! Не знаем, состраждет ли нам кто-нибудь, злорадствующих же знаем. Вот положение, которого мы не пожелаем и врагам своим. Зависти тут быть не может, ибо «Листок» не оплачивается, гешефтов не даёт да и славы нам не прибавил. В понимании значения печатного органа тоже недостатка не может быть, ибо враги наши народ просвещённый. Не может быть и злости, ибо обижать кого бы то ни было не входило в нашу задачу.

Одно можно понять: «не мутиты нашей лужи», не умничай: мы тоже-де не хуже тебя.

Да, служение обществу признаётся ещё у нас выскочкой, нетерпимой выходкой, и мы, соль земли, интеллигенция (какое жалкое слово!) — с удовольствием буяем, грызёмся на потеху толпе и «тем сыты бываем, что друг друга поедает»!

Вот обстоятельства, которые удваивают наше бремя и делают его просто невыносимым».³⁵

Так Барбачёв писал накануне суда.

Оренбургское правосудие приняло сторону Вейсберга, мигаёглазковых и иже с ними. Редактор был оштрафован на триста рублей, газету не закрыли, но сделали внушение и предупреждение. Это был ошутимый удар по фельетону и личности фельетониста «Оренбургского Листка». Следующий фельетон появляется в газете лишь спустя два с половиной месяца — 18 июня 1878 года. Барбачёв выступает с последней гневной тирадой, которую можно считать программной в отношении

задач фельетона и фельетониста, но неисполнимой на нынешнем этапе и при нынешних условиях.

«Давненько-таки я не беседовал с вами, дорогой читатель...

— Знаем, мол, мы, почему вы молчали, — догадывается проникательный читатель, лукаво улыбается досужая кумушка, зло усмеяется местный зюль: встряхнули вам мерлушку-то, ну, вот вы и замолчали...

<...> Я молчал вовсе не потому, что утратился кого-либо из тех «мушек» и «букашек», которые в своей бессильной злобе, как избалованный и дурной ребёнок, наблюдявши волю и будучи избалован в дурных поступках, бежит с жалобой к папаше. Я молчал просто потому, что беседовать с вами для меня иногда горше, чем хирургу рыться в зияющей ране гниющего тела. Язывы общественной жизни бывают отворотительнее проказы, между тем я по обязанности хроникёра должен рыться в них и всю срамоту и пошлость окружающего меня человечества время от времени выводить на чистую воду, возбуждая против себя бурю всякой человеческой нечисти, тщательно скрываемой от глаз.

Говорят, что и честь-то нам невелика воевать всю жизнь с какой-то мразью, «молью», как выражается один коммерсант. Но, господа, ведь и против моли принимаются по необходимости меры истребительного характера, ибо в противном случае моль перепортит всё, что есть у вас в доме — дорогие меха, портверы, мебель,

ношеное платье, словом, нанесёт неисчислимый вред вашему имуществу. Но вред, наносимый молью, касается материальной стороны вашей жизни, и потому не особенно существен. Вред же, наносимый человечеству людьми, посящими название «моли» и мрази, оставляет неизгладимые следы на нравственной физиономии общества. Такая «моль» растлевает жизнь, делает её преступной, позорной, омерзительной! Она родит людей лёгкой наживы, питает паразитов, извращает человеческие инстинкты, возвращает разум и сердце и приучает людей к взаимной ненависти, «в духе времени» жить бесчестно и беззащитно на чужой счёт и жить не для общества, а, что называется, «в своё удовольствие...»

Однако в последующих номерах газеты Барбачёв всё дальше уходит от сатиры и всё чаще возвращается на стезю занимательного хроникёра. «Рамки моих картинок» я помышляю отдавать впрямь материалу и более полезному, и более безопасному», — иронично заявляет он. Реже стали появляться и сами фельетоны. Если в предыдущие годы они выходили за редким исключением в каждом номере газеты, то теперь паузы становятся всё длиннее.

В апреле 1879 года после страшного пожара, уничтожившего половину города, газета очень много пишет о его последствиях и принимаемых мерах, а Барбачёв навсегда исчезает со страниц «Оренбургского Листка».

Тем не менее первый оренбургский фельетон успел оказать сильное влияние на умы и сердца аборигенов, явив добротные образцы сатирического жанра на долгие годы не только в местной публицистике, но и в масштабах российских. Доказательством тому могут служить целые отрывки из фельетонов Барбачёва, которые, будучи перенесены на нашу почву и в наше время, звучат по-прежнему взволнованно, публицистично и, увы, актуально.

Разве не к нам, потомкам, обращены эти горькие строки: «Вы жалуетесь, что у нас только на бумаге выходит всё красиво и благополучно, что у нас две России — одна бумажная, где всё обстоит не только благополучно, но «удовлетворяет вселенную», другая же Россия серая, действительная Россия, которой и теперь, как тысячу лет тому назад, приходится скорбно заявлять: «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Но кто же этому виноват? Сами мы испортили все реформы, сами мы покалечили все начинания, и в суд, и в земство, и в городские управления, и даже отчасти в школы понапихали бог весть кого. Кого же будем винить, если эти убогие «деятели» наши, не умея разумно повести сверенное им «честное дело», сумели лишь приосаниться, постичь и расчухать прелесть власти и заорудовать так, что под их дудку заплясали лес и горы! Если мы при этом только пожмем плечами да охаем по секрету, то кому же обличать, запрещать, благовествовать, настаивать благовременно и безвременно?»³⁶

П.Н. Столпянский писал в 1901 году: многое из того, что критиковал в фельетонах Барбачёв, актуально и

спустя двадцать пять лет. Увы, добавим мы, и спустя сто тридцать лет — тоже...

Только в 1883 году фельетон вновь появляется на страницах «Оренбургского Листка». Правда, уже далеко не в таком объёме (до пяти фельетонов в год), значительно потеряв социальную остроту и смелость, часто уступая место перепечаткам и возвращаясь, по сути, из жанра в рубрику. Тексты, как правило, печатаются без подписей, редко с псевдонимами: Приезжий, Старый знакомый и др. Измельчавшее кредо фельетониста этого времени выражено в одном из типичных монологов.

«Ах, боги, как трудно фельетонисту угодить на всех! Сколько раз я собирался писать фельетон, но перо в бессилии падало из рук, да и как ему не выпасть, когда барышни по своей козьей резвости требуют, чтобы фельетон был игрив и мил, как летняя бабочка, порхающая с цветка на цветок, а, с другой стороны, вы, сударыни, забываете, как иногда бабочка, изукрашенная изумрудными цветами, вечером, стремясь на приветливый огонёк, обжигает свои нарядные крылышки и падает жертвой обольстительного света, погибая навеки. А потому из чувства самосохранения девизом всякой легкокрылой бабочки должны стать слова: «Осторожность, осторожность, господа!» Наша обязанность не порхать подобно бабочке и не сыпать пред вами перлы и алмазны юмора. Доля и обязанность наши скромны».⁵⁷

Лишь иногда мелькают свежне

фельетоны, на которых лежит явный отпечаток фельетонной школы, которая возникла на страницах «Оренбургского Листка» в первые годы его издания.

25 декабря 1883 г.

Фельетон

Некий Тит Титыч из Юрких застраховал свой скот от эпизоотии в четырнадцать тысяч рублей в каком-то страховом обществе. На третий же день пала одна корова, а за ней в два дня пали и остальные на 14 тысяч рублей. Приезжает ревизор, бежит к кунице и вопрошает его:

— Ваше степенство, что это у вас скотинки так много померло?

— А видишь ли ты, ваше высокородие, у меня пала одна коровушка, я и вели своим молодцам кожу-то с палой коровушки содрать да круто посолить солью и повесить на дворе, пусть, мол, другие божи коровушки полизнут этой кожи, авось, это предохранит их от заразы: ведь прививают же предохранительную оспу... Ан, нет, все пали.

Изумлённый ревизор спрашивает:

— А можете ли вы письменно подтвердить, что вы принимали такие меры?

— Моги, — и купец написал подробно об изобретённом им способе лечения скота от эпизоотии.

После этого ревизор положил бумажку в боковой карман и, навистывая какую-то арию из «Боккаччо», выехал в Петербург с весёлым лицом.

Не попробовать ли этот способ на людях? Например, можно заболевшего кассира, заражённого воровскими бактериями, посолить и, приведя здоровых кассиров, заставить их лизать больного. Авось, не будет ни одного больного кассирской эпидемией! Тоже можно бы попробовать и с купцами-банкротами.

9 октября 1883 г.

Фельетон

Суеверие и мистицизм не отжили ещё своё время, имея легионы адептов и доднесь. Правда, средневековая вера в ведьм и бесовское наваждение исчезает вместе с чертями, санкционированными служителями ещё языческого алтаря; но вера в столоверчение и говорящие столы особенно быстро растёт в наши дни. Последователей же Месмера и Ганзена-гипнотика развелось без счёта... Спиритизм забрался нынче даже в литературу. Есть профессора русского спиритизма, например, Вагнер, и есть у нас журнал специальный под названием загадочный «Ребус». Но обратимся к своему местному спиритизму, или вернее — суеверию. Вот вам город Ишаково Ухо, где на днях происходили эксперименты с говорящими столами. (Можно предположить, что это намёк на Оренбург: одна из версий происхождения его названия — перевод с немецкого «город-ухо» — прим. А. С.)

В одном из общественных собраний этого города, сиречь клубе, вместо текущих вечерних занятий, члены пресерьёзно посвятили своё время опытам с говорящими

столами. В зале — полумрак. Все столы безмолвовали довольно продолжительное время. Скептики начинали было уже посмеиваться над верующими в говорящие столы. Вдруг один из столов беспокойно заколебался, и взоры всех членов, находившихся в то время в зале, с любопытством устремились по направлению к заходившему столику, у которого стоял как есть гоголевский Ноздрёв. Он держал руки фертом (буква Ф). В зале наступила, наконец, полнейшая тишина. Слышно было, как мухи перелетали с потолка на окна. Среди этой гробовой тишины столик действительно заколыхался и своими ножками сказал спиритам отчётливо и громко настолько, что члены, сидевшие в отдалённых углах зала, услышали следующее:

— Смешно. Был в театре и виделся со своими. Дядя Му поселился за печкой, ему там тепло; старики любят тепло. В этом году их оттуда не выгнали на зиму.

После этих слов у всех членов, бывших в зале, волосы от ужаса встали на голове дыбом, а кто волос не имел, у тех уши в страхе прижались к черепу. Произошло смятение небывалое, и набожные даже крестились. Столик смолк. Вот один из храбрейших и почётных граждан города Ишаково Ухо, с золотой медалью на шее, придерживая левой рукой полы свой чуйки, а правой крестясь по направлению к столику и заикаясь, тихо проговорил:

— К-т-то ты?

— Сатана, — был ответ замозильным голосом!

В этот момент все бывшие в зале слышали, как на крыше раздался громовой раскат, и видели, как от треска треснул в зале потолок, на котором и доднесь сохранились огромные трещины.

Эти трещины показывают теперь всем сановным и любознательным путешественникам, попавшим в город Ишаково Ухо.

Этим сеансом, этим необычным явлением из области сверхъестественного, чудесного были все поражены. Колени у нервных особ подгибались, и в желудках раздавался злоеющий рокот. Словом, положение всех, как говорится, было хуже губернаторского. Но вот пробил полночный час. На улице страшная темнота, а осенний ветер, завывая, рвался в окна общественного дома. В страхе никто не решался идти домой. А потому постановили: о случившемся занести в протокол и ждать рассвета. У секретаря собрания пальцы окоченели, и голова, случившимся эпизодом как будто поражённая, опустилась на секретарскую грудь. Мысли всех витали в неопределённом тумане, почему к делам ишаковоуховского общественного собрания важного о сём документа не было приложено в наиздание, без сомнения, скептическому, нечестивому и грешному потомству.

Говорят ещё, что в городе Ишаково Ухо у редкого из обывателей нет ныне этого чудодейственного «говорящего» столика, а потому у соседа Антона нет секрета от соседа Акима, да и скрыть мудро, так как духи, забирающиеся в столики, всё разбалтывают, даже

интимные супружеские дела. Ныне граждане, встречаясь друг с другом, как авгуры, улыбаются.

На днях на улице города Ишаково Ухо встретились мне два обывателя. Один из них вынул модель гостиницы двора и, тыча в неё пальцем, что-то промывчал. Другой отрицательно покачал головой, пошёл смущенным в какую-то комиссию.

Как видите, болтливость столиков заставляет и обывателей деловых быть в речах краткими, а подчас они ограничиваются лишь жестами».

МАСКА, МЫ ТЕБЯ ЗНАЕМ!..

Так кто же был первым и главным фельетонистом «Оренбургского Листка»? Напомним, П.Н. Столпянский в своей работе говорит о том, что под псевдонимом Барбачёв «скрывался всем известный, уважаемый общественный деятель города Оренбурга».⁵⁸

Одна из причин, по которым он не называет настоящее имя, на наш взгляд, кроется в том, что в 1903 году ещё были живы и сам фельетонист, и многие из его персонажей. Тем не менее круг лиц, подпадающих под это определение, не столь велик, и мы можем с большой долей уверенности предположить двоих из них.

Одно, как это ни покажется парадоксальным, городской голова Николай Акимович Серeda, самый выдающийся градоначальник дореволюционного Оренбурга. Имя талантливого администратора, краеведа, историка и публициста мало изучено и незаслуженно забыто. Об-

ращение к дореволюционной литературе, периодике и архивным материалам позволило выявить важнейшие факты биографии жизни этого крупного деятеля края.

Н.А. Серeda происходил из украинских дворян Полтавской губернии, переселившихся в Оренбургский край. Он родился в 1840 году, воспитание получил в Неплюевском кадетском корпусе. По окончании этого знаменитого учебного заведения восемь лет служил «по военному ведомству». Человек гуманных убеждений и большой эрудиции, имевший блестящие задатки литератора и историка, Н.А. Серeda принимает решение перейти на гражданскую службу. Был мировым посредником, гласным городской думы, а в начале сентября 1875 года, в соответствии с проведённой накануне в стране городской реформой, избран думой на пост городского головы (сроком на четыре года). После этого его ещё четыре раза избирали в градоначальники.

За двадцать лет он многое сделал для развития городского хозяйства, благоустройства, народного просвещения и здравоохранения.

Обладая ясным умом и государственным мышлением, Серeda представлял в центральные правительственные органы свои «Записки» по изменению положения в городских банках и другим вопросам. «Записки эти, — отмечалось в «Оренбургской газете», — обращали на себя внимание надлежащих министерств, и Н.А. был неоднократно вызываем в Петербург для участия в совещаниях по разным стоящим на очереди законодательным вопросам».⁵⁹

Городской голова Н.А. Серeda

За долголетнюю и безупречную службу Н.А. Серeda был награждён многими орденами, медалями и другими знаками отличия.

Известен Серeda и своей литературной и историко-краеведческой деятельностью, которая, правда, завершилась с переходом на административное поприще. Он сотрудничал со многими столичными изданиями. С конца 1860-х годов в журнале «Вестник Европы», в неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей», в изданиях губернского статистического комитета публикуются его исследования, представлявшие несомненную научную ценность, так как содержали новые, неизвестные ранее исторические материалы — рукописи очевидца пугачёвского бунта поручика А.Е. Поспелова, неизвестный манускрипт Пугачёва, материалы о позднейших волнениях челябинских крестьян, о самозванце Константине и многие другие.

Современники отмечали хороший литературный слог и острую публицистическую заострённость суждений и оценок в работах Н.А. Середы. Он вёл переписку с рядом известных общественных деятелей того времени. Опубликованы, например, его письма к известному историку, журналисту и общественному деятелю М.М. Стасюлевичу, бесменному в течение 42 лет редактору восстановленного журнала «Вестник Европы». Н.А. Середа — автор сочинений «Оренбургский край и его история», «Бунт киргизского султана Кенисары Касимова», «Оренбургский театр» и многих других.

Умер он после 1914 года.⁶⁰

Наша версия о причастности Н.А. Середы к фельетонам «Оренбургского Листка» основана не только на неопровержимой симпатии к его деятельности со стороны первой частной газеты и её редактора И.И. Евфимовского-Мировицкого, не раз лично защищавшего городского голову на своих страницах. И не только на противостоянии городской управы и ленивых думцев, которому посвящены очень многие материалы «Листка». В работе оренбургского историка, профессора, кандидата исторических наук Ю.С. Зобова «Градоначальник Оренбурга и краевед Н.А. Середа» мы нашли такое подтверждение нашим предположениям: «В первой частной газете «Оренбургский Листок» в первые годы её существования он помещал остроумные и дельные «фельетоны», т.е. публицистические статьи, заметки, обзоры на злобу дня».⁶¹ Правда, прямых доказательств авторства опубликованных в газете текстов, при-

надлежащих перу Середы, учёный не приводит.

Если обратиться непосредственно к текстам Барбачёва, то здесь можно найти многое из того, что могло выйти непосредственно из-под пера главного чиновника города, быть написанным под его диктовку или при его участии.

Несомненно, из недр городского административного аппарата шла подпитка полемики Барбачёва с форштадтским казачьим атаманом станицы Оренбургской П.И.Авдеевым, растянувшейся на несколько месяцев.⁶² Суть её в извечной борьбе города с казачьим войском за право иметь свой выгон для скота. Фельетон Барбачёва в данном случае не фельетон вовсе, а огромная аналитическая статья, с научной сухостью и подробностью излагающая вопрос о безмерных казачьих претензиях на оренбургские земли и ущемлении казаками прав горожан и представителей коренного населения края.

Не случайно в самом начале спора атаман Авдеев намекнул на авторство, ведущее в городскую управу. Барбачёв, правда, с жаром возразил, что он не угадал, но факт остаётся фактом: фельетонический «топор» для казаков лежал под лавкой городского головы.

«Выглядывает» градоначальник и из других фельетонов Барбачёва, когда он вдруг начинает проявлять уж очень заметную осведомлённость в отдельных хозяйственных или другого рода вопросах, а также стремление сформировать общественное мнение по ним. Меняется порой при этом даже стилистика повествования, словно заготовленные серьёзные и

деловитые фразы наспех вставили в иронический контекст. Так, например, в № 35 за 1877 год Барбачёв со знанием сути и дела вдруг начинает давать советы городской думе как осведомлённый чиновник:

«И в самом деле, отчего бы, если нельзя добровольно заставить контрагентов-арендаторов каменных лавок вымостить перед своими лавками проезды и улицы, — полицейскими мерами принудить их к тому? Ведь торгующие сами страдают оттого, что к ним приступу нет для покупателя. Неужели им нравится пачкаться в грязи и дышать заражённой всеми возможными миазмами атмосферой гниющих луж? Или, может быть, ввиду застоя в торговле, наши коммерсанты желают передать в оброчное содержание свои торговые площади свиньям? Но у нас и свиней мало: только у Лашина, да в слободках немного. Для них достаточно будет грязи на дворах своих господ. <...> Эта грациозная и грациозная постройка возведена на городской счёт, но в свою собственность подрядчиком Хохловым, который не только отказывается поправить дом свой, но, видя обвислые потолки, подпёртые оглоблями из пожарного обоза, ещё и острит:

— Ну, вот и ладно, теперь в этом здании жить можно...

Впрочем, Хохлов обещает приступить к постройке, как только город вновь заключит с ним условие на 12 лет с увеличением платы с 600 р. до 1300 р. в год и выдаст арендную плату за несколько лет вперёд».⁶³

Или в другом фельетоне.

«<...> О переустройстве полиции надо подумать и потому ещё, что с нового года, по введению мирового суда, круг деятельности чинов полиции существенно изменится; её ведению будут подлежать преимущественно дела внешние и дела сыскные.

Поэтому составить инструкцию для действия нижних полицейских чинов настало время.

Одновременно следует поднять вопрос также и о наших дворниках и ночных караульщиках. <...> Ни полиция, ни дума, ни домовладельцы вовсе не знают, кто состоит караульщиком, кто его нанял, как он исполняет свои обязанности. <...> В довершение большая часть караульщиков люди престарелые, дряхлые, которые не посмеют не только остановить вора, но и приметить его. Это, скорее, общественные пенсионеры и никак не ночные караульщики».⁶⁴

Эти примеры могут свидетельствовать не об уровне мастерства фельетониста, а о плохо спрятавшемся — случайно или с умыслом, — чтобы быть понятым всеми, и «проговаривающемся» градоначальнике-авторе.

Другим, иного рода подтверждением авторства Н.А. Середы, свидетельствующим при этом о растущем мастерстве, может служить фельетон о чиновнике. Написанный хорошим литературным слогом, он представляет собой цельный, полнокровный, не «картинками» поданный, материал, прекрасно служащий ещё одним примером эволюции жанра фельетона в «Оренбургском Листке». Автора выдаёт здесь и естественная в его

положении пристрастность к теме, и знание предмета разговора в разных его ипостасях — и местной, и обще-человеческой.

«Я не чиновник. Но я люблю чиновников, и не только чиновников, но и бесчиновных. За границей чиновник — бюрократ: его сторонятся или подозревают, и на это конечно там есть основания. Чиновник в России совсем статья другая: это сила и сила национальная. По-моему, первым чиновником на Руси был Добрыня Никитич, невский богатырь века Владимира-Красна Солнышка. По его следам пошли и образовались служебные столбы дальнейшего развития России. Зазнавшееся «местничество» толково заменено «табелю о рангах», и всё-таки чиновник до дня сего есть для государства главнейшая служебная сила. В чиновники принимается у нас и князь, и крестьянин, и купец, и безземельный мещанин. Чинами зовём мы и солдата, и урядника, которые не только не обижаются, но даже гордятся принадлежностью своею к чинам. Ужель это не всенародная, не земская сила? Моё, по крайней мере, убеждение таково: выучись, осмысли себя и окружающее тебя, не ленись, умеи слушаться, и коли есть охота, иди править и судить. Нет в этом у нас запрета никому. Это не то что тори и виги в Англии, юнкера в Германии, или ноблесс в либеральнейшей Франции. Чиновник у нас свой человек не только в государственных сферах, но и в частном банке, и в земстве, и в городском управлении, и в выборном суде, и даже в депутациях разных:

езде он свой родной, русский человек, плоть от плоти, кость от кости всего русского народа.

Представьте же моё крайнее удивление, которое навела на меня статья какого-то американского янки, торжественно и с видом знатока возвестившего недавно в своём «Chicago Herald» («Заметки американца о России»), что чиновники в России есть чуть ли не особая порода людей.

— Русские чиновники, — говорит этот невежественный янки, — вообще народ добрый, чувствительный и незлопамятный, — имеют весьма оригинальный обычай: при отъезде какого-либо начальника плакать от радости. Приглашения к выражению этих чувств, а равно и их пожертвованиям на поднесение какого-либо подарка отъезжающему начальнику, получают от ближайших помощников отъезжающего, и, сколько известно, не было никогда примеров, чтобы русские чиновники отказывались от подобных конфиденциальных приглашений. Напротив, они всегда с радостью соглашаются на вычет из своего жалования для покупки какого-либо подарка (предпочтительно альбома) и для напутственного банкета, так как знают очень хорошо, что чиновник, не умеющий «чувствовать», едва ли достоин называться хорошим и исполнительным чиновником. Как вера без дела мертва есть, точно так же, по словам русских, и чиновник без чувства не может считаться хорошим чиновником и, следовательно, не может быть терпим на службе, вследствие чего, понимает-

ся, все довольно охотно выражают свои чувства.

То же самое должно сказать и про многие русские газеты. Стараясь по возможности быть выразительницами общественного мнения, они всегда имеют наготове (в виду частных приездов и отъездов начальства) в своих редакциях две передовые статьи, из коих одна смочена слезами от горя, а другая — от радости, и таким образом чуть получается извещение о смене одного начальника и о назначении другого, то ни редактор, ни метрантаж не испытывают никаких затруднений и немедленно обнаруживают горе в ближайшем номере, а радость в следующем, или наоборот.

Иногда даже, особенно если какое-нибудь начальствующее лицо переводится на более видный пост и притом успело сыскать уважение и любовь среди своих подчиненных (а русские начальники в этом почти всегда успевают), то в русских городах, преимущественно провинциальных, устраивают даже торжественные процессии, во время которых запираются лавки и кабаки, прекращается деятельность во всех общественных местах, и русские чиновники, по два в ряд, с курьерами и сторожами позади и с духовенством и городскими представителями впереди, сопровождаемые глазющей уличной толпой, ходят по улицам, распевая унылые песни. В подобных случаях, в знак общественного горя, они надевают виц-мундиры на изнанку, посыпают непокрытые свои головы (лысым, впрочем, дозволяется наде-

вать ночные колпаки) листиками бумаг оконченных дел, привязывают к бедрам чернильницу с каждой стороны, а за уши закладывают гусиные перья.

Дойдя до городской площади, где обыкновенно помещаются все присутственные места, процессия останавливается, участвующие собираются вокруг больших размеров урны, обыкновенно сооружаемой на счёт городских сумм, и тут-то начинается тот раздирающий души плач, который ещё русского летописца Нестора приводил в смущение. Обыкновенно стараются плакать таким образом, чтобы слёзы стекали в урну, для чего окружающие её наклонялись всем корпусом вперёд и в таком положении стояли по полчаса и более. Когда уровень слёз в урне дойдёт до известной линии на избирателе, при котором стоит особый наблюдательный агент, процессия снова выстраивается и продолжает путешествие по улицам, распевая гимны печали и отчаяния и останавливаясь перед домом отъезжающего, который во времена выхода на балкон или показывается в окне и делает ручкой.

К вечеру все расходятся по домам и заканчивают этот печальный день в кругу семейства, в посте и молитве, причём многие пьянствуют.

Такая же процессия происходит и при приездах нового начальника. Снова запираются все лавки, кроме питейных домов, снова закрываются все присутственные места, но в этот раз в знак радости и веселья. Процессия чиновников, одетых как

следует, по форме, в мундирах, при шапагах и в треугольных шляпах, ходит по улицам в сопровождении хора музыкантов, распевая весёлые радостные гимны в честь нового начальника. Процессия эта ходит таким образом вплоть до вечера, после чего каждый проводит время в радости, веселии, а иногда в пьянстве. (Опять пьянство!)

Таковые обычаи в этой стране (это у нас-то свято исполняемые!)

Вот вам и американские друзья! Спасибо, нечего сказать — удружили! Верь после этого и афганскому другу, эмиру Ширь-Али, который в Кабуле, на «дурбаре» (совете) сказал, что Ишкендр Шах-и-Шах (т.е. Император Всероссийский) есть его душевный друг и покровитель, что афганские купцы, прежде чем познакомились с другими европейскими державами, давно хаживали с караванами в Троицк и в Оренбург, и что поэтому первейшая в свете страна по могуществу и пространству Россия заслуживает и его, Ширь-Али, и народа его афганского полнейшего доверия и дружбы; инглизы же — не то: они враги наши, заключил свою речь эмир, и сказал: наточите свои мечи и пики и седлайте своих коней, скоро я позову вас в поле на борьбу с врагом? (Об этом кто-то из нас написал даже «Голосу».)

Нет, я недаром твердил когда-то в целом, что не следует надеяться не только на друзей, но ни на сына, ни на князя человеческие. Век ныне такой: все вероломствуют или обманывают, а не то попросту врут.

Есть у нас, например, в Оренбурге Александровская больница. Лежат там и долёживают последние дни дыхания своего разные хромые, глухие и другие недужные, даже не чающие движение воды. Но и они критикуют, уверяя всех и каждого, кто только имеет случай видеть, что благодетели их, купцы и мещане, содержащие больницу, на них не смотрят, что жизнь им не в жизнь, что их обкрадывают, обмеривают, держат холодом и голодом, и даже не дают рубахи, чтобы прикрыть взорую наготу, что в больницу вместо дров ставят гнилушки и на все палаты нанимают всего трёх служителей, пьянствующих и постоянно отлучающихся. Действительно, жалобы оказываются правдивыми. Они дошли до начальства и было даже дознание.

Но я спрошу вас, кто же обратил на все эти ужасы внимание? Купцы и мещане, вы думаете, т.е. народ, к которому американский янки чиновников наших не причисляет?.. Следовательно, если чиновник чувствителен, то он чувствителен не к одному начальству, а и к народу, к его горю, к его скорбям.

Да коли на то уж пошло, я вам скажу ещё одно слово. На каравансарайской площади нашей, близ почтовой конторы, на дворе купца Мохнина, давно процветал кабачок. Прибылью дарил он своего владельца и весело торговал, хотя народ терпел от этого кабачка постоянную беду, ибо грабежи, воровство, даже дневное распутство совершались в этом кабачке

беспрепятственно, но никто не роптал, никто не пренятствовал, точно кабачок этот был не в народе, а на луне, или на острове, на море-океане. Недавно кабачок этот закрыли. Кто же закрыл, спрошу я вас? Опять-таки чиновник, «добрый и чувствительный»! Лежит ли на улице навоз: кто протестует первый? Чиновник. Валяется ли на улице пьяный: кто подбирает? Чиновник. Грозит ли населению беда от труса, потона, меча, от пожара или от болезней повальных: кто первый подаст руку помощи? Чиновник. Идут ли плохо дела в общественных «народных» затеях — в банках, товариществах, компаниях, даже в разных частных предприятиях: кто первый помощник и советник? Чиновник. Чиновник в русском народе свой человек, а вы этого, г-да янки, не знаете, и да будет вам стыдно. Чиновник русский всегда знает, что он «шапка по Сеньке», и потому и война на войну снаряжает он, и война с войны встречает он — смело, храбро, искренне, как свой родной человек. Он и в мире нужен везде, так как народ даже хоть своих по улицам сёл без чиновника построить не умеет. Без него нету и суда от низших ступеней до высших. Везде чиновник, везде он у нас нужен, и я за чиновника стою.

Да, осрамились вы, г. янки, ровно как осрамился и вовлечённый вами фельетонист «Вечерней газеты» (№ 321), толкующий о какой-то новой породе чиновников, ещё более новой и особой, чем та, о которой толкуете вы, и желающий упразднения чинов, забывая, что

чиновники всегда будут, как были прежде. Разве может быть чиновник без чинов?

Я ещё спрошу: кто искусства поддерживает? Чиновник. Кто гастрономию и астрономию выдумал? Чиновник. Кто науки превзошёл? Чиновник. Кто литературу выдумал? Чиновник. Кто раижуру учит? Чиновник. Кто, например, защищает «Оренбургский Листок» от нападков казаков и башибузукков? Чиновник. Кому подражают, например, купцы: курят сигары «сапура да магура», держат повара, одеваются по-модному, любят комфорт и знаки отличия, ездят на пролётках — рысаках, употребляют изысканные выражения и даже голландское бельё — кому? Чиновнику подражают и даже за счастье почитают породниться с ним. Нет, я люблю чиновника и всегда за него постою.⁶⁵

Этот панегирик чиновничеству написан рукой человека, владеющего стилем литературного письма, думающего небанально и, безусловно, сочувствующего тем, к кому в обществе русском относились достаточно презрительно.

«...жаль, что Серёда-администратор вытеснил Серёду-историка, и Оренбургский край лишился новых работ одного из своих талантливых краеведов», — сожалеет современный историк Ю.С. Зобов.⁶⁶

Но, может быть, фельетоны в «Оренбургском Листке», «заметки на злобу дня» стали для Серёды той самой отдушиной, в которой он по мере сил продолжал реализовать

свои литературные, публицистические и гражданские потребности и в то же время решал важные общественные задачи?

И всё же, на наш взгляд, в оренбургской истории есть персонаж, который с гораздо большим основанием мог сказать: «Барбачёв — это я».

В 1879 году в Оренбурге случился страшный пожар. Сгорела большая часть города и вместе с ней дом редактора и издателя «Оренбургского Листка», находившийся в районе нынешней улицы Пролетарской. Погибла при этом и редакция, и типография. Стало ли это частью общей беды, или так под сурдинку расправились с Евфимовским-Мировицким за его злокозненные фельетоны — доподлинно неизвестно. Если всё же предположить второе, то у поджигателей были все причины считать, что под маской ненавистного им Барбачёва (а, скорее всего, они точно это знали) скрывался сам редактор «Листка».

Наверняка знал об этом и П.Н. Столпянский, когда в вышеупомянутом очерке намекал на «всем известное, уважаемого общественного деятеля Оренбурга». Сам Евфимовский-Мировицкий, который руководил своей газетой до конца жизни в 1905 году, на двадцатипятилетии «Оренбургского Листка» в 1901 году признавался, что «был и редактором, и издателем, и типографом, и корректором, и автором...

И.И. Евфимовский-Мировицкий

собственной газеты».

*«В одной из лучших своих новостей — «Стране отцов», ставшей в 1905 году наряду с «Поединком» А. И. Куприна книгой года для читателей России, С. И. Гусев-Оренбургский рассказал о содержании и направленности оренбургских газет, о преследованиях за прогрессивные корреспонденции со стороны местных властей. В повести выведен образ редактора «Старомирского листка» Веселухи-Миропольского — явный намёк на редактора «Оренбургского Листка» И. И. Евфимовского-Мировицкого».*⁶⁷

Не является ли в таком случае первая часть литературной фамилии ещё одним намёком на весёлую сущность редактора-фельетониста, разозлившего и развеселившего весь Оренбург своими задиристыми статьями?

Но кроме косвенных подтверждений есть и более конкретные подсказки об авторстве многих фельетонов, и в первую очередь, оставленные самим Евфимовским-Мировицким. Уже одна его биография указывает на внутреннее родство редактора с фельетонистом-правдуром.

Родился будущий общественный деятель г. Оренбурга в 1839 году в Черниговской губернии, в семье потомственных дворян. После окончания Черниговской духовной семи-

нарии со званием действительного студента Иван Иванович поступил в Санкт-Петербургский университет и вышел из него с учёной степенью кандидата прав.

Евфимовского-Мировицкого по праву можно назвать «шестидесятником» девятнадцатого века. Он был одним из тех российских молодых людей, кто с готовностью откликнулся в 1869 году на призыв министра народного просвещения и обер-прокурора Священного синода Д.А. Толстого «проветрить епархиальные болота». Граф Толстой надеялся, что в этом ему поможет образованная молодёжь, которая займёт должности секретарей в консисториях. В 1871 году И.И. Евфимовский-Мировицкий был назначен секретарём Оренбургской духовной консистории. Он приступил к работе с энергией и присущей ему американской деловитостью, которую постоянно отмечали его современники.

В фондах Оренбургского областного архива находится «Дело о беспорядках, открытых секретарём консистории в делопроизводстве 1-го стола консисторской канцелярии»⁶⁸, из которого выясняется, что уже летом 1871 года Евфимовский-Мировицкий получил задание рассмотреть непристроенные дела и бумаги. В ходе расследования Иван Иванович обнаружил 240 «непристроенных» документов за период с 1861 по 1871 годы.

Почти через год, принимая от столоначальника приведённые в порядок дела, дотошный секретарь нашёл в архиве консистории ещё «пудов пять дел и бумаг, относящихся

к этому столу. На них не заведены описи и алфавиты, все сложены в заднем помещении архива под нижними полками и лежали в таком виде, как будто сданы были в архив давно, на самом деле они представляют безобразнейший хлам». Оказалось, что там было 1519 бумаг, из которых 259 были с неисполненными резолюциями и 479 нерассмотренных и неисполненных.

Погрузившись в дела консистории, Иван Иванович почти сразу заговорил о необходимости издания газеты для неё. Он писал преосвященнейшему Митрофану, епископу Оренбургскому и Уральскому:

«В наше время нельзя не видеть, что администрация и суд во всех ведомствах России стремятся войти в сближение с обществом — той средой, в которой и ради которой они призваны действовать. Одним из средств к такому движению справедливо признана печать... <...> потому что печатный орган наилучнейшим образом помогает обществу знать намерения и действия правящей власти, а власти достигать своих целей и предначертаний... Я полагаю, что печатный орган и для Оренбургского Епархиального управления также был бы уместен и полезен... Особенности исключительные местные условия делают подобный орган даже необходимым. Площадь Оренбургской губернии громадна, протяжение её в длину более 850 вёрст и в ширину более 3806 вёрст. Население же редко: на одну квадратную версту приходится по 4,9 душ обоёго пола, а один посёлок приходится на 105,5 кв. версты. Вследствие чего

обмен общих жизненных интересов между духовенством неудобен до последней степени».⁶⁹

И хотя речь в письме идёт о газете церковной («Предполагаемый печатный орган будет назван по примеру уже существующих «Оренбургских Епархиальных ведомостей»), чувствуется в нём уже прищел на газету, стремящуюся за консисторские рамки.

Предложение встретило общую поддержку и одобрение. После переписки Правительствующий синод указом от 1 сентября 1872 года разрешил издание газеты, которая стала выходить в свет с 1 января 1873 года. Два года её редактировал Евфимовский-Мировицкий. По вечерам Иван Иванович сам учил наборщиков искусству сплошного книжного набора.

В эти же годы — с 1871-го по 1875-й — он состоял частным преподавателем в Оренбургском женском Николаевском институте по русскому языку, теории словесности и истории русской литературы. За

успехи учениц был удостоен высочайшей денежной награды.

И хотя современники считали главной заслугой Ивана Ивановича издание печатного органа, который «всегда был органом либеральной прогрессивной мысли», это не исчерпывало всех его качеств и заслуг перед просвещённым Оренбургом и Оренбургским краем. В 1880–1881 гг. Евфимовский-Мировицкий являлся сверхштатным чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Н.А. Крыжановском, а после упразднения генерал-губернаторства оставался за штатом в чине надворного советника. А ещё он редактировал «Циркуляры по Оренбургскому учебному округу» (с 1875 г.), в 1874 — 1887 гг. был гласным городской думы и одно трёхлетие состоял в звании мирового судьи по Оренбургскому уезду.

Более 12 лет Иван Иванович был председателем многочисленных думских комиссий и очень многое сделал для улучшения положения просветительских учреждений Орен-

бурга, таких как городская общественная библиотека, городское училище и других. Неумолимая натура Евфимовского-Мировицкого проявила себя и на посту члена-сотрудника Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества, действительного члена Оренбургского статистического комитета, члена-учредителя, а затем и почётного члена Оренбургской учёной архивной комиссии, Оренбургского отдела Петербургского славянского благотворительного комитета, члена-учредителя Оренбургского отдела Императорского русского общества садоводов, секретаря комитета по постройке нового кафедрального собора в Оренбурге и на многих других должностях.

За свою службу в Оренбурге И.И. Евфимовский-Мировицкий был награждён орденами Св. Станислава II степени и Св. Анны III степени, знаком Красного креста и серебряной медалью в память императора Александра III.

В некрологах на смерть редактора первой частной газеты, последовавшей 5 мая 1905 года, оренбургские газеты писали: «Иван Иванович был высокообразованный, глубоко верующий человек, многое знал и многому мог научить. Верхоглядство, напускная учёность, жалкая посредственность и присущая нашему веку реклама вызывали в нём чувство озорчения, досады и даже возмущения». «Оренбургский край со времён Рычкова и Кирилова служил обширным полем культурной деятельности для лучших русских людей, стремившихся сюда не для целей наживы, но ради государ-

ственной пользы, ради просвещения и научения населения вновь приобретённых окраин. К числу таких просветителей принадлежал Иван Иванович, со студенческой скамьи ринувшийся в борьбу с епархиальными болотами, а затем путём издания газеты бросивший вызов всему нашему невежеству, всей нашей обломовщине».⁷⁰

Последние слова напрямую относятся к фельетонам первых лет издания «Оренбургского Листка», которые не только оставили приметный след в истории общественной жизни Оренбурга, но и стали ярким примером того, как в провинциальной газете второй половины XIX века происходило становление и эволюция нового жанра.

Теперь перейдём к псевдонимам. Первый фельетон, подписанный, как мы уже сообщали, Nemo, помещён на первой странице первого номера «Оренбургского Листка» рядом с передовой.

Если отсылать происхождение псевдонима к жюль-верновскому капитану (роман «20000 лье под водой» вышел в свет в 1870 году), то здесь открывается двойной намёк: во-первых, автор — руководитель, капитан газеты; во-вторых, речь идёт о подводном плавании этого капитана — в подтексте фельетона и в глубинах иронического иносказания. Если же не брать во внимание французский роман, то псевдоним расшифровывается ещё проще: в переводе с греческого, который выпускник семинарии и университета Евфимовский-Мировицкий знал наверняка, «немо» означает «управляю, распределяю». Чем не

псевдоним для автора, редактора и издателя в одном лице?

Барбачёв («барба» — заусенец на металле) — новая маска Евфимовского-Мировицкого, требующая более жёсткого пера, и фельетонист, обладающий даром художественного перевоплощения (а он, судя по фельетонам, прекрасно разбирается в театре), легко справляется с этой задачей. А по сути, снимает маску и прячется лишь за псевдонимом.

Кому, как не Евфимовскому-Мировицкому с его активной натурой «шестидесятника», самому состоявшему в 1874 — 1887 годах гласным городской думы, являвшемуся мировым судьёй, чиновником особых поручений при губернаторе и т.д., было знать в подробностях те факты и события, которым посвящены фельетоны? Кому как не ему было принимать сторону городского головы в его трудах на благо города и в борьбе с его врагами? Ведь ещё по одной оценке современника, «он был в высшей степени живой и отзывчивый человек, необычайно талантливый, университетски образованный и пламенно горевший желанием служить обществу на почве просвещения и возвышенных целей».⁷¹ И не случайно слово «благовествовать» (из ставшего его девизом стиха из послания апостола Павла: «Горе мне, аще не благовестую!»)⁷² часто встречается и у Барбачёва. Например, «Кого же будем винить, если эти убогие «деятели» наши, не имея разумно повести вверенное им «честное дело», сумели лишь приосаниться, постичь и расчухать прелесть власти и заорудовать так, что под их дудку заплясали лес и горы! Если мы

при этом только пожимаем плечами да охаем по секрету, то кому же обличать, запрещать, благовествовать, настаивать благовременно и безвременно?»⁷³

В № 23 за 1877 год помещена упомянутая выше гневная отповедь Барбачёву со стороны Оренбургского станичного правления, подписанная Петром Ивановичем Авдеевым. Любопытно, что по горячим следам делает сноски и комментирует их лично редактор, судя по характеру замечаний, пристрастно, едва удерживаясь от полемики, — комментирует как автор, в деталях знающий дело. В следующем номере «Листка» Авдееву оппонирует уже Барбачёв, но с теми же аргументами и с той же интонацией, что и редактор.

Вот некоторые из этих сносок.

(*) Никто в разбое и не обвинял станицу!

(*) Места этого мы не понимаем.

(*) Кто же это говорил?!

(*) Если страж не усмотрел, то скроется и «билетный».

(*) Никак этого не увидишь. Наши знакомые очень потерпели, будучи пешими.

(*) И этого тоже нельзя видеть.

(*) Считаю такое решение преждевременным. Дело по спору города с казаками представлено здесь неверно, но мы возражать против сказанного автором или полемизировать воздерживаемся, пока это дело решится окончательно. Для публики достаточно будет знать, что иск города, о котором автор говорит, судебная палата признала правильным. Потертым мало, Пётр Иванович!

(*) С чего это вы выдумали «переселять» форштадт? Наши казаки с удовольствием останутся горожанами, соединив свои выгоны с городскими, и ничто им не мешает пользоваться всем тем, чем пользуются и прочие горожане.

(*) Думаем, г. Барбачёв не откажется помочь вашему невеждению. А до тех пор со своей стороны мы можем сообщить вам, что по одному тургайскому областному управлению имеется таких дел, ещё не оконченных производством, более «двух десятков».

Редактора иногда можно усмотреть и в эмоциональных словах-оговорках фельетониста. Например, в патетическом рассуждении Барбачёва: «И мало ли в общественной жизни нашей грустных явлений, подобных настоящему? Взять хоть, например, это солидарное стремление авторов разных «злонамеренных истин» и инсинуаций бросать грязью в орган нашей местной печати ни за что, ни про что. Да разве это не то же явление, только в другой форме? Редакция рассчитывала на сочувствие к себе образованной части общества, на содействие, — и каким же грустным, каким наивным представляется теперь клич о содействии, о помощи, с которыми редакция выступила при появлении своём на Божий свет!...»⁷⁴ Этот отрывок почти дословно воспроизводит слова из передовых статей самого Евфимовского-Мировицкого практически всех первых лет издания газеты.

Позже, в № 46 за 1876 год, Нето, обозревая письма, пришедшие в ре-

дакцию, на наш взгляд, проговаривается: «Главное достоинство этих корреспонденций в том, что они — настоящие, то есть написанные не в кабинете редактора, а именно там, откуда помечены...»

Затевая суд с «Оренбургским Листком», адвокат городской думы Л. Вейсберг подал иск не на Барбачёва, а напрямую на редактора и не только потому, что он по определению в ответе за все публикации. «...Если у меня нет такого лёгкого оружия, как собственная газета, — угрожал он, — то зато я, благодаря судьбе, имею в себе бескорыстного и преданного адвоката, который, смею уверить редактора, будет столь же неутомим на скромном поприще закона, сколько он на видных столбах своего почтенного органа». «Видные столбы» фельетонов, из-за которых и разгорелся судебный сыр-бор, как видим, напрямую приписываются редактору.

Кстати, сам Барбачёв в разговоре со Старожилом⁷⁵ «подстраховывается» от разоблачения псевдонима и создаёт дистанцию между собой и редактором: «Больше всего меня терзала мысль, что редактор непременно срыцарствует, не выдаст меня, а это мне будет точнее темницы». Не выдаст, потому что выдавать некого: Барбачёв, как правильно понял или знал Вейсберг, был сам Евфимовский-Мировицкий.

Ещё более откровенно раскрывается Мировицкий-Барбачёв, когда в № 16 за 1878 год в гнев подводит итоги суда: «Будем «общественничать» и даже более: мечтать, кому бы сдать на руки этот проклятый «ужаснейший» «Листок»?» «Сда-

вать на руки» чужую собственность конечно же не было в компетенции простого журналиста.

Кроме того, лингвистический анализ выявляет явное соответствие тематики, стиля, интонации и лексического состава текстов Барбачёва и Евфимовского-Мировицкого. В частности, в материалах, критикующих статьи оренбургских корреспондентов в петербургских изданиях — например, в редакционной статье «Ложь до правды стоит», напечатанной в № 39 за 1881 год — через два года после исчезновения со страниц «Листка» самого Барбачёва.

«Оренбургские корреспонденты из кожи лезут, доказывая, что они писатели «прогрессивно-либерального» направления и любят журналистику только «самостоятельную», даже в провинции. И как просто, не хитроумны приёмы их! Стоит лишь наверх побольше да попкаитнее — и либерал готов. А если писака подбавит ещё две-три оскорбительные инсинуации о начальстве и высокопоставленных лицах, почему-либо сошедших с пьедестала, то он уже вытягивает грудь как «либерал-прогрессист» <...>

Удивительны нравы у наших либералов, и как доверчиво к писаниям их относится почтенная

столичная пресса! Впрочем, сколько помнится, изделие, помещённое в «Улье», не было перепечатано ни в одной столичной газете. Очевидно, оно показалось маловероятным. Когда вы, гг. корреспонденты, уймётесь!»

Заметки из провинциального Оренбурга на страницах столичных изданий не раз, как мы уже говорили выше, становились темой фельетонов Барбачёва, высмеивавшего враньё и напраслину доморожденных целкопёров ещё в пору его бытования в «Листке» под маской Немо.

Как бы то ни было, после пожара 17 апреля 1879 года Барбачёв исчезает со страниц «Оренбургского Листка» на долгие полтора года. И появляется лишь один раз и то не напрямую, а в разговоре с «воскресшим» на короткий срок Старожилом, которому якобы Барбачёв написал письмо. В послании он признаётся, что «подобрел и перестал писать фельетоны». Ещё одной причиной отказа от сотрудничества с газетой стали притеснения... со стороны редактора, который «правил и вымарывал лучшие его страницы».

За всем этим видится желание самого редактора Евфимовского-Мировицкого откеститься от псевдонима, который принёс ему столько проблем и беспокойства.

⁵Кройчик, Л.Е./Провинциальная частная газета в сб. Русская провинциальная частная газета. Мандр и К. Тюмень, 2004. — Стр. 11-12.

⁶Труды Оренбургской учёной комиссии. — Оренбург, 1903. — Вып. 12. — С.68.

⁷ОЛ, 1876, № 52, 1877, № 1.

⁸ОЛ, 1876, № 1.

⁹ОЛ, 1876, № 1.

¹⁰ОЛ, 1876, № 1.

¹¹Труды Оренбургской учёной комиссии. — Оренбург, 1903. — Вып. 12. — С.70.

¹²ОЛ, 1878, № 52.

¹³ОЛ, 1877, № 5.

¹⁴ОЛ, 1876, № 25.

¹⁵ОЛ, 1876, № 2.

¹⁶ОЛ, 1876, № 5.

¹⁷ОЛ, 1876, № 2.

¹⁸ОЛ, 1876, № 5.

¹⁹ОЛ, 1876, № 8.

²⁰ОЛ, 1876, № 13.

²¹ОЛ, 1876, № 52.

²²ОЛ, 1876, № 17.

²³ОЛ, 1878, № 4.

²⁴ОЛ, 1879, № 11.

²⁵В.В. Пугачёв. Газетное дело и частные издания в Оренбургской и Уфимской губерниях // Российская провинциальная частная газета / Сост. Л.Е. Кройчик, ред. Л.Е. Кройчика и Ю.Л. Мандрики. — Тюмень: Мандр и К, 2004. — С. 109.

²⁶ОЛ, 1876, № 12.

²⁷ОЛ, 1876, № 14.

²⁸ОЛ, 1876, № 7.

²⁹ОЛ, 1876, № 3.

³⁰ОЛ, 1877, № 3.

³¹ОЛ, 1876, № 46.

³²ОЛ, 1876, № 9.

³³ОЛ, 1878, № 58.

³⁴Труды Оренбургской учёной комиссии. Оренбург. — 1903. — Вып.12. — С.70.

³⁵ОЛ, 1878, № 52.

³⁶ОЛ, 1876, № 14.

³⁷Труды Оренбургской учёной комиссии. Оренбург, 1903. — Вып.12. — С.73.

³⁸ОЛ, 1876, № 44.

³⁹ОЛ, 1876, № 44.

⁴⁰ОЛ, 1877, № 9.

⁴¹ОЛ, 1878, № 52.

⁴²ОЛ, 1877, № 41.

⁴³ОЛ, 1877, № 52.

⁴⁴ОЛ, 1878, № 8.

⁴⁵ОЛ, 1876, № 38.

⁴⁶Кольцов, М./Писатель в газете. М., 1961. — С.119.

⁴⁷ОЛ, 1877, № 8.

⁴⁸ОЛ, 1878, № 9.

⁴⁹Труды Оренбургской учёной комиссии. Оренбург., 1903. — Вып.12. — С.85.

⁵⁰Труды Оренбургской учёной комиссии. Оренбург., 1903. — Вып.12. — С. 85, 87.

⁵¹ОЛ, 1878, № 7.

⁵²ОЛ, 1878, № 13.

⁵³ОЛ, 1878, № 30.

⁵⁴ОЛ, 1883, № 52.

⁵⁵Труды Оренбургской учёной комиссии. Оренбург, 1903. — Вып. 12. — С.73.

⁵⁶Оренбургская газета, 1905, № 2315.

⁵⁷Оренбургская биографическая энциклопедия. Оренбургское книжное издательство. М. — Русская книга, 2000.

⁵⁸Историки и исследователи Оренбургского края. Оренбург. Изд-во ОГПУ, — 2007. — С. 285.

⁵⁹ОЛ, 1877, № 19 — № 32.

⁶⁰ОЛ, 1877, № 35.

⁶¹ОЛ, 1878, № 51.

⁶²ОЛ, 1878, № 48.

⁶³Историки и исследователи Оренбургского края. Оренбург. Изд-во ОГПУ, — 2007. — С. 289.

⁶⁴Прокофьева, А. Г./Русские писатели и оренбургская периодика конца XIX — начала XX вв. // Оренбургский край. Изд-во ОГПУ. — Оренбург, 2001. — Вып.1. — С.77.

⁶⁵1 ГАОО. Ф.173. Оп.3. Ед. хр. 4250, всё дело.

⁶⁶Там же. Ед. хр. 4236. Л. 2.

⁶⁷Вертоусова, Е.Г./И.И. Евфимовский-Мировицкий // Оренбургский край. Изд-во ОГПУ. Оренбург. — Вып.3. — 2006.

⁶⁸Райский, П.Д./Путеводитель по гор. Оренбургу. Оренбург, 1915. — С.50, примеч.

⁶⁹Памяти И.И. Евфимовского-Мировицкого. Оренбургская газета, 1905, № 2314.

⁷⁰ОЛ, 1878, № 30.

⁷¹ОЛ, 1876, № 20.

⁷²ОЛ, 1878, № 9.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹Столянский, П.Н. Труды Оренбургской учёной комиссии. — Оренбург, 1903. — Вып.12. — С.73.

²Кройчик, Л.Е./Провинциальная частная газета в сб. Русская провинциальная частная газета. Мандр и К. Тюмень, 2004. — Стр. 3.

³Труды Оренбургской учёной комиссии. — Оренбург, 1903. — Вып. 12. — С. 48-49.

⁴ОГВ, 1869. — № 2.

⁵ОГВ, 1881. — № 52.

⁶Труды Оренбургской учёной комиссии. — Оренбург, 1903. — Вып. 12. — С. 49-50.

⁷ОГВ, 1896. — № 34.

Владимир Геннадьевич Семёнов родился в 1960 г. в с. Старая Тепловка Бузулукского района Оренбургской области. Служил в армии, окончил исторический факультет Оренбургского государственного педагогического института (с красным дипломом), учительствовал в сельской школе. В настоящее время – старший преподаватель кафедры истории Отечества и социально-политических теорий ОПТУ, преподаватель военного краеведения в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, кандидат исторических наук. Один из инициаторов возрождения Оренбургского казачьего войска, автор многочисленных публикаций по военной истории края и оренбургского казачества.

Владимир СЕМЁНОВ

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЗОЛОТОМ ЗА ГОЛОВУ ЛЁТЧИКА- КАЗАКА

11 февраля 1938 года в Свердловское управление НКВД поступила телеграмма № 23858 из столицы, в которой предлагалось «арестовать участника антисоветского заговора Кожевникова Александра Тимофеевича, помощника командующего ВВС Уральского военного округа. Приказом НКО № 0019 Кожевников из армии уволен».

В областном управлении составляется справка на арест комдива А.Т. Кожевникова. Из неё следует, что он является активным участником военно-фашистского заговора с целью подготовки переворота в стране. 13 февраля сотрудники УНКВД принимают постановление об избрании меры пресечения: «Кожевникова А.Т., обвиняемого по статьям 58 п.7,8 и 11, арестовать».

В посёлке Новоилецком в семье сотника 6-го Оренбургского казачьего полка Тимофея Дмитриевича Кожевникова и его жены Анны Никандровны 16 августа 1893 года родился третий сын – Александр. Отец будущего советского комдива Военно-воздушных сил Тимофей Дмитриевич был кадровым офице-

ром. После окончания Оренбургского юнкерского училища более 30 лет служил в казачьих полках царской армии. Во время Первой мировой войны в чине войскового старшины он командовал 11-й Оренбургской особой сотней. В августе 1938 года подсудимый краском А.Т. Кожевников напишет: «Отец войсковой старшина (подполковник), убит в империалистическую войну...» Хотя уже в январе 1915 года он по болезни эвакуируется в Оренбург.

В семье Кожевниковых росли три сына и три дочери. Старший сын, Григорий, в чине сотника в 1904 году учился в Николаевской академии Генерального штаба. Средний, Фёдор, в чине есаула воевал в Первую мировую войну в составе 17-го Оренбургского казачьего полка, за отличие в боях отмечен несколькими орденами.

Как и старшие братья, Александр решил стать офицером. С 1904-го по 1911 год учился в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, а затем закончил по 1-му (высшему) разряду Николаевское кавалерийское училище. Его направили служить во 2-й Оренбургский казачий полк, входивший в состав 13-й кавалерийской дивизии и расквартированный в предместье Варшавы. В 1914 году хорунжий Кожевников оставил часть и отправился на родину, где началась мобилизация казаков 2-й очереди в Оренбургскую казачью дивизию. 17 июля 1914 года командиром формируемого в пос. Клястицком 3-го военного отдела 11-го полка был назначен полковник Н.П. Круторожин. 24 июля полк, насчитывавший 11 офицеров и 962

казака, в составе дивизии и под командованием генерала М.Г. Михеева отправился на фронт.

После доукомплектования личным составом и обеспечения боеприпасами в ноябре 1914 года Оренбургскую казачью дивизию включили в 8-ю армию генерала Брусилова и направили воевать на Юго-Западный фронт. В составе этого полка хорунжий Александр Кожевников участвовал во многих сражениях. За подвиги только в 1915 году его наградили орденами Святой Анны 4-й степени «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. В боевых условиях ему приходилось исполнять обязанности адъютанта командира полка и командовать сотней. В 1915 году в его части потери среди офицеров составили 11 человек убитыми, ранеными и контужеными.

В январе 1916 года хорунжий Кожевников назначается командиром конно-партизанского отряда, составленного из наиболее храбрых казаков. Но в марте того же года партизанский отряд расформировали, а лучшим офицерам предложили продолжить борьбу с врагом в воздухе. А.Кожевников со своим однополчанином Н. Мензелинцевым отправился на четырёхмесячную учёбу в Севастопольскую авиационную школу, где обучался полётам на аппаратах «Моран» типа Ж (боевой), «Моран Парасоль». С 05.10.1916 он служит во 2-м корпусном авиационном отряде.¹ Командир 1-й боевой группы штаб-ротмистр Казаков дал следующую короткую характеристику А.Т. Кожевнико-

ву: «Отличный лётчик и офицер. Исполнитель, дело своё любит и знает». 20 декабря 1916 года сотник Кожевников вылетел на фотографирование неприятельских позиций в район станций Глобы, Новый Маскор. Неожиданно он был атакован неприятельскими самолётами и, невзирая на смертельную опасность, самоотверженно вступил в неравный бой. Искусно маневрируя, подвёл свой самолёт к неприятельскому и обстрелял его из пулемёта. После 20 – 30 выстрелов самолёт врага получил повреждения, загорелся и упал в районе станции Глобы. За этот бой А.Т. Кожевников был отмечен Георгиевским оружием.

В январе 1917 года подьесаул Кожевников был назначен командиром 3-го истребительного отряда. В боях на Румынском фронте он сбил ещё один самолёт. В автобиографии в 1935 году писал, что в период Октябрьского переворота был избран (до этого назначался) командиром своего же отряда. В связи с демобилизацией из армии в январе 1918 года прибыл в Москву, где его назначили командиром красногвардейской Тульской авиагруппы. А.Т. Кожевников сделал свой выбор сознательно и всю оставшуюся жизнь честно служил советской власти.

В марте 1918 года, после издания Декрета о формировании Красной армии, Тульскую группу преобразовали в 3-й истребительный отряд. В мае, полностью укомплектованный лётным составом и материальной частью, отряд был переброшен на Восточный фронт под г.Симбирск в распоряжение краскома Гая и воевал в составе 24-й Железной дивизии

1-й армии. Во время летних и осенних боёв в Поволжье и на Южном Урале Кожевников выполнил ряд ответственных разведывательных полётов. За восстановление связи с отрезанными частями Красной армии, бомбардировку и обстрел белогвардейских войск неоднократно отмечался благодарностями и денежными наградами. В это же время, после взятия городов Бузулука и Бугуруслана, награждён именованным пистолетом системы маузер. За всё время пребывания в отряде Александр Тимофеевич налетал 28 часов 40 минут, и большая часть из них – боевые. В октябре 1918 года за успешные действия во время взятия Симбирска, Сызрани, Самары, Бузулука, Уфы и Оренбурга приказом командарма М.Н. Тухачевского отряду присвоено звание «Железный», а командиру его объявлена благодарность.

В ноябре 1918 года, в связи с наступлением Деникина, Кожевникова перевели на Южный фронт и зачислили в 1-ю советскую авиагруппу под командованием Павлова, воевавшую в составе 8-й армии, где он возглавил 1-й советский истребительный отряд. Во главе отряда краском Кожевников принимает участие в ряде блестящих дневных и ночных атак на позиции противника, проводит бомбардировку белогвардейских войск, вылетает на разведку и для восстановления связи с частями 8-й и 13-й армий. В апреле – мае 1919 года участвует в боях за Донецкий угольный бассейн.

Действия отважных лётчиков Красной авиации наносили немалый вред кавалерии белой армии, поэто-

Семья Кожевниковых, 1929 г.

За все эти бои был отмечен благодарностями.

В мае 1920 года прибывшего за назначением в Москву лётчика направили командиром того же 1-го советского

му А.И. Деникин издал приказ, в котором обещал вознаграждение в сумме 10 тысяч рублей золотом за доставленные головы шести лётчиков: Павлова, Ефимова, Сапожникова, Кожевникова и других. В то же время активизировались действия авиации белых. В августе 1919 года генерал Гусельщиков в ходе рейда на станции Алексеевская разгромил авиационную группу Павлова, уничтожив все самолеты и имущество. В 1935 году А.Т. Кожевников так писал об этом: «Несмотря на потерю всего имущества, в течение двух месяцев продолжал непрерывную боевую работу. Войдя в состав авиагруппы по борьбе с рейдирующей конницей Мамонтова, выполнял задания по разведке, бомбардировке и восстановлению связи». Александру Тимофеевичу удалось восстановить связь с комендантом окружённых войск Воронежского укрепрайона Седакиным и частями 8-й армии, захвачены в районе Лиски.

В одном из полётов 13 августа 1919 года, указывал в воспоминаниях Кожевников, совместно с лётчиком Гуртынём сбил белогвардейский самолёт в районе станции Подгорная.

истребительного батальона в составе 16-й армии на Польский фронт. На этом фронте уже в качестве командира 1-го истребительного дивизиона он участвует в боях, с воздуха поддерживая контратаки 2-й и 10-й дивизий 16-й армии. Во время майского наступления 16-й армии 1-й дивизион был усилен разведывательным отрядом.

По заданию командиров дивизий и армии Кожевников лично выполнил ряд разведывательных и бомбардировочных полётов в расположение войск противника. В одном из полётов лётчик приземлился на территории, занятой поляками. Его окружила конница противника. При перестрелке его лицо было изранено мелкими осколками лобового стекла, а корпус самолёта получил несколько сквозных пробоин. И всё же краском не растерялся, с большим риском для жизни он поднял аппарат в воздух, продолжил полёт и выполнил задачу по розыску выходящих из окружения войск 8-й дивизии и восстановлению их связи со штабом армии.

За этот полёт А.Т. Кожевников был награждён орденом Красного

Кожевников Фёдор,
брат Александра*

Знамени. В приказе РВС отмечалось: «При отходе нашей 8-й дивизии на М.Березине связь между штабом 16-й армии и штабом 8-й дивизии была прервана, для восстановления которой было приказано т. Кожевникову выслать самолёт и, кроме того, получить и доставить в штаб 16-й армии от начальника 8-й дивизии необходимые сведения. Кожевников сам вызвался доставить пакет начальнику дивизии... Перелетев через реку Березину, снизился у деревни Новосёлки, где и нашёл начальника 8-й дивизии, кому и вручил пакет. Донесение от последнего доставил в штаб армии. Во время полёта обстрелян противником, в результате чего на самолёте оказалось две пулевые пробоины».

В июле 1920 года усиленный тремя воздушными кораблями «Илья Муромец» дивизион Кожевникова принимал активное участие в решительном наступлении 16-й армии на Минск и далее на Барановичи. За особо выдающиеся заслуги в период майского и июльского наступлений армии дивизион Кожевникова первым из частей Красной авиации 28 сентября 1920 года был награж-

дён Почётным революционным Красным знаменем ВЦИК. За личные боевые подвиги Кожевников был награждён именными серебряными часами и велосипедом с памятной надписью.

В августе 1920 года Александр Тимофеевич назначается командиром Особого истребительного звена, состоявшего из четырёх лучших лётчиков, и направляется на борьбу с Врангелем. В составе 13-й армии его отряд вёл бои с авиацией противника. В связи с начавшимся наступлением белых войск по распоряжению командующего фронтом 13 октября 1920 года была сформирована Северная авиационная группа Южного фронта, в состав которой вошёл 1-й дивизион, усиленный воздушными кораблями «Илья Муромец». Командиром этого соединения стал А.Т. Кожевников. Группу оперативно подчинили командарму 2-й конной армии. Краском Кожевников «принимал участие в боях с авиацией противника и в атаках с воздуха совместно с конницей 2-й конной армии по отражению наступления конницы генерала Барабовича, наступавшего в районе Никополя, и других», — отмечалось в наградном листе.

За боевые отличия в октябре 1920 года РВС наградил Александра Кожевникова именными золотыми часами.

В ноябре 1920 года перед решительным наступлением на Врангеля

наш земляк назначается командующим авиацией 6-й армии. В её составе он участвует в боях на Каховском плацдарме, за овладение Перекопскими и Юшунскими позициями и взятие Крыма. 17 мая 1921 года Александр Тимофеевич становится начальником воздушного флота вновь образованного Харьковско-го военного округа. В интересах мирного населения командующий округом организовал воздушную почтовую линию Херсон — Харьков, за что был отмечен благодарностью командования.

В это время на Украине активизировали свои действия отряды батьки Махно, и командующий авиацией округа сам участвовал в подавлении повстанческого движения, помогал восстанавливать связь с войсками, осуществлявшими разгром восставших.

Во время службы в Харькове главком авиации округа ездил в Москву делегатом на Всероссийский съезд авиационных работников (июнь 1921 года), в сентябре 1921 года был направлен в Крым для инспектирования авиационных и воздухоплавательных частей, расположенных на полуострове. Он также являлся членом окружной комиссии по выработке новой военной формы, участвовал в окружных научном и военно-экономическом совещаниях.

После ликвидации Харьковско-го военного округа 1 января 1922 года А.Т. Кожевникова назначают командиром 1-й советской истребительной воздушной эскадрильи, размещённой в Петрограде и сформированной из истребительных частей периода Гражданской войны.

После окончания Гражданской войны возросли материально-технические возможности авиации, качественно улучшился личный состав, что позволило повысить интенсивность полётов как главного элемента боевой подготовки ВВС. В практику вошли полёты на различные расстояния, окружные, межокружные и общесоюзные перелёты. Устраивались всевозможные состязания на скорость, высоту и длительность полётов. Так, в сентябре 1922 года 1-я истребительная эскадрилья в составе 17 самолётов во главе с А.Т. Кожевниковым совершила перелёт из Петрограда в Москву и обратно, с посадкой на промежуточных аэродромах в Боровичах и Твери. Командир эскадрильи получил благодарность от совета авиации.

В октябре 1922 года приказом Главкома Александр Тимофеевич был определён слушателем Высших академических курсов при академии имени М.В. Фрунзе. Через год после их окончания назначен начальником Воздушного флота Московского военного округа. В ноябре 1923 года приказом РВС лётчика-краскома назначили на должность начальника Воздушных сил Западного фронта. В 1924 году управление ВВС Западного фронта было реформировано в управление ВВС Белорусского военного округа. В течение пяти лет Кожевников возглавлял лётный состав этого округа. В 1926 году по поручению начальника ВВС РККА он написал Устав истребительной авиации.

За время руководства Военно-воздушными силами округа Алек-

* К сожалению, фото самого А.Т. Кожевникова не найдено

сандр Тимофеевич многое сделал для создания и укрепления авиации Белорусской республики, за что был отмечен высокими наградами и подарками: в 1925 году — золотыми часами, в 1926-м — серебряным портсигаром и мотоциклом, в 1928 году награждён орденом Трудового Красного Знамени № 21 Белорусской ССР.

1 сентября 1929 года приказом РВС СССР А.Т. Кожевников назначен начальником оперативнотактического цикла Военно-воздушной академии. В 1931 году кроме выполнения этих обязанностей возглавлял командный факультет и курсы усовершенствования начальствующего состава. В 1933 году приказом по академии, в связи с её реорганизацией, его назначили начальником кафедры оперативного искусства. Более пяти лет отдал Александр Тимофеевич работе в академии ВВС имени Жуковского. За плодотворную научно-педагогическую работу неоднократно поощрялся командованием. Например, в 1933 году приказом по академии ему была объявлена благодарность и вручена денежная награда «за большую, успешную работу, проведенную по оборудованию ... моторной лаборатории». В том же 1933 году «за разработку учебных пособий по курсу для занятий со слушателями академии» — начальником академии отмечен именной пистолетом маузер. «За особо полезную работу в области строительства и укрепления военно-технической мощи ВВС РККА» ему была объявлена благодарность РВС».

В автобиографии А.Т. Кожевни-

ков отмечал: «За время пребывания в академии издал ряд научных трудов, написал стандартный учебник по тактике истребительной авиации. Принимал участие и руководил опытными учениями, был председателем и членом ряда инспекций строевых частей ВВС РККА, согласно приказов начальника ВВС РККА».

29 сентября 1935 года последовал приказ Народного комиссариата обороны по личному составу № 01304 о назначении А.Т. Кожевникова командующим авиацией Уральского военного округа, куда он отправился 15 октября. Уральский военный округ стал последним местом службы комдива Кожевникова. 6 января он принял новую должность. Военно-воздушные силы округа состояли из 55-го и 33-го авиационных отрядов, в них числилось 28 самолётов, сюда же включили авиационные звенья 65-й, 82-й, 98-й и 85-й стрелковых дивизий, в которых имелось ещё 12 самолётов. В августе 1937 года А.Т. Кожевников вступил в члены ВКП(б). Рекомендацию дал ему В. Хартин, член ВКП(б) с 1919 года.

13 февраля 1938 года в дом № 2 на улице 8 Марта, где жила семья комдива, пришли работники Управления НКВД, провели обыск и арестовали Александра Тимофеевича. В протоколе обыска указаны предметы и вещи, конфискованные у арестованного. Среди них ордена Красного Знамени, партийный билет члена ВКП(б) № 1340682, именные оружие, малокалиберная винтовка, кобура и полевая сумка.

На момент ареста женой комдива была Кожевникова Анна Павловна, 1896 года рождения. Вместе с ними

проживала мать Александра Тимофеевича — Кожевникова Анна Никаноровна, 1861 года рождения, сыновья Юрий — 9 лет и Олег — 8 лет.

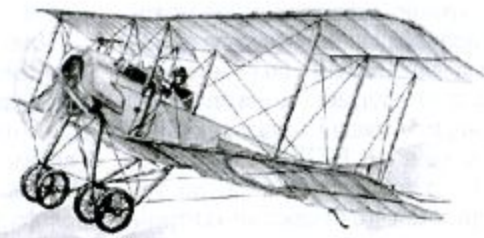
В графе, с кем поддерживает связи в РККА, сказано: «Живу я замкнуто, никаких связей с кем-либо из

пении подследственных: избивали резиновыми дубинками, заставляли выстаивать сутками у стен и прочее. Поэтому через месяц подобных «допросов» арестант согласился дать нужные показания. А 19 марта 1938 года он пишет заявление на имя начальника УНКВД по Свердловской области комиссара 3-го ранга Дмитриева: «Взвесив все обстоятельства и не имея необходимости скрывать от следствия факты, я пришёл к выводу дать следствию исчерпывающие показания в письменном виде».

военных не имею... Переписки ни с кем не ведём». Очевидно, арестованный не хотел бросить ненароком тень на кого-нибудь из товарищей. В справке на арест он указывается как беспартийный, однако документы утверждают, что исключение из партии состоялось только 19 февраля. В протоколе заседания парткома о нём говорится: «В старой армии с 1904 по 1918 год, от кадета до командира авиаотряда. Партвзысканий не имеет. Докладывал ответственный секретарь окружной партийной комиссии. Кожевников не присутствовал, арестован НКВД. Постановили: Кожевникова А.Т. — как врага народа — из членов ВКП(б) исключить».

Как свидетельствуют документы 1957 года, следователи НКВД применяли незаконные методы дознания, используя меры физического и морального воздействия в отно-

В протоколе допроса всё становится ясным с первых же слов. На вопрос: «В каких отношениях вы находились с т. Тухачевским?» — Кожевников ответил, что знакомы с ним по Гражданской войне и послевоенной службе в 1923 — 1929 годах в Белорусском военном округе.

Следователи добиваются признания того, что А.Т. Кожевников, работая в Военно-воздушной академии имени Жуковского, поддерживал связи с участниками «военно-фашистского заговора»: заместителем начальника Генерального штаба РККА А. Межениновым, преподавателем тактики академии

Львовым-Сыхиным, командующим авиационной армией В.В. Хрипным, которые якобы ещё до ареста дали в отношении его нужные следствию показания.

Уже после ареста следователи организуют нужные им свидетельские показания среди подчинённых краскома, которые утверждают, что во время службы в Уральском округе Кожевников занимался вредительской деятельностью. Вот один из отзывов на запрос НКВД о нём, представленный в апреле 1938 года: «Моё мнение о Кожевникове: опытный авиационный работник, кажется офицер царской армии, специалист по тактике ВВС, беспартийный, крайне неопределённой политической физиономии, осторожный, замкнутый. Особого политического доверия не внушает, о чём мне лично говорил бывший начальник ВВС РККА, член ЦК ВКП(б) т. Баранов, ценил его как специалиста, по характеризовал его буквально «хитрый мужичонка, не то вашим, не то нашим, впрочем, при хорошем комиссаре работать может». Этот отзыв можно назвать ещё самым лояльным среди представленных в деле.

13 мая следствие по делу командива было закончено, а в июле вынесено обвинение в том, что А.Т. Кожевников:

1) являлся активным участником контрреволюционного заговора в РККА;

2) привлёк к участию в заговоре Львова-Сыхина, бывшего преподавателя академии ВВС РККА;

3) проводил подрывную работу в ВВС Уральского военного округа.

6 августа 1938 года А.Т. Ко-

жевникову было предъявлено обвинение, а 8 августа состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР. На суде свидетели отсутствовали. В 15.00 часов приговор огласили:

«...Признав Кожевникова виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 586, 58 п.7,8 и 11 УК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда СССР, руководствуясь статьями 319, 320 УПК РСФСР, ПРИГОВОРИЛА: Кожевникова А.Т. лишить военного звания командива и подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества».

Приговор приведён в исполнение в тот же день, 8 августа 1938 года.

Следователи, сфабриковавшие дело Кожевникова, как и начальник Управления НКВД по Свердловской области, уже через год за преступные фальсификации были расстреляны сами.

В 1956 году Главная Военная Прокуратура СССР пересмотрела дело А.Т. Кожевникова. На запросы прокуратуры пришли хорошие отзывы о нём. Полковник запаса, член КПСС с 1918 года, в своё время работавший заместителем начальника Политуправления Уральского военного округа К.М. Каменев написал: «Тов. Кожевникова я знаю по своей службе в штабе Уральского военного округа в конце 1936 – 1937 гг. Кожевникова за этот период я знаю только с положительной стороны, как хорошо знающего своё дело командира РККА. Кожевников А.Т. пользовался авторитетом как у ру-

ководства округа, так и среди своих подчинённых. У меня осталось мнение о Кожевникове как, несомненно, порядочном человеке».

Более подробный отзыв написал политработник, член КПСС с 1920 года Н.П. Тройников: «Знаю т. Кожевникова А.Т. с 1935 по 1938 год по совместной работе в штабе Уральского военного округа, где я работал начальником отдела руководящих политработников Уральского военного округа. На всём протяжении совместной работы... зарекомендовал себя хорошо... Исключительно дисциплинирован, бережно относился к укреплению боеспособности ВВС округа, богатый опыт пилота (мне приходилось несколько раз бывать с ним в воздухе во время учений), все это создавало заслуженный авторитет и уважение со стороны подчинённых ему командиров.

Тов. Кожевников был требовательным к себе и товарищам по работе, личным примером, требовательно и настойчиво он обеспечивал проведение всех мероприятий по повышению боеготовности военно-воздушных сил округа. За весь период совместной работы я знал тов. Кожевникова как честного, правдивого и идеологически выдержанного работника, который интересы службы ставил выше всего и пользовался

доверием со стороны партийных органов. Мне ничего не было известно о каких-либо антисоветских его выступлениях».

25 октября 1956 года Управление Главной Военной Прокуратуры СССР вынесло определение: отменить приговор от 8 августа 1938 года в отношении Кожевникова А.Т. и прекратить его дело за отсутствием состава преступления. 26 марта 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР утвердила предложение Главной Военной Прокуратуры, и командив А.Т. Кожевников был реабилитирован.

Автор выражает признательность работнику областной прокуратуры, младшему советнику юстиции Ф.А. Ишбулатову за предоставленные документы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Кроме А. Кожевникова и подьесаула Н. Межеленичева в августе 1916 года лётчиком-наблюдателем стал подьесаул 6-го Оренбургского казачьего полка К. Качурин, направленный в 4-й отряд истребителей

² Ганин А.В., Семёнов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891-1945. М. 2007. С. 276-277.

Людмила
КОВАЛЁВА

ЯБЛОКО

Ты — яблоко в райском саду:
хочу подойти, а боязно,
а вдруг я тебя сорву
и станет на сердце горестно,
что я потеряла рай...

Мне кажется, вы знаете о чём я.
Бродя по тёмным улицам со мной,
Вы видели, как город наш
спросонья
Устало расставался с тишиной.
Вы видели кошачьи ссоры, драки,
И как растаял утренний туман,
И как голодные бездомные собаки
Одним лишь видом жаловались нам.

Мы добрались до самого вокзала,
Рубило время стрелкой, как мечом.
Я вам тогда во взгляде всё сказала,
Мне кажется, вы знаете о чём.

4 АПРЕЛЯ. СНЕГОПАД

Я в этот день на жизнь серьёзней
стала.

Упало сердце, а за ним слеза.
Весна метелью тело отхлестала
И душу в чёрный мрак уволокла.
Мне было больно, и я это

не скрывала:

Рыдала в голос. Обнимали, говоря:
«Мы все там будем». Да, я это

знала.

Но что там будет? Это скрыли
от меня.

В родных объятьях утешение
искала,

Пытаясь удержать сознания нить.
Я в этот день на жизнь серьёзней

стала,

Когда пришла я деда хоронить.

Фаниль ИШБУЛАТОВ

«ДЕЛО» ШАПИРО

*Фаниль Инварович
Ишбулатов родился в 1953 г.
в селе Култуши
Новосергиевского района
Оренбургской области.
Окончил оренбургский
факультет Всесоюзного
юридического заочного
института. Служил
в Советской армии. Работал
мастером производственного
обучения в ТУ-10 (геологов),
консультантом Комитета
администрации области
по межнациональным
отношениям.
С 1994 г. работает в органах
прокуратуры Оренбургской
области. Младший советник
юстиции.*

23 февраля 1938 года органами НКВД Оренбургской области был арестован заведующий Оренбургской городской хирургической больницы Шапиро Рафаил Маркович, 1887 года рождения, уроженец города Риги, на момент ареста проживавший в Оренбурге по улице Постникова, 16. Обвинение ему предъявили сразу по четырём статьям: 58-1а, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Если расшифровать статьи, то он одновременно являлся и шпионом, и изменником Родины, и вредителем, и саботажником, и членом контрреволюционной организации. За такие «деяния» его ожидало в лучшем случае 10 лет лишения свободы, в худшем — расстрел.

В материалах архивного дела есть документы, изучая которые, мы узнали, что расследование дела Шапиро было поручено начальнику 5-го отделения 4-го отдела управления госбезопасности НКВД младшему лейтенанту госбезопасности Никулину.

Согласно анкете на момент ареста Р.М. Шапиро имел семью: жену, Зою Николаевну, 45-и лет, дочь

УТВЕРЖДАЮ
 12 февраля 1938 г.
 Г. о. Нач. УНКВД по Оренбургской обл.
 лейтенант государствен. безопасности
 Защита

Средь Шапиро, Р. М.
Самодулов
Ковш. П. П. Шубов
Стандарт
2/12-85

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
 об избрании мер пресечения и предъявления обвинения

Город Оренбург 1938 г. февраля 22 дня
 Нач. 3 отделен. 1У отдела УГБ У. Н. К. В. Д. по Оренбургской обл.

1. лейтенант государствен. безопасности
 ЯВОВ рассмотрен следственный материал по делу № 6072
 принял во внимание что гр. ШАПИРО Рафаил Маркович, 1885 года рождения
 главный врач хирургической больницы гор. Оренбурга

точно изобличается в том, что он является членом антисоветской есе-
 кой организации в гор. Оренбурге и ведет активную
 в, шпионскую и террористическую

Руководствуясь ст. 128 и 129 УК РСФСР

ПОСТАНОВИЛИ:
 ШАПИРО Рафаила Марковича
 заключенного по ст. ст. 58-1а, 58-8, 9 и 11 УК РСФСР
 следствия и суда избрать содержание под стражей

Мл. лейтенант гос. безопасности
 Нач. 1У отдела УГБ
 Ст. лейтенант гос. безопасности

С. С. С. Р.
 Н. К. В. Д.
 УПРАВЛЕНИЕ ПО ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

ДЕЛО № 6072

По обвинению Шапиро Рафаила Марковича по ст. ст. 58-1а, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР

Регистр. № 2271
 Том № 1

Подпись: *В. А. ...*

АНКЕТА

1. Фамилия Шапиро
2. Имя и отчество Рафаил Маркович
3. Дата рождения: число 16 месяц Апрель год 1887
4. Место рождения г. Рига
5. Местожительство (адрес) г. Оренбург ул. Пестеля
д. 9. кв. 16
6. Профессия и специальность Врач-хирург
7. Место службы и должность или род занятий Оренбургский гор.
гос. госпиталь хирургической больницы
указав без сокращений, название предприятия или учреждения и характер производства
Заб. служба
8. Паспорт С. С. С. Р. № 710414
куда и какому органом выдан, номер и категория, где проживает
9. Социальное происхождение сын служащего
род занятий родителей и их общественное положение
10. Социальное положение сын служащего - врач
род занятий и общественное положение родителей
- а) до революции сын служащего - врач
- б) после революции сын служащего - врач
11. Образование (общее и специальное) Врач-хирургический
12. Партийность (в прошлом и настоящем) Зар. с 1914 года

Ирину — 26-и лет, дочь Людмилу — 22-х лет, дочь Наталью — 21-го года.

Мы бы не стали выделять эту семью из миллионов семей, репрессированных в годы сталинизма, если бы не одно обстоятельство — женой Рафаила Марковича Шапиро являлась родная сестра известной советской писательницы Лидии Николаевны Сейфуллиной — Зоя. Так вот, за доброе имя родной сестры и жизнь зятя Сейфуллина осмелилась бороться с системой, боролась до конца, пока не добилась освобождения.

Письма Лидии Николаевны подшиты в дело. До сих пор они нигде не были опубликованы. И ещё... Обратите внимание: она не написала ни одного обращения Сталину, все письма адресованы либо депутатам, либо надзирающим органам. В обращениях нет ни заносчивания, ни унижения.*

**ПРОКУРОРУ
ПРИВОЛЖСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
тов. ДЕНИСЕНКО!**

Прошу извинить меня за беспокойство, но я имею сведения, что под вашим наблюдением находится дело по обвинению моего родственника — Шапиро Р.М. (бывш. главного врача Оренбургской Хирургической больницы).

Я очень прошу Вас сообщить мне сведения о положении дела и

известить меня, когда дело будет передано в судебную или иную инстанцию.

Я знаю Шапиро, Рафаила Марковича, с 1914 года, как честного человека и врача, преданного своему профессиональному долгу не за страх, а за совесть. Он муж моей сестры, но родственные отношения никогда не играли роли для меня в общественной или моральной оценке человека.

Как советский писатель, удостоенный высоким доверием Советской нашей страны, нашего Правительства, награждённый Орденом Красного Трудового знамени, я должна быть бдительна и ответственна в оценке людей. Только глубокая моя убежденность в невиновности доктора Шапиро Р.М. заставляет меня просить Вас принять во внимание мои сведения об этом человеке.

Я знаю Рафаила Марковича двадцать пятый год. Видела его и в быту, и на работе, и в общественных выступлениях.

Я не могу допустить мысли, чтобы он вёл себя не только преступно, но хотя бы не лояльно в отношении Советской Власти.

В 1914 году он был врачом на одном из участков постройки Орской жел. дороги. Больница находилась в Башкирской деревне Идельбаево. Я видела его самоотверженную работу и исключительно внимательное отношение к больным рабочим и башкирам из окрестных деревень.

В 1917-18 годах я видела, как ненавидел он эсеров и эсерствующих. Он один из орских врачей вышел на фронт с Красной Гвардией против

Дутовских войск. В это время меня уже не было в городе Орске. Я не видела Р.М. Шапиро до 1923-24 года, но всё время имела о нём самые точные сведения как о честном человеке формирующемся Советского Государства. С 1924 года наши встречи с ним были регулярными... Когда я была на первом Съезде Колхозников ударников полей Оренбургской области, я слышала о нём прекрасные отзывы от делегатов съезда...

Зная близко Шапиро, хорошо зная его прямоту, временами слишком резкую, вспыльчивую, я не могу поверить, чтобы он мог обмануть и семью, и свой коллектив, и доверие Советского общества, поэтому я сочла нужным написать Вам свою просьбу.

Я не сомневаюсь, что Вы в качестве лица непосредственно наблюдающего за делом обеспечите быстрейшее и объективное рассмотрение дела, а также и участие защиты в процессе Шапиро.

Л. Сейфуллина

Мой адрес: Москва

Проезд Художеств. театра 2, кв. 31

**МОСКВА
КРЕМЛЬ**

ГОРКИНУ А.Ф.

*от советской писательницы
Л.Н. Сейфуллиной*

26-го февраля 1938 г.

*Глубокоуважаемый товарищ
Александр Фёдорович?*

Беру на себя смелость обратиться к Вам с личной просьбой

только потому, что считаю это своей общественной обязанностью. Я — советская писательница. Мой долг открыто высказывать своё сомнение, когда, по всей совести, я подозреваю несправедливость или ошибку. Я имею право просить товарища Депутата Верховного Совета помочь мне выяснить, как устранить эту ошибку. Поэтому извините меня, что беспокою Вас. Обращаюсь именно к Вам потому, что Вам известна нездоровая обстановка, которую сейчас оздоравлиют и ликвидируют в Оренбургской области. 23-го февраля текущего года в Оренбурге арестован хирург, доктор Рафаил Маркович Шапиро. Это мой родственник. Муж моей сестры. Даже и более близкое родство не заставило бы меня просить за человека в подобном случае. Будучи Советской гражданкой, да ещё писательницей, я не могу сомневаться, что органы нашей охраны отличат виновного от невиновного. А проверке их может быть подвергнут любой гражданин. Моя просьба к Вам лишь о содействии к ускорению справедливого расследования. По состоянию здоровья доктор Шапиро, Рафаил Маркович, может не выдержать длительного пребывания в изоляции. Ему больше 50-ти лет, у него чрезвычайно плохое сердце. В последний раз, когда он возвращался на самолёте, оказав хирургическую помощь в отдалённом участке области, его самого вынесли из машины. Я знаю Рафаила Марковича Шапиро с 1914-го года и не могу отказать от уверенности

* Письма даются с небольшими сокращениями. Сохранены стиль, орфография и пунктуация автора

Ксерокопированный
начальник подразделения
Департамент
Основание: *Суд. акт дело*
№ 227/10, от 12.9

Москва, 1946
26 февраля 1938 г.

Глубокоуважаемый Товарищ,
Александр Федорович.

Боря на себя смелость обратиться к
вам с личной просьбой только потому
что считаю это своей общественной
обязанностью. Я - советский писательский
молодой открыто высказываю свое
мнение, когда, по всей совести, я подхожу
к несправедливости или ошибке. Я
имею право просить товарища Депутата
Верховного Совета помочь мне выдвинуть
как действенный эту ошибку. Поэтому
извините меня, что беззастенчиво вас обра-
щаюсь именно к Вам потому, что Вам
известна нездоровая обстановка, которую
создаёт одороживают и ликвидировать
в Оренбургской области. 23-го февраля 1938
года в Оренбурге арестован ки-
нодоктор Рафаил Маркович Шапиро
мой родственник. Мне моей сест-
ре и более близкое родство не за-

в полной его порядочности. Он -
красный партизан, имеет красно-
гвардейскую книжку. Два года был
членом Горсовета. Председатель
Оренбургской секции Хирургиче-
ского Общества. Первый в крае
начал оказывать медицинскую
помощь в отдалённых районах,
пользуясь самолётом. Стаж его
медицинской работы - 26 лет.
Он произвёл неотложную опера-
цию извлечения пули из сердца.
Эта, произведённая им, операция
была всего лишь сотой по счёту
из сделанной во всём мире сотни
таких операций. О ней была вы-
пущена отдельная брошюра. Мне
кажется жизнь такого человека
надо предохранять от несвоевре-
менного конца. Я боюсь, что ещё
не совсем изжитые дурные мест-
ные влияния тормозят следствие.
Я и прошу Вас посодействовать
ускорению следствия и предохра-
нению его от мелких обыватель-
ских интриг. Очень прошу Вас
ответить мне письменно или по
телефону, - хотя бы поручив
этот ответ Вашему секретаря-
ту, - считаете ли вы возможным
такое содействие. Одновременно,
с такой же просьбой, обращаюсь
непосредственно в НКВД. Дело
доктора Р.М. Шапиро в Оренбур-
ге поручено следователю НКВД,
тов. Госухину.

С полным уважением к Вам
Л. Сейфуллина, член Президиума Со-
юза Советских Писателей СССР.

Мой телефон: К-3-62-27.

Адрес: Москва. 9. Проезд Худо-
жественного театра, д. 2, кв. 31
Лидии Николаевне Сейфул-
линой

26 февраля 1938 года
МОСКВА

Глубокоуважаемый
Николай Иванович!

Как советская гражданка, к
тому же ещё советская писатель-
ница, знаю, что органы охраны на-
шей общественной безопасности
не нуждаются в просьбах о спра-
ведливости. Это не заискивание,
это моё твёрдое убеждение. Мне
50 лет. В эти годы особенно стыд-
но лгать и подхалимствовать. Тем
более, что я честно считаю себя
прямым человеком. И если, всё же,
я обращаюсь к Вам с просьбой, это
- следствие глубокого сознания,
что я должна это делать. В Орен-
бурге, 23-го февраля с.г. взят в
НКВД старший доктор областной
хирургической больницы Шапиро,
Рафаил Маркович. У него двадца-
тишестилетний стаж. В праздни-
ки его двадцатипятилетия он
премирован персональной легковой
машиной...

Я знаю этого человека 20 лет
очень близко и не очень близко с
1914-го года. По всей совести, ни-
как не могу считать его способ-
ным на бесчестное отношение к
Советской Власти. Он мой род-
ственник, муж моей родной се-
стры. Но и более близкое родство
не заставило бы меня обращаться
к Вам с просьбой, если я не была
убеждена, что это нужно делать.
Ясно, что я не прошу ни освобож-
дения, ни смягчения расследова-
ния. Я прошу только ускорения и
устранения в нём местных влия-
ний. В Оренбурге последние годы

была очень нездоровая обстановка. Травля доктора, Рафаила Марковича Шапиро, тянется чуть ли не второй год. Возглавил её один из его конкурентов по больнице, доктор Удовин. О нём самом ходили плохие тёмные слухи, но я лично совершенно не знаю ни Удовина, ни его биографии. Вся беда в том, что нездоровые отношения в Оренбурге ещё не ликвидированы. Следствие может затянуться, я вполне основательно боюсь, что Доктор Шапиро длительного заключения не выдержит. Ему больше 50-ти лет. У него плохое сердце... В детстве он переиёс еврейский погром и остался заикой на всю жизнь. Я не знаю, возможно ли изменить меру пресечения до конца следствия, т.е. отпустить его на поруки, но думаю, что смею просить из центра проследить устранения местного пристрастного влияния и ускорения хода следствия.

Прошу Вас простите, что беспокою Вас письмом. Не написать его я не могла. Если возможно, известите меня через Ваш секретариат письменно или по телефону только о том, что письмо это Вами лично прочитано. Иного от-

вета я не имею права ждать и не прошу.

С искренним уважением Л. Сейфуллина

Москва, 9, проезд МХАТ, д. 2, кв. 31. Телефон: К-3-62-27

В результате долгой борьбы Лидия Николаевна добилась освобождения Рафаила Марковича. Постановлением начальника управления НКВД по Оренбургской области от 8 марта 1939 года на основании п. «б» ст. 204 и ст. 161 УПК РСФСР дело в отношении Шапиро прекращено, а его освободили из-под стражи. Дальнейшая судьба доктора нам неизвестна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы уголовного дела № 2271-п по обвинению Рафаила Марковича Шапиро, архив УФСБ РФ по Оренбургской области. Листы 125 – 126

² Там же. Горкин Александр Фёдорович, первый секретарь Оренбургского обкома ВКП(б) (1934 – 1937), секретарь Президиума Верховного Совета СССР (1938 – 1957), юрист. Листы 129 – 130, оборот

³ Письмо адресовано, по-видимому, Н.И. Ежову, народному комиссару внутренних дел СССР (1936 – 1938), генеральному комиссару госбезопасности. Там же. Листы 132 – 133

Валерий Николаевич Кузнецов родился в 1941 году в Оренбурге. Окончил Киевский топографический техникум, Литинститут им. А.М. Горького. Работал в полевых партиях, журналистом в областной газете «Южный Урал». Поэт, автор и составитель нескольких поэтических сборников, очерков литературного краеведения, книги «Я посетил места». Член Союза писателей России. Награждён серебряным крестом «За возрождение оренбургского казачества».

Валерий КУЗНЕЦОВ

ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ ПРОШЛА...

Моим близким по духу и душе

А.Л. Бржеской

*Не жизни жаль с томительным
дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль
того огня,
Что просиял над целым
мирозданьем,
И в ночь идёт, и плачет,
уходя.*

Афанасий Фет

Детство вдруг оборвалось для меня невиданными событиями, когда из череды лет возник 1953 год. До этого в детской неприязнкости к времени чередовались или сталкивались впечатления от двух разных бытов, между которыми я неприкаянно мотался, не нужный, кажется, ни в одном.

Один тяготел к мещанскому, «который выбивался в люди» — к нему относилась жизнь в городском предместье — бывшем казачьем Форштадте. Там, в полуподвале полуторазтажного дома на Красноармейской, 29, с предвоенных лет ютились дед и до конца войны — сёстры

матери, мои тётки Ольга и Нина; а с конца войны, после развода родителей — и мать со мной. Позже была наша отдельная жизнь с матерью в большом четырёхэтажном доме «не для всех» на углу улиц Советской и Максима Горького (видимо, это было связано с пиком её служебного положения: начальник отдела кадров Чкаловского почтамта), потом — по нисходящей в связи с болезнью — в доме почтовых работников на Соляном переулке позади почтамта и — в последнем для матери жилье в мещанском полутораэтажном доме на углу Коммунального переулка и улицы Краснознаменной.

Другой быт — революционно «недобитых», обнищавших остатков купечества и дворянства, затаившихся в ужасе ожидания повторных репрессий, витал в одной из квартир одноэтажного мещанского дома на набережной, 1, куда революция выкинула последних из рода оренбургских купцов Мошковых, известных заводчиков, не чуждых меценатству. Единственно ценный «красными» деревянными воротами с резными украшениями и накладными солцями на каждом полотне дом, в котором пришлось доживать никому не уехавшей купеческой дочери и её сыну — моему отцу, стоял нависокот от городской пересыльной тюрьмы, бок о бок с сапоговаляльной фабрикой. Белые, удушливо-сладкие клубы фабричного пара вентилятор гнал в наш двор...

В нашу квартиру

Солдатский сапог. Чугун.
Каслинское литьё

— самую дальнюю в глубине двора, осенённую клёнами, посаженными отцом с мачехой в первый год их совместной жизни, — надо было спускаться на несколько ступенек и проходить два шага сеней с земляным полом. Первая из двух комнат служила кухней с печью, большим квадратным столом и бабушкиной кроватью у единственного окна во двор, старинным латунным умывальником с мойкой и помойным ведром под ней; кухонное окно выходило в небольшой курятник с насестами на несколько кур — с их петухом у нас сразу не заладилось: стоило мне зазеваться, он подбегал сзади, намереваясь клюнуть; я оглядывался, и он замирал в напряжённой позе. Битьё не помогало — он был бесстрашен...

Фанерная перегородка, оклеенная обоями, делила вторую комнату на «взрослую» тесную спальню с большой металлической кроватью и комодом и зал с письменным столом и кроватью старшей, а позже младшей сестры.

О прежней жизни говорили когда-то серебряные ложки и вилки некоей иностранной фирмы с изящно-тяжеловатой монограммой «ЕМ» (Екатерина Мошкова — моя

бабка), «съеденные» до жёлтого металла основы — скорее всего, её приданое в другой жизни; безделушки каслинского литья на комод: муха со съёмными крыльями — в пологий желобок под ними можно

Моя мать А.И. Трунякова (Бессонова).
1951 год

Отец до 1943 года

было класть иголки, две отколотые чугунные ножки мухи отец искусно заменил выгнутыми из медной проволоки; тончайшей работы чугунная шкатулка на отогнутых ножках со сквозным узором крышки; старый солдатский сапог с заплатой на внешней стороне носка — в натурально сморщенном голенище помещались ручки и карандаши; помню синее хрустальное с белыми разводами пасхальное яйцо, ещё один сундучок, отделанный зелёной малахитовой пластинкой, надколотой на крышке. С отцовским наследством — латунной настольной лампой я не расставался ни в одном из многочисленных квартирных переездов...

В небольшие окна спальни и зала летом лился зелёный свет фабричного сада — так всё зарастало листвой; весной ломились — и ломались прохожими! — гроздьи сирени. С тридцатых годов жили там «в тесноте и обиде» мой отец Николай Дмитриевич Кузнецов (1908 — 1974) — сын Дмитрия Ивановича Кузнецова (1880 — ?), в 1917 году земского начальника 10-го участка с адресом почтовой и телеграфной конторы Куртамыш (нынешняя Курганская область. — В.К.), надворного советника; мать отца, моя бабушка, «баба Катя», Екатерина Варфоломеевна Кузнецова (1880 — 1959, дочь купца 2-й гильдии, гласного городской Думы Варфоломея Сергеевича Мошкова); с 1934 года и до конца войны — моя мать и первые три-четыре года жизни — я (г.р. 1941); после развода родителей место матери заняла мачеха Елизавета Валерьяновна Равич (1918 — 1971), полька по отцу, медсестра в военном госпитале, в

школе № 24, потом в детском саду; с ними осталась моя родная сестра Галя (1935) и в 48-м от второго брака отца родилась двойня: Нина и Коля. У Коли оказался врождённый порок сердца, он не вставал и умер на руках у сестры Гали в 1 год два месяца... В конце 50-го отца осудили на три года по экономической статье (работал он тогда начальником снабжения Чкаловской протезной мастерской).

О дореволюционном прошлом бабушки и отца ни от неё самой, ни от него я не слышал ни звука — берегли правоверного октябрёнка, пионера и комсомольца от ненужной и опасной родословной, против которой, узнай её, я, скорее всего, восстал бы! Даже в немногих семейных фотографиях, оставшихся после бабушки, были вырезаны «опасные» родственники, не принявшие новой власти. Только после глухих рассказов тёток лишь с конца семидесятых — в восьмидесятые я начал «копать» в областном архиве отголоски неведомой жизни. От тёток же я услышал, что в двадцатые годы отец печатно-публично «отказался от классово-чуждой» матери, спаса-

ясь от тюрьмы. Правда, саму бабушку тюрьма не миновала, хотя продержали её там недолго... Из тех же источников застряли в памяти рассказы о том, что в те же двадцатые бабушка просила милостыню. Может быть, ведь в 17-м году, в начале российского апокалипсиса, моему отцу исполнилось всего 9 лет. Только по жизненным аналогиям можно попытаться восстановить, что им пришлось пережить... По указу от 18 августа 1921 года в Оренбурге проводилось изъятие крупных особняков, превышающих стоимость 10 000 руб. по оценке 1916 года, сюда входили и мошковские дома. А Положение о квартирном учёте в муниципальных и частных домах по Оренбургу от июля 1923 года призывало «не оставлять места для жизни лиц с нетрудовыми доходами».

Забегая вперёд: из семейных документов-откровений в начале 90-х прошлого века я впервые увидел переданную мне сестрой Ниной подлинную ветхую, разлезшуюся на сгибах «Выпись из метрической книги о родившихся за 1908 год» Градо-Оренбургской Введенской церкви. Родителями отца там названы «титularный советник Димитрий Иванов Кузнецов и законная жена его Екатерина Варфоломеева, оба православные». Крёстными родителями отца были «купе-

Остатки фасада дома по ул. Набережной, 1 (без старинных ворот). 2010 г.

Деревянный «кошный мост». До середины прошлого века ни технология строительства моста, ни этот вид на Оренбург со старинной фотографии (за исключением церковных куполов) не менялись.

Купания в летние дни заканчивались закатами солища за фермами железнодорожного моста через Урал. Этот мост с гремющими поездами в нашем детстве был главной приметой «большого мира».

ческий сын Александр Варфоломеев Мошков (его дядя по материнской линии. — В.К.), статский советник Стефан Киров Кузнецов (получается: прадед отца по материнской линии? — В.К.) и купеческая жена Любовь Стефановна Мошкова» (бабка отца по той же материнской линии. — В.К.) Поразило и то, что предки отца по обеим линиям были однофамильцами, и явно болгарское происхождение прадеда отца по материнской линии, и его гражданский чин V класса, соответствовавший должностям вице-директора департамента и вице-губернатора. В Петровском табеле о рангах в 14 рангов или классов высшим был 1-й класс. Но об этом в своё время...

В доме на Набережной было интереснее, там чувствовалась загадочная прерванная жизнь, там, в высоком, просторном сарае с погребом и

подвесным блоком ручной работы для копчения мяса стоял старинный плетённый из лозы сундук с домашним хламом — в нём таилась доморощенный музей этой прерванной жизни: сияющий никелем и ржавчиной почти целый фотоаппарат с объективом в конце раздвижных мехов и изящным курсивом иностранных слов, коробки чёрно-белых стеклянных негативов, подпорченных временем; письма... Оплакиваю эти письма, навсегда утраченные из-за переезда в конце 60-х — как много они могли бы сообщить об исчезнувшей жизни! Пушкинскую фразу о том, что «мы ленивы и нелюбопытны», отношу прямо к себе.

Все мои детские впечатления распределялись между этими двумя бытами: полусонные, одуревшие от жары пыльные улицы Форштадта с еженедельными проездами телег

старьевщиков с резкими зазывными звуками свистков-игрушек: «Уйди-уйди!»; по-восточному гортанные выкрики других продавцов: «Белая глин! Белая глин!..» объявляли о другом товаре: на телегах в раскрытых мешках серели катышки белой глины — незаменимого материала для хозяйственных побелок. Караваны верблюдов привозили эту глину во вьюках из-за Урала и останавливались на площади недалеко от деревянного «конного» моста. Лежащие верблюды возносили головы-глаза на ископаемых шеях динозавров, величественно оглядывали окрестности: крутой подъём выложенной булыжником улицы Горького, начало улицы Набережной с «отцовским» домом сквозь редкие клёны сквера, сапоговаляльную фабрику — бывший пивоваренный завод Мошковой, последний перед мостом бывший купеческий особняк с фигурным балконом на углу второго этажа (один из домов Мошковых), булыжную улицу Чичерина с бесконечной вереницей телег, длинный, приземистый, потемневший от времени и закрытый, может, с Гражданской войны пустой амбар, в котором, казалось, жило гулкое прошлое...

В метельные и морозные зимы детства сугробы доходили до крыш. Мы прыгали с крыш в эти сугробы, прорывали в них ходы и пещеры, сидели в них, испытывая древнее чувство надёжности логова... По зимам к каждому дому вели прочищенные в снегу дорожки — в их ширине, отделанности снежных стенок виден был почерк, стиль хозяина.

Январь 1945-го

*Казачье предместье. Рассвет
Сочится в закрытые ставни...
Ты мальчик,
ты юный, недавний,
Тебе ещё возраста нет.
Но есть за ночь выпавший снег,
Есть клён посреди палисада,
Есть мама.*

*Другого не надо,
Не знает мальчишеский век!..
Белей госпитальных биштов
Сугробы январского снега,
Как будто он вовсе не с неба —
Из детских и розовых снов.
Ты мальчик, и нос не дорос
До поздних военных метафор,
И всё же,*

*мой будущий автор,
Ты жил в эту зиму всерьёз.
Выходит, смогли осветить
Январь голубые сугробы —
Теперь, через годы, попробуй
Нечаянно это забыть!..
Они растворились в крови:
И солнце,
и скудные чащи,
И сводки «Последнего часа»
Как голос Отчизны:
— Живи!*

Восторженные людские толпы на главной улице города — Советской с перекрытыми автомашинами боковыми улицами: это празднование Победы весной 45-го (сестра вспоминает о дожде в этот день)... Первые послевоенные годы: по утрам бесконечная череда бидонов всех форм и размеров, на каждом меловой номер — это очередь за керосином на улице Бурзянцева перед «двадцатым» магазином. Керосина нужно много — приготовить и подогреть обед, вски-

пятить чай, нагреть воду для стирки. В сенях с неистребимым запахом керосиновой гари на столике — керогаз и примус, но готовим чаще на керогазе — он безопаснее, хотя бывает, занимается пламенем и он.

Очереди и за хлебом... Баба Катя занимает очередь поздно вечером и стоит всю ночь, утром к открытию магазина прибегаю я, и мы берём «на двоих» ещё тёплый, несравнимо ни с чем пахнущий хлеб. Довесок с детским звериным восторгом съедаю тут же.

Позже — золотая осень на Оке в Касимове — древнем русско-татарском городке, где я пошёл во второй класс (не помню ни класса, ни школы, потому что не проходил и месяца) — это 49-й...

Снова Чкалов. «Лесная» школа в Фортштадте рядом с 34-й школой, в торце которой вход в 14-ю школу, где я буду учиться с перерывами до 6-го класса. «Лесная» школа — это интернат для детей с ослабленным здоровьем. На каком-то празднике в этой школе, видимо, первое в жизни публичное выступление: пою песню тех лет: «Погиб наш юный барабанщик, но память о нём не умрёт», не зная, что песня эта перечёркивает мое социальное происхождение... Одноклассница Нонна Суровцева и неведомое чувство к ней, которое заставило запомнить на всю жизнь не только её, но и её брата, с ним я долго потом здоровался при случайных встречах на улицах города...

Начало 50-х... Новая для нас с матерью квартира на втором этаже двухэтажного углового дома на переулке Коммунальном, 11. Матери рядом с собой почти не помню, у

меня на руках маленький брат Юра — крупный и тихий мальчик, как будто понявший, что плачем ничего не изменишь. Какое-то время была у него и вторая нянька — молодая родственница матери, вызванная из бывшей казачьей станицы Переволоцкой. Первым потрясением 1953-го была смерть Сталина. Событие не умещалось в детском сознании, виделось глазами старших. Своего отца я вспоминал редко и смутно, но хорошо помню слёзы на глазах школьных учителей, ощущение общего горя, личной утраты отца для всех...

Второе событие — смерть матери в самый разгар жаркого лета. Не помню ни известия о её кончине, ни себя в тот день, но память вырвала из протяжённости беспомыслия её похороны, вернее, мгновения этих похорон, когда вдруг, не видя никого отдельно, я увидел маму в гробу, с белым чужим лицом, неподвижную, в светлом платье из простой, грубой материи, её крупные ноги в тапочках, чуть согнутые в коленях — гроб оказался мал... И рассыпанные по полу, душно, терпко пахнувшие соцветия богородской травы — чабёра. Много лет я не мог спокойно переносить запаха чабреца — так связался с ним этот день.

После похорон матери дед Иван Дмитриевич Бессонов — мой опекун — передал меня в семью отца. Помню вскоре появление отца в доме на Набережной, 1 (по Бериевской амнистии он досрочно вернулся из лагеря на станции Зима между Тайшетом и Иркутском. Через семь лет с направлением из Киевского топографического техникума, адресованным

в Якутское аэрогеодезическое предприятие, я буду добровольно проезжать эти места до Ленского речного порта Усть-Кут, чтобы теплоходом «Хабаровск» спуститься по Лене до Якутска). Отец высокий, худой, с морщинистым длинным лицом, заросшим жёсткой щетиной. Его смачный пропахший табаком поцелуй в губы неприятно удивил меня — родные тётки целовали только в щёку...

Из самого раннего детства единственное воспоминание об отце связано с Новым годом. Это была филигранно сработанная игрушечная усадьба, огороженная миниатюрным шпакетником, её ставили на пол рядом с уже наряженной ёлкой. Помнится домик с окошками, из которых внутренний свет лампочки от карманного фонарика падал на ватный с блеском снег в саду с крохотными «заснеженными» деревьями, колодецем, рядом с которым стояло ведро из фольги. В окна домика можно

было увидеть стол, стулья, кровать, тумбочку и — наряженную ёлочку. Скорей всего, отец сделал эту усадьбу для первенца — сестры Гали... Спустя много лет, я увидел, как в старых охотничьих билетах отца 20-х — 30-х годов менялись домашние адреса — «земля должна была гореть» под ногами представителей отвергнутых классов. Возможно, в этой сказочной усадьбе нашла выход его старая, дошедшая до пределов тоска по надёжному пристанищу, по уюту, которого лишился в девять лет... Но об отце — в своё время.

Видимо, в самом начале дней нас охраняет детское бесчувствие, вернее, так: события, с которыми не в силах справиться детский ум, мы чувствуем про запас, чтобы лишь потом, со временем, уже набравшись сил, безжалостно разбить детскую копилку — глиняную кошку воспоминаний.

Не помню во время прощания с матерью ни чувства потери, ни одиночества, ни жалости к вдруг остановленной жизни, казалось бы, самого близкого человека. Сейчас, спустя полвека, могу предположить, что родства душ у нас с матерью не было. За одиннадцать лет жизни с ней — или при ней — память сохранила только несколько эпизодов, неожиданных по своему наполнению.

Первый можно отнести к сорок девятому году, мне семь лет. Поздний весенний вечер... Мы с мамой перед открытым окном нашего очередного временного жилища в центре Оренбурга — квартиры на втором этаже

Отец, 60-е годы

Отчим П.А. Труняков

дома, в которую нужно подниматься по внешней лестнице. В доме, видимо, жили почтовые работники (мать работала на Чкаловском почтамте). В тонких стаканах с подстаканниками — чай с лимоном, для меня невиданным. Может быть, впервые в эти мгновения, в этот вечер, моя душа какими-то нервами соприкоснулась с материнской. Каким чудом это произошло, о чём мы говорили в тот вечер — не помню, не знаю, но подобного у нас с ней не было больше никогда.

Ещё одно близкое по времени воспоминание, связанное с этой квартирой. Утренний вид разобранной постели, и перед кроватью сверкающие никелем сочленений и лакированной кожей два ножных протеза с гнездами для культей — оба ниже колена... Мать живёт с отчимом Павлом Андреевичем Труняковым (1923 — 1984) — бывшим военным лётчиком. В воздушном бою ему прострелили обе ноги. Спасло то, что приземлился он с парашютом на своей территории. Ноги ему «отнимали» в одном из чкаловских военных госпиталей, и здесь, теперь уже не узнать — как, он познакомился с матерью. В том же госпитале в то же время — романное совпадение — работала медицинской сестрой моя мачеха. На закате жизни узнал, что отчим был двадцать третьего года рождения — из поколения, почти целиком оставшегося на войне, то есть младше моей матери на семь лет, — видимо, и это стало одной из причин их недолгой совместной жизни...

Следующие мгновения памяти уже из Касимова — родного города отчима, где мы оказались осенью 49-го. Крутой, замощённый булыжником взвоз от Оки и на самом вершине — величественные развалины старого храма. От речного порта стужённые запахи водяной свежести, гниющих водорослей и дерева, вода у бортов судов играет солнечными бликами, мальчишки ловят бычков с пристани, и надо всем этим солнце, шум, крики непрерывной жизни... От этих дней, от неодолимого течения большой реки — первые ощущения протяжённости времени, того, что потом определится как вечное.

А вот мы троём: отчим, мать и я — едем на его трёхколёсной инвалидной коляске в лес за грибами.

Отца как бы нет в моей жизни, и я тянусь к отчиму, мне нравится даже бензиновый запах его коляски. Первые в жизни лесные орехи — лещина, грибная прель, очарование осеннего среднерусского леса. Думаю, это с тех дней я полюбил грибную охоту...

От деда Андрея Матвеевича (ум. в 1952) остались в памяти крупная фигура и добродушие. За каждую пятерку, полученную в школе, он давал мне 20 копеек... Бабка Татьяна Петровна (ум. в 1966-67), лица которой тоже не помню, связана с происшествием, к счастью, не оставившим следа: то ли я опрокинул на себя только что вскипевший самовар, то ли вытащил кран из него и кипяток хлынул мне на колени. Бабка быстро патерла картошки и обложила сожжённые места...

С послевоенных лет мать болела туберкулёзом лёгких — в те времена, по сути, неизлечимым. Это запомнилось из разговоров с тётками: конечно, не по ней были еженедельные стирки белья на уже похолодавшей Оке и обратный пеший путь по взвозу с большими тазами выстиранного.

Осталось неведомым для детского сознания, какие истины выплывали в обитателях касимовского дома: противостояние снохи и свекрови, охлаждение отчима к матери, его роман с будущей мачехой брата Юрия Зинаидой Ивановной (1921 — 1990)... Кончилось это попыткой матери — на пятом месяце беременности — повеситься на чердаке дома и последующим вскоре нашим отъездом из Касимова — уже навсегда.

Рожать матери с её болезнью

было нельзя, но большой срок беременности не позволил изменить что-либо — и начался её крестный путь по больничным палатам и санаториям...

Как-то, незадолго до выезда в конце 60-х из дома по Набережной, 1, с азартом первооткрывателя копаясь в известном плетёном сундуке, я нашёл письмо матери, посланное моему отцу в лагерь на сибирскую станцию Зима. Датировано оно 19 октября 1952 года, почти через два месяца после её «освобождения от занимаемой должности по состоянию здоровья как инвалида II группы», так говорит запись в её чудом сохранившейся трудовой книжке. Привожу письмо полностью, исправляя только орфографию и пунктуацию — в нём важные на фоне семейной биографической скудости детали, в нём плохо скрытые следы противостояния матери с моей мачехой, с дочерью, оставшейся с отцом при его разводе с матерью (здесь мать привлекает на свою сторону якобы моё мнение), в этом письме необъяснимый возврат её чувств к моему отцу на седьмом году развода с ним, после уходов к другим. К слову, у тётки Нины сохранилась фотография сентября 47-го года: мать у плеча молодого благообразного мужчины с щегольскими усиками (по некоторым сведениям, директора школы в Татицево Лужина). Надпись на обороте: «На память моим дорогим и любимым от двух обиженных судьбой»... Сыну Юрию от последнего брака матери в это время два с половиной года, и фамилия её уже Трунякова:

«Здравствуй, Коля!!! Письмо твоё получила ещё 16 числа, а отве-

чаяю только сегодня, только потому, что лежала, не вставая с постели, с высокой температурой, операция прошла хорошо, но эффекта никакого нет, состояние моё всё по-прежнему остаётся тяжёлым. Не повезло нам с тобой, Коля! Меня постигла такая болезнь, а у тебя, видимо, получилась такая неприятность. Ну что же, у тебя есть надежда на то, что ты своим трудом оправдаешь свою допущенную оплошность, в основном береги здоровье, не обращай внимания на поседевшую голову, вернёшься домой, ты будешь по-прежнему родной. Валерий очень часто вспоминает о тебе, как ни странно, он растёт очень хорошим мальчиком, такой серьёзный, сообразительный, завёл себе фильмоскоп, сам сконструировал к нему какую-то банку, провёл электроиниур с лампочкой и показывает на стене картины, разорил меня только на одни диафильмы — один фильм стоит, если интересный, 7 руб., ну, что ж, балую, немного даю денег. Учится отлично, у меня случайно в сумке оказалась плохонькая его фотография, ко мне приезжала родственница из деревни, ну и утащила его на базар, там сфотографировались, а он её отрезал, оставил только себя, вот я её пока тебе высылаю, в жизни он лучше, полнее. Как приеду домой (если доберусь), то обязательно пошлю Валерку в фотоаппаратно и вышлю тебе фото. В Чкалове (переименован в 1938, с 1957 — снова Оренбург. — В.К.) в этом году была действительно невыносимая жара, в тени 40 — 42 градуса. Естественно, хороший урожай арбузов, дыней, помидоров. Хлеб неплохой, т.к. для хлебов вовремя

выпали дожди, картофель неважный. Когда я выезжала из Чкалова 14 сентября, была ещё жаркая погода. Чкалов растёт, пущены троллейбусы, как грибы растут дома, у меня теперь квартира совершенно отдельная на углу Краснознамённой улицы и Коммунального переулка, только бы жить спокойно, воспитывать ребят, но нет здоровья. Перед отъездом видела Лизу, она очень понравилась, выглядит прекрасно, жалуются на сердце. Никаких подробностей о Лизе писать не буду, т.к. сама лично я ничего не знаю, а что касается разговоров, то это не моё дело! Она взрослый человек и вполне отвечает за то, что делает (намёк на некоторые обстоятельства, которые пишущая знает, но «сплетничать» не хочет. — В.К.).

Единственно, что меня беспокоит, это то, что Галине давно уже не разрешается гулять с кавалерами и возвращаться домой в час, два ночи, это, по-моему, ещё рановато, попрошу тебя, напиши Галине лично об этом, ей пока нужно учиться. Валерий очень наблюдательный и очень был недоволен и возмущён, что к ним ходят кавалеры (всё наоборот: всю жизнь тянулся к старшим, знающим, а друзья у сестры были интересные, почти всех помню до сих пор. — В.К.). Валерик сейчас живёт с дедом, перед отъездом от Лизы его взяла, т.к. ходить далеко в школу, кроме того, 200 руб. платить невозможно, ведь я пока не работаю. Вполне понимаю тебя, как тебе трудно без семьи, как ты скучаешь о ребятах, но ничего, мы с Валеркой чаще будем писать, сходит к Галинке, возможно, за-

хватят с собой Нинушку, сфотографируются все вместе, денег на это я им, конечно, дам. А если мне суждено будет дожидаться тебя, то я тебя встречу как старого друга, товарища, забыв все невзгоды, все обиды, ты всё это испытишь. Время покажет, возможно, Лиза для тебя не окажется потерянной, ведь в жизни всякое бывает. Характер твой я знаю и уверена, что ты своим трудом добьёшься себе свободы раньше срока, основное, желаю тебе здоровья. Если будешь писать ответ, то пиши на санаторий (противотуберкулёзный кумысный санаторий «Красная Поляна» в Новосергиевском районе Чкаловской области. — В.К.), одно ещё успею получить здесь и буду ждать. С приветом, Шура».

А это, скорей всего, ранняя весна пятьдесят третьего, последнего её года. Мне одиннадцать... Мать послала меня в магазин за продуктами, я что-то купил, а часть сдачи, какую-то мелочь, спрятал на дне приемки перед окнами первого этажа последнего нашего общего с нею дома на Коммунальном переулке.

То ли мой бегающий взгляд оставил внимание матери, то ли она хорошо знала магазинные цены, но моё преступление она разоблачила легко и жестоко, с явным превышением наказания над провинностью выпоролла меня. В те минуты я в бешенстве обиды желал ей смерти — прости, Господи, не ведал, что творил! — а через годы в её инобытии благодарил её за тот варварский урок честности, который на моих путях и распустьях пригодился не однажды...

Мать в больнице, выйти из ко-

торой ей уже не суждено. Лечащий врач разрешил ей вино. Время от времени мы с сестрой Галей, — она старше меня на шесть лет, но кажется, что — на жизнь, — приносим ей портвейн пятнадцатого и шестнадцатого номеров — мать даёт деньги и просит именно такой. Через много лет я попробовал его — ординарное вино честной бедности. Но, впрочем, может быть, в те времена оно было получше...

Вот её последняя записка деду из больницы — с еле различимыми карандашными буквами на ветхой зеленоватой бумаге (не меняю ни знака):

«Папа милый!! Со вчерашнего вечера мне очень плохо. Не прекращается рвота, ни крошки не было во рту. Самое главное мне сейчас не волноваться может этот момент пройдёт. Папа дорогой не просись на свидание при виде тебя я разволнуюсь и расплачусь, если будет совсем плохо за тобой придут.

Сегодня со мной опять будет няня прошу передать мне 40 руб. передачу возьму может ночью будет лучше.

Прости меня дорогой мой любящая тебя дочь Шура

Я креплюсь не волнуюсь авось ещё выйду».

Умерла мать 1 июня 1953 года в противотуберкулёзной больнице на улице Кирова. О купеческом особняке Чистозвоновых, в котором размещалась больница, разговор в своё время особый.

На драму жизни смотрел, слава богу, ещё ничего не понимая, младенец, названный Юрием. Не помню

обстоятельств самого его рождения, но запомнились бесконечные дни, когда я просиживал с ним у окна дома, когда мои сверстники играли и звали на улицу. Вскоре после похорон матери приехал отчим и увёз Юрия в Касимов, разлучив нас, братьев, как выяснилось много позже, на 55 лет.

Из опустевшей квартиры на Коммунальном переулке меня забрали в дом на улице Набережной, 1. К тому времени сестра Галя заканчивала школу (мы спали с ней на одной кровати «валетом»), сестре Нине исполнилось пять лет.

Галя вспоминает: «Единственно, чему я искренне завидовала в детстве — это хорошая, полная, дружная семья. Это потому, что я, к сожалению, в детстве этого не имела. Детские годы у меня делятся на два этапа: до 11 лет, и после 11, когда в нашу жизнь вошла женщина, скрасившая моё существование, женщина, которой я благодарна за то доброе, светлое и радостное, чего я не имела все предшествующие годы. Женщина эта Елизавета Валериановна Равич. Добрая ей память и Царство небесное! Но всё по порядку. Родилась я в семье, состоявшей из 3-х человек: отца Николая Дмитриевича, матери Александры Ивановны и бабушки Екатери-

ны Варфоломеевны. Всё, что осталось в моей памяти от ранних лет моей жизни — это постоянные ссоры, драки моих родителей. То они разбегались, то вновь сходились и уж меньше всего их интересовало их чадо, то есть я. Грустно сознавать, что я совершенно не помню ласки и заботы матери, я её вообще не помню в раннем детстве, впечатление такое, что её рядом со мной вообще не было.

Через 6 лет родился брат Валерий. Отчётливо помню, как его принесли из родильного дома, развернули на родительской кровати и такой он был маленький и беспомощный! Но и появление второго ребёнка ничего не изменило в нашей семье,

Мой отец Николай Дмитриевич Кузнецов, сестра Галя, мачеха Елизавета Валериановна Равич в Зауральной роще. 1940-е годы

атмосфера по-прежнему оставалась более чем напряжённой. Началось деление детей при очередных разъездах. Первое расставание с маленьким братиком произошло в 1942-43 годах (в конце мая 43-го по трудовой книжке матери. — В.К.), когда мать оставила его, крошку, которому не исполнилось ещё двух лет, с отцом и бабушкой (а ей в это время шёл седьмой десяток) и уехала со мной в Челкар, станцию в Казахстане. Уехала к мужчине, имевшем в то время троих детей (говорили, он был шофёром. — В.К.). Плохо помню этих детей, совсем не помню избранника матери, в памяти остались какие-то обрывочные факты.

Население, в основном, казахи, не помню, были ли в моём окружении русские. В мои обязанности входило собирать кизяк (высохший навоз. — В.К.) для точки и ещё поливать какие-то грядки (что там росло — не помню). Всё это происходило в то самое лето, когда родители готовили детей к школе, поскольку мне шёл уже 8-й год (учиться начинали в то время с 8 лет). ...Наша новая жизнь длилась недолго, видимо, с весны до осени. Помню факт отъезда: ехали мы почему-то в тамбуре вагона, и из еды у нас был круглый кукурузный хлеб, который мы отламывали и ели (как этот исход напоминает будущую касимовскую развязку! — В.К.) Мне он казался необыкновенно вкусным, видимо, я не была особенно избалована кулинарными изысками.

По приезде в Чкалов мы обнаружили, что маленький Валерочка страшно заикается, так, что просто не может говорить. По рассказам бабушки, его напугал какой-то

идиот, заорав диким голосом, когда он сидел в окне на подоконнике... Чтобы сказать слово, он топал ножкой и это ему помогало. Видимо, ни о каком лечении в то время никто не думал (лечила меня у знакомого логопеда — и вылечила — мачеха уже в 50-е годы. — В.К.)

Вернулись мы в Оренбург осенью, думаю, примерно в октябре. Учебный год уже начался и то, что я не была определена в школу, никоим образом не волновало. Записывать в школу меня повела соседка Лидя Ярцева, живущая в нашем дворе и старшая меня на 6-7 лет, то есть ей было примерно 15 лет. Так я пошла в школу, ни о каких торжествах, белых фартуках, бантах, конечно, не было и речи...

По прошествии какого-то времени родители опять разбежались, теперь уже навсегда. Нас с Валерой опять поделили. Мне был задан вопрос: «С кем ты хочешь жить, с мамой или папой?» На что я ответила: «С мамой я уже жила, теперь поживу с папой (!)». Нас с Валерой разлучили на долгие годы, после этого мы никогда не жили вместе ни с ним, ни с матерью.

Жили они с Валерой у деда в Фориштадте... Когда у нас в доме было совсем голодно, я, как голодный волчонок, бежала к матери (почти на другой конец города), она меня как-то подкармливала и укладывала рядом с собой в кровать, будучи большой открытой формой туберкулёза (!) Не могу этого понять. Как могла мать так поступать с собственным ребёнком?..

Видимо, в это страшное время, когда мать была в больнице, я

прибегала к деду, чтобы искупать Валеру, происходило это действие прямо во дворе в жаркую летнюю погоду. Когда мне надо было уходить, он очень плакал, не хотел меня отпускать. А было нам в то время четвёртый и десятый годы. Пишу всё это и кажется мне, что рассказываю какой-то страшный, кошмарный сон...

Память о том купании на дворе детства томила меня сорок с лишним лет и, может быть, чтобы избавиться от неё, я написал — или просто записал отстоявшиеся стихи.

ИЗ ДАВНЕГО

Сестре Гале

Я с давних, очень давних пор
Несу в душе картину ту:
Забрызган солнцем старый двор
И зелень скрыла нищету —

Всё, что уже нельзя сломать,
Всё, от чего и проку нет...
Давно в больнице где-то мать,
Один живёт со мной дед.

Сегодня радостно с утра,
Сегодня утро в новостях:
В землянку к нам пришла сестра!
Сестра, сестра у нас в гостях!

Среди небесного огня
Я брызги мыльные ловлю.
Купает, мало, меня
Сестра.
Я так её люблю!

Пусть я робею оттого,
И слов не нахожу я пусть, —
Я наше чувствую родство,

Я, как зверёныш, к ней
тянусь!

Я — пятилетний оголец,
Но почему-то знаю я,
Что у сестры есть наш отец,
Своя судьба, своя семья.

Но я не знаю, как сказать,
Что не по-детски одинок,
Что мне нужны сестра и мать,
Чтоб я всегда их видеть мог!

Что в мире новом и большом
Меня страшат без них пути...
Что сердце ноет об одном:
— Не торопись!.. Не уходи!..
1989

Читаю жёсткие, выстраданные слова воспоминаний сестры, как будто держусь за высоковольтные провода судьбы. Но «с высоты» собственных нажитых грехов не подымается рука судить мать. Я, плоть от плоти её, ей не судья, — жалею её, глубоко несчастную женщину, рабу собственных чувств, — выгод, судя по всему, она не искала. Она вырывалась из родового окружения, но кому многое даётся, у того многое и отнимается...

На похороны своей старшей сестры приехала, кажется, только тётка Ольга с мужем, они жили в Актюбинске, тётка Нина была замужем за офицером, служившим во Владивостоке. Организовывал похороны, скорее всего, дед. Над могилкой поставили сваренный из труб, грубо нарезанный крест, покрашенный чёрной краской, на чёрной табличке — неровные белые буквы и цифры: Трунякова Александра Ивановна 6. XI. 1916 — 1. VI. 1953.

Не помню, приходил ли на могилу матери в 54 – 57-е годы – слишком многое сменилось в моей жизни и загородило собой смерть: новое окружение, новый быт, поступление в 56-м году в Чкаловский топографический техникум, жёсткость и жестокость отца и противостояние с ним – с неравными силами, начало собственной жизни ума и сердца... В 58-м я уехал доучиваться в Киев – техникум в Оренбурге в бездумные реформы Н.С. Хрущёва расформировали за несколько лет до «обвального» востребования топографов на освоении открытого Оренбургского газового комплекса. С 60-го – моё распределение в Якутию, полевые изыскания в экстремальных условиях на Лене в Виллойских болотах и в среднем течении Оленька за Полярным кругом, открытие мира «с безуминкой» от полученной свободы, беспамятная вольность юности. В Оренбурге я оказался снова только в 62-м.

После двадцати начинаешь сомневаться в собственном бессмертии... 1 июня 62-го, в девятую годовщину смерти матери, я собрался навестить её могилу, но сколько ни искал – не нашёл. Видимо, не защищённая от солнца, дождей и снега краска на табличке осыпалась, смылась... К тому времени никого, кто хоронил мою мать и мог бы показать могилу, в Оренбурге не оказалось.

Переносу записанное в моей «амбарной книге» 6 ноября 1998 года. Матери в этот день исполнилось бы 82 года. Утром помолился и за неё и – не знаю, что надоумило, почему вырвалось это: «Если ты видишь меня, напомни о себе!» Вечером на

главной улице города – Советской – вижу... молодую мать, даже ростом, кажется, такую же. Мы обменялись взглядами – её, разлитая по лицу внутренняя улыбка женственности, и моя, в которой, видно, было больше удивления, ошеломления, чем обычного в таких случаях любопытства.

Она прошла – неспешно, уверенно, как могла пройти дама в моём понимании. Я побыл в магазине, купил конфет к дню рождения снохи Оксаны, пошёл на остановку у драмтеатра, встретил там знакомого «большого Саню» – студента, теперь, как выяснилось, аспиранта, поговорили, вместе сели в троллейбус и несколько остановок я думал о встреченной этой женщине, о нашей внутренней с ней близости, о чуде жизни, пока троллейбус не встал на очередной остановке. Я смотрел сквозь стекло на выходящих и вдруг – увидел её. Она ехала в одном со мной троллейбусе! Что это, Господи?..

Дед

Мой дед, природный оренбургский казак Иван Дмитриевич Бессонов родился 19 января 1884 года в станице Татицево Оренбургского казачьего войска (ныне село в Переволоцком районе Оренбургской области). Его отец, или дед, был, по некоторым сведениям, сотником, вернулся с русско-турецкой войны (последней, 1877-78?) израненный и вскоре умер.

В 1910-х годах мой дед стоял на квартире в станице Переволоцкой в собственном доме будущей жены Степаниды Андреевны. В 1915 году они сошлись, но жену дед не любил.

Дед по материнской линии
Иван Дмитриевич Бессонов.
1964 г.

*Осенняя ночь и темна,
и страшна,
В стени, как в могиле, уныло.
И льётся песнь
ямщика-калмыка
Одна среди ночи тоскливо.*

До первой половины 30-х годов дед со Степанидой Андреевной жили в Оренбурге на 2-й Гончарной (ныне – Гончарной). В 1916 году родилась моя мать Александра, в 1922 – Ольга (её муж Иван Трофимович Лушкин род. в 1918 – ум. в 1996), в 1927 – Нина. Дед больше любил мою мать, после её смерти – Ольгу. Мать закончила 10 классов, Ольга – 8, Нина – 6. Нина была живая, добрая, по-казачьи прямодушная, я доверительно, как с матерью, переписывался с ней до её смерти от почечной недостаточности в 1991 году.

Степанида Андреевна была по-казачьи решительна. Как-то поздно вечером, когда она оставалась дома одна, в сени вошёл лихой человек. Кстати, открыть входную дверь в сени ничего не стоило: шеколда передвигалась «казачьим ключом» – просунутым в дверь «г»-образно согнутым железным прутком. Непрошенный гость начал дергать дверь в жилую избу: крюк, который её держал, был великоват и образовывалась щель. Степанида Андреевна схватила печной совок, полая ручка которого напоминала ствол, просунула его в эту щель и пригрозила: «Уходи – стрелять буду!» Вор в

Перед самой революцией дед по неизвестной причине оставил полк, в котором служил – в близкой уже братоубийственной бойне это сохранило ему жизнь, правда, позже не спасло от кратковременной тюрьмы.

Моя бабушка по материнской линии Степанида Андреевна Кобелева-Бессонова родилась в станице Переволоцкой в 1894 году. Была 21-м ребёнком в семье. Кончила гимназию (?) Была белошвейкой. Около 1910 года вышла замуж за Бориса Гуреева («был состоятельный»), прожила с ним немногим более двух лет, он умер от сердечного приступа. От первого брака остались дети Настя, Костя и Иван.

Тётка Нина писала мне, что после Гуреева осталась тетрадка его стихов, которые она потом слышала, как народные песни. Стихи «сентиментальные», один куплет она запомнила:

слабом свете лампы увидел из щели ствол, поверил и — ушёл.

Степанида Андреевна болела туберкулёзом. В 1929 году её парализовало, когда она пекла пироги. Восемь лет она лежала без движения, по этой причине дед нанял домработницу. Умерла она (не получается написать: бабка) в 1937 году в Оренбурге в 43-и года от туберкулёза лёгких и головного мозга.

Дед работал на кожевенном (шорно-седельном) заводе. Жил он, как и две его дочери, мои тётки Ольга и Нина, в подвальном этаже домика (окна касались земли), который он купил до войны, на улице Красноармейской, 11 (позже нумерация сменилась на 29). В сенях этого полуподвала с глинобитным полом на обмазанной глиной и побелённой стене в 40-е годы напоминанием о прошлом висела высохшая казачья плетель...

Безнадёжная любовь деда — Зинаида Николаевна Чернышёва-Погорелова — его роковая женщина с большими чёрными пронзительными глазами и тяжёлыми чёрными косами. Гадала на картах. По семейным преданиям, Зинаида Николаевна по ошибке приворожила (а она ворожила) моего деда, и тот всю жизнь влачил бремя этой ошибки и был привязан (точнее не скажешь) к этой женщине. Помню долгие карточные вечера в этом доме на одной с нами улице Красноармейской с участием деда, матери, самой Зинаиды Николаевны, её взрослых сыновей Бориса (будущего театрального режиссёра) и Юрия (будущего экономиста). Участница таких посиделок, их сводная сестра Клавдия

Александровна Чернышёва умерла в 1996 году в возрасте 82 лет.

Помню один из поздних уходов матери из гостей со мной на руках — в морозную звёздную ночь, это могло быть в последнюю военную зиму... Остался в памяти скрип морозного снега под ногами матери, сухой, морозно-оренбургский воздух и яркое звёздное небо над нашими головами.

...Помню одну из крещенских, скорей всего, военных ночей в нашей землянке: в тесной низкой комнате — мать, тётки Ольга и Нина, ухажёр последней Иван Григорьевич — будущий муж — с чёрной шевелюрой (уже позже узнал, что при подобном гадании в компании должен быть хотя бы один чёрный человек) и кто-то ещё. На столе, в котором, по условию, не должно быть ни одного гвоздя, перед гадающими — белый бумажный круг с двумя заполненными круговыми полосами: внутренней — цифрами от 0 до 9 и внешней — алфавитом от А до Я. Присутствующие держат пальцы на блюде с нарисованной на нём стрелкой и задают ему (блюду) вопросы, предварительно открыв печную вьюшку и вызывая «духовного организатора гадания»: «Дух Пушкина, приходи к нам!» Я не силю и подглядываю в щёлку от гардины: вижу, блюдо начинает двигаться, отвечая, буква по букве, на вопросы, и Иван Григорьевич, офицер Советской армии, конечно, как сейчас понимаю, воинствующий безбожник, хватается за голову: «Не может быть!»...

Матери в своём быте на Красноармейской, 29 я не помню — со мной всегда был дед. Никогда он не

спрашивал меня, как учусь и учусь ли вообще. Благодарен ему за эту школу ранней самостоятельности — с первых осознанных лет не выносил любого принуждения. А учился первые четыре года на пятёрки.

Дед любил париться, однажды взял меня, десятилетнего, с собой в городскую общественную баню. Я парился на три ступеньки ниже — и мне стало дурно...

Он научил меня варить затируху: тесто из муки и подсоленной воды затирается между ладонями в мелкие, продолговатые, как овёс, катышки и заваривается в кипятке. Мы нередко готовили с ним эту скорую казачью еду нищеты. Дед водил меня с собой в Дом офицеров, где работал грузчиком, там сердобольные поварахи угощали меня широжками с ливером, вкуснее которых я долго ничего не знал. А может, это было уже перед смертью матери, когда мы жили на Коммунальном переулке.

С базара, на котором дед продавал вырезанные им из полос кордовой резины стельки для традиционных чувяков (тапочек, в которых казаки Форштадта ходили и дома, и на

улице), он приносил мне разноцветных сахарных петушков на палочках. Однажды в начале зимы он принёс два конька: короткий «снегурок» с загнутым носом и так называемый «дутьши» — прямой и длинный. То, что они разные, меня нисколько не смутило. Сыромятными ремешками я прикрутил оба конька на валенки, катался на них без усталости, где хотел, и был счастлив, как редко был потом счастлив в жизни.

От деда ко мне перешло — уж и не знаю, как запомнил — его житейское правило, напутствие, стоящее наследства: «Живи так, чтобы расход был меньше прихода», оно не однажды спасало меня.

От гриппа дед лечился стаканом водки с перцем, «от желудка» — стаканом водки с солью. До конца жизни дед не изменял своим правилам: за глаза не обсуждал ближних, не курил, за обедом выпивал рюмку-две водки и брился только в парикмахерской.

Соседи

Была в моём степном городе улица Красноармейская, был полу-

Подобные улочки старого Форштадта к югу от ул. Чкалова дожили до 60-х годов прошлого века. Это родило анекдот о Емсельяне Пугачёве, который благодарил первого секретаря обкома КПСС В.А. Шурыгина за «бережное» (ничего не трогал!) отношение к городу-крепости

тораэтажный дом, вросший в землю нашими полуподвальными окошками, был устоявшийся быт, казавшийся вечным... Где всё это? Ножами бульдозеров срезано старое казачье предместье с голубями и скворечниками на крышах, с пыльными улочками, с палисадниками из полос пробитого штампом металла — отходами военного патронного производства, почти из каждого палисадника — майской вестью из другого мира — сирень.

Школьной геометрией встали железобетонные прямоугольники зданий с заданными дворовыми площадками в кустиках и деревьях, асфальтом проездов. Ни намёка на пролетевшую здесь жизнь. Была ли она? И только золотое сверканье церковных куполов Никольской церкви в многоэтажном колодце обступивших её домов говорит: была.

Наш двор был типичным для Форштадта — огород с несколькими кустами малины, принадлежавший верхним соседям — монашкам и священнику, в одном углу — сбитое из досок «удобство», в другом — водопроводная колонка с заросшей лопухами лужей, в которой я как-то ночью наступил на жабу; под невысокими заборами — заросли почти единственной ягоды детства — паслёна, который в Оренбурге называли бзником; другой двор — с ухоженным яблоневым садом, любовно выложенными кирпичом дорожками. Свет от весеннего яблоневого цветенья, казалось, не исчезал там круглый год. Я побавался добротных высоких ворот с тяжёлой калиткой,

без скрипа ходивших на смазанных петлях.

Полной противоположностью был двор по другую сторону от нас. Жила в нём непонятной жизнью семья голубятника Васи. По заросшим бурьяном тропинкам бегали его чумазы ребятишки, то и дело их звала и шлёбала неопрятная Васина жена. С её щеки болтался мясистый отросток, наподобие «серьги» индюка. И растекался от их двора крепкий, спёртый, всегда одинаковый запах слежавшегося грязного тряпья, гниющего от помоев бурьяна и ещё чего-то непередаваемого, что подпольно производил их полуцыганский быт.

Но по утрам и вечерам Вася лазал на крышу с шестом с навязанной на конце тряпкой, пронзительно свистел, выпуская своих голубей. И взмывала стая мохначей и турманов, розовея на заре белым опереньем, кружилась над домами, поднимаясь всё выше и выше, выделявая головокругительные курбеты. А Вася махал и махал шестом и свистел, входя в азарт...

В доме голубятника Васи я не был никогда. Меня влекла таинственная тихая жизнь за редким забором другого дома, развалистая фигура его хозяйина между яблонями, когда в весенние заморозки он раскладывал под деревьями костры, и бело-голубой горько-сладкий дым наполнял цветущий сад...

Чистое лицо, ясные глаза, окружённые сеточкой морщин, — Андрей Амосович Горшков был сухощавый подвижный старик с очками на задорно вздёрнутом носу, на собеседника он смотрел из-под очков, вски-

нув подбородок, и от этого казался несколько высокомерным. Никого не помню в те годы симпатичней и чище его! Две его взрослые дочери, Ная и Тая, оставшиеся незамужними, дополняли тишину дома с высоким крыльцом, большими, уютными комнатами.

По вечерам мы с дедом иногда приходили к Андрею Амосовичу. Для меня это были посещения святилища. Дед, громадный, как мне тогда казалось, с грубыми чертами большого лица и простодушными, голубыми, выцветшими глазами, усаживался за узким кухонным столом перед лампочкой в жестяном конусе абажура и готовился слушать. Андрей Амосович, уже в очках, важный, сосредоточенный, выходил из залы с газетой, устраивался напротив, священнодействуя, разворачивал листы, высоко держа их перед светом.

Чтение вслух начиналось с новостей. Читал Андрей Амосович чётко и значительно, подчёркивая интонацией важность сообщений. Дед, хмыкая, умироподобно смотрел на товарища сквозь старческую слезу, поддакивая, когда тот, отставив газету, заканчивал фразу, глядя из-под очков на слушателя. Как опытный шахматный игрок, Андрей Амосович мгновенно связывал изгибы политики и выносил веские приговоры. Дед кивал головой, соглашаясь с ним во всём. Мне кажется, дед глядел на соседа как на существо другого, высшего порядка. Андрей Амосович задавал ему невозможную головную работу.

Потом чтение переносили на статьи побольше, голос чтеца ста-

новился тише, монотонней. Дед цепенел, вряд ли многое понимая... Когда с половины статьи Андрей Амосович вспоминал о слушателе и вскидывал из-за газеты очки, дед спал, начиная тихо похрапывать. Газета с огорчением откладывалась...

*Послевоенных лет всплывает
быль:*

*Мягкая, как пудра,
утренняя пыль...*

*Лишь солнца шар мелькнёт
за гордостью —
И мы бежим весёло гурьбой
Дорогой на форштадтские
луга.*

*Как мне дорога эта дорога!
Как дороги мне стаи голубей —
От белых птиц и небо
голубей!*

Улыбка мамы...

Молчаливый дед...

*Как много с тех пор в помине
нет!*

*Но память не мелеет —
не Урал:*

*Я ничего с тех пор
не растерял.*

1983

В конце декабря 2008 года в Оренбург — на родину, приехал из Мурманска разысканный мною брат Юрий — через 55 лет после того как отчим увёз его в Касимов. Походивший по «загранке» 58-летний моряк под два метра ростом, заканчивающий работу главного электрика плавающего дока. В начале морозного января 2009 года бродя с ним по местам, связанным с матерью, мы

**Брат Юрий Труников
по материнской линии
с женой Зинойдой**

хоронен он на Гомельском кладбище, похожем на музей под открытым небом, чего не скажешь о кладбище в Оренбурге.

Тётка Нина Григорьева умерла от болезни почек, видимо, не без воздействия Чернобыля, 14 декабря 1991 года. До-

временный уход «спас» её от перестроечных унижений, что, по её характеру, стало бы для неё страшнее смерти. После неё осталось трое детей: Вячеслав (род. в 1947) — выпускник Московского Баумановского училища, программист, недавно вышел на пенсию, живёт в Сергеевом Посаде под Москвой, Николай (1951) — тележурналист — страстная, богатая, несчастная душа, подверженная зелью, из-за которого в январе 1997 года замёрз в квартале от собственного дома, «последышек» Ольга (1958) — преподаватель на

курсах кройки и шитья, собирается жить в Дании во втором браке с датчанином — администратором ресторана на морском пароме. У всех свои дети. Дочь Ольги Вера родилась в 1983 году с поэтическим и живописным восприятием мира, учится в Минском университете культуры по специальности «Современное и традиционное изобразительное искусство».

Тётка Ольга Аушкина долголетием в деда (ей 87-й год), живёт в Губкине Белгородской области, у неё дочь Людмила (1947) — врач; видел её только в раннем её детстве, живёт в одном городе с матерью, и сын Владимир, лет на семь младше сестры, остался в Актюбинске, где все Аушкины жили много лет...

2006 — 2009

чудом застали последний от улицы Красноармейской нежилой угловой дом № 116 (по улице Уральской он № 40). В детских играх дальше Уральской мы не заходили. Типичная форштадтская халупа, обмазанная красной и побеленная белой глиной.

Пройдут какие-то месяцы, и на городской новостройке исчезнет и это ветхое напоминание о прошлом. Оставить бы его как музей, но мы чаще всего проклинаем прошлое (выходит, и себя в прошлом?), стремимся избавиться от него. Плоды разорванного сознания и затянувшейся незрелости чувств...

Умер дед в Гомеле, где жил у младшей дочери Нины, от инфаркта в 1970 году в возрасте 86 лет. По-

**Тётка Нина Ивановна
Григорьева с мужем Иваном
Григорьевичем Григорьевым.
1960-е годы**

Надежда ЕМЕЛЬЯНОВА

ПОДДАННАЯ БОГИНИ КЛИО

Надежда Алексеевна Емельянова родилась на ст. Кузино Свердловской области. В Оренбурге с 1966 г. Работала на машиностроительном заводе, занималась в литобъединении при газете «Комсомольское племя». В 1977 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Печаталась в журналах «Наши современники», «Волга», коллективных сборниках и антологиях, альманахах «Каменный пояс», «Поэзия», «Вечерний альбом», «Вечный берег», «Спасённая весна», «Русская поэзия. XX век» и др. Автор пяти поэтических книг, член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2007), региональной литературной премии имени П.И. Рычкова (2009) за книгу стихов «Благодарение». Живёт в Оренбурге, работает редактором отдела культуры в газете «Южный Урал».

Наверное, про таких, как она, говорят: Бог поцеловал в темечко. А можно сказать и по-другому: она сама кузнец своего счастья. Впрочем, к ней применим и третий вариант: судьба ничем не поскутилась, полной мерой отмерила и радостей, и горестей. Так или иначе, но выпускница обычной городской школы блестяще окончила столичный вуз, в 38 лет стала доктором наук, в пятьдесят — заслуженным деятелем науки Узбекистана. В 1997 году ей, академику Международной академии истории науки, Кембриджский университет присвоил звание «Человек года». И это далеко не полный послужной список её более чем полувековой деятельности на ниве науки и просвещения. Немало в нём и престижных отраслевых наград: Государственная премия имени Беруни Узбекской ССР, Всероссийская литературная Пушкинская премия «Капитанская дочка», Шолоховская «Они сражаются за Родину», региональная «Оренбургская лира», премия альманаха «Гостиний Двор» имени Валерiana Правдухина. В этом году нашу зем-

лячку чествовала общественность не только области, но и страны: известный учёный, краевед, профессор Оренбургского государственного педагогического университета, член Союза писателей России Галина Павловна Матвиевская встретила свой знаменательный юбилей, полная энергии и новых замыслов.

НЕ УНЕСЁННЫЕ ВЕТРОМ ИСТОРИИ

Она родилась в интеллигентной семье, где помнили о родовых корнях, но предпочитали их не афишировать по понятным для того времени причинам. Дед Галины Павловны по материнской линии носил довольно известную до революции дворянскую фамилию. Яков Георгиевич Гололобов (1855 — 1918) был земским деятелем, занимался литературным творчеством и журналистикой, печатался во многих столичных журналах. В 90-х годах позапрошлого века избирался гласным городской думы, работал редактором отдела «Екатеринославских губернских ведомостей», а в 1909 году, будучи членом 3-й Государственной думы, возглавил отделившуюся от партии октябристов правую фракцию, активно участвовал в политической жизни России, поддерживая идею монархии, ограниченной парламентом. Имя Я. Г. Гололобова внесено во многие российские справочники, в том числе биографический словарь «Русские писатели. 1800 — 1917», энциклопедию Брокгауза и Ефрона.

Получила высшее образование и мать Галины Павловны Ксения Яковлевна: начинала учиться в Петроградском женском педагогическом институте, а заканчивала уже

в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена, специализировалась на иностранных языках.

Отец Павел Евменович Матвиевский окончил Днепропетровский университет и аспирантуру при нём, работал заместителем директора Харьковского музея истории и сотрудником тамошнего института культуры. В 1937 году молодой перспективный учёный по ложному доносу был осуждён на десять лет, отбывал срок в Хабаровске.

Повзрослевшей дочери Павел Евменович скупко рассказывал, как глубокой осенью их эшелон выгрузили в глухой тайге, где людей оставили без всякой помощи по обустройству в необжитом месте. Очень многие не выжили в таких условиях.

— Отец до конца жизни был уверен, что спасся чудом. Когда ехали по железной дороге, он сумел выкинуть из вагона самодельный треугольный конверт с несколькими строками. Какие-то добрые люди случайно нашли и послали его весточку почтой по указанному адресу. Так семья узнала, куда отправлять письма и посылки.

Галина Павловна показывает потемневшие от времени счёты.

— А это наша семейная реликвия. Однажды отец попросил прислать ему обыкновенные счёты. Они-то и облегчили его судьбу в заключении. Ещё в студенчестве он освоил бухгалтерское дело — подрабатывал на жизнь в свободное от учёбы время. И вот его знания понадобились в лагере.

В сороковом году, когда ликвидировали Ежова, пришедший на его смену Берия сделал послабление: по стране прокатилась волна реабилитации

политзаключённых, сидевших по сфабрикованным делам. На эту счастливую волну попал и Матвиевский, к тому времени прошедший в лагере два года. Конечно, помогли освобождению и хлопоты Ксении Яковлевны: она постоянно ходила по инстанциям, писала прошения, куда только можно было писать.

Полностью реабилитированный Павел Матвиевский вернулся в Харьков, где его преданно ждала семья. В институте же его должность занял другой человек. Хотя по закону можно было восстановиться на прежнем рабочем месте, он не захотел оставаться в коллективе, в недрах которого был состряннан донос, где работали люди, предавшие его, проголосовав за резолюцию «враг народа». Бывшему заместителю директора музея предложили работу в Полтаве, но Павел Евменович подал заявку на конкурс и, получив приглашение из вузов двух городов, выбрал Оренбург (тогда Чкалов).

Здесь он стал доцентом государственного педагогического института. Забегая вперед, напомним, что около 30 лет П. Е. Матвиевский бесценно руководил кафедрой истории, написал более 90 научных работ. Ведущие темы его научного поиска — история промышленности, рабочее и крестьянское движение в эпоху капитализма, Крестьянская война под предводительством Пугачёва, взаимоотношения русского и казахского народов, роль Оренбурга в торгово-экономических отношениях России со Средней Азией и многие другие.

Но всё это было потом, а тогда, в 1940 году, Матвиевский уехал из

Харькова с двумя корзинами вещей и книг. Жена с дочерью должны были приехать к нему, как только он устроится и получит жильё.

Но пока они ждали вызова, наступил июнь 41-го...

— Это из сегодняшнего далека многим кажется, что можно было легко эвакуироваться, — с неостывшей горечью в голосе вспоминает Галина Павловна. — А в реальности организованно уезжало мизерное количество людей — работники стратегически важных предприятий, номенклатура госучреждений. Остальные превращались в беженцев и покидали западные территории кто как мог. Мы ушли из Харькова 31 августа, когда стало ясно, что уехать по официальным билетам, купленным в кассе, уже невозможно. Мама просто заперла квартиру на ключ (как и многие, она думала, что скоро всё закончится), мы пришли на вокзал и сели в ближайший пригородный поезд. У мамы был чемодан, авоська с примусом да продуктами на пару дней, у меня — портфельчик с моими девчоночьими вещами.

Они доехали до конечной остановки, сошли и пытались попасть на какой-нибудь другой пассажирский поезд, но тщетно — всё было забито массой народа. Ксении Яковлевне всё-таки удалось купить билет до Оренбурга без указания конкретного номера поезда и вагона, и вот с этим билетом она, крепко держа одиннадцатилетнюю дочь за руку, несколько дней безуспешно металась по перрону станции. Потом им всё-таки удалось сесть на открытую платформу грузового состава, который вез какие-то металлические станины.

Люди пристраивались между огромными механизмами, и так все ехали трое суток на одной платформе, потом перескочили на другую. Было уже холодно, а тут ещё и воющие над головой самолёты...

Хотя детский разум до конца не осознавал весь ужас положения, такое не забывается никогда. До сих пор в памяти Галины Павловны сохранились лица людей, с которыми ей довелось совершить это путешествие на товарняках.

В общей сложности они добрались до Оренбурга семнадцать суток. Когда вышли на станции Оренбург-Товарный, какой-то татарин с осликом взял их чемодан, и мать с дочерью побрели за ним в общежитие, в котором жил отец. У него, как и многих преподавателей института, была бронь.

В сентябре Галя начала учиться в школе, Ксения Яковлевна устроилась на работу, и семья зажила на новом месте обычной жизнью тыловиков. Обустраивали быт с нуля, потому что всё осталось в Харькове — мебель, скарб, одежда, другие необходимые вещи, в том числе и библиотека, которую начинал собирать ещё дед.

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА ПРИРАСТАЛА, ПРОВИНЦИЕЙ

В 1948 году золотая медалистка второй железнодорожной школы Га-

Галина Матвиевская,
студентка ЛГУ. 1950 г.

лина Матвиевская поступила в Ленинградский университет. По окончании математико-механического факультета с отличием, где специализировалась в области теории чисел, она была принята в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР (ныне Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН).

Предметом её первых изысканий стали неопубликованные рукописи Леонарда Эйлера — немецкого, швейцарского и российского математика, академика Петербургской АН, почти полжизни прожившего в России, внёсшего огромный вклад в развитие математики, механики, физики, астрономии и многих прикладных наук. Анализ его работ по теории чисел лёг в основу её кандидатской диссертации, эту тему предложил аспирантке её научный руководитель академик В. И. Смирнов. Изучение рукописных трактатов великого учёного XVIII века требовало дополнительных знаний, так как он писал на латинском, немецком и французском языках.

После окончания аспирантуры Галина осталась работать в институте, где она защитила диссертацию и продолжала расшифровывать, переводить и готовить к публикации

Вся семья.
Ленинград.
1969 г.

на должность из бедняков. Мать умерла, когда Кариму было двенадцать лет, отец женился вторично.

— В Самаркандской области, где они жили, сложилась необычная этнографическая ситуация, — рассказывает моя героиня. — Там исторически компактно проживали таджики, но во время формирования республик их автоматически записали узбеками. Отец Карима был по крови и языку таджик, мать — узбечка. Учились дети в обычной кишлачной школе, дома общались по-таджикски. Лишь уехав из родительского дома в город, они начинали говорить либо на

узбекском, либо на русском языке. Годы спустя Карим Рахимов как-то признался жене: «Когда я размышляю о сегодняшних делах, то думаю по-русски, когда вспоминаю о кишлаке, мысли мои рождаются на таджикском языке, а студенческие годы возникают в памяти вместе с узбекским языком».

В пятнадцать лет его по разнарядке отправили на учёбу в Самаркандский сельскохозяйственный техникум. Практически все новички едва умели читать и писать, ни о каких других предметах вообще не имели представления. На их счастье нашлась преподавательница химии (кстати, татарка, тоже записанная узбечкой), которая однажды в сердцах обозвала полуграмотных мальчишек баранами, тем самым больно задев их самолюбие. Это стало для Карима дополнительным стимулом в усердной учёбе: вскоре он наверстал упущенные за прежние годы знания, а когда поступил в Самаркандский университет, все студенческие годы был круглым отличником. На четвёртом курсе попал на практику в Ленинградский институт физиологии, где на него обратил внимание Михаил Ефимович Лобашов, один из наших выдающихся генетиков, который после разгрома российской генетики стал физиологом. С красным университетским дипломом Карим по его рекомендации поступил в аспирантуру Института физиологии, здесь же защитил кандидатскую диссертацию. Именно в это время и пересеклись судьбы двух начинающих учёных, каждый из которых в своей отрасли подавал большие надежды. Здесь у молодожёнов родилась дочь.

Но Рахимова ждали на родине, и в 1959 году семья отправилась в Ташкент на постоянное место жительства.

Это было время, когда коммунистическая идеология усиленно воспевала дружбу между «братскими республиками», всячески пропагандировала советский образ жизни, нивелируя национальные особенности различных народов. Приветствовались и так называемые смешанные браки. Однако в реальности не всё было так гладко, как в партийных реляциях. На мой прямой вопрос, как отразилось её замужество на дальнейшей судьбе, Галина Павловна, не вдаваясь в подробности, ответила:

— Мы совершили деяние, которое изрядно осложнило жизнь обоим. Преодолевать приходилось очень многое, и на работе, и в быту. Поэтому, когда нас спрашивали об этом, и он и я не советовали повторять нашего опыта. И всё-таки, несмотря ни на что, наш брачный союз сохранился 45 лет.

ГОРОД ЛЮБВИ, ТРУДОВ И ПОТЕРЬ

В Ташкенте Галина Павловна получила должность научного сотрудника Института математики имени В. И. Романовского Академии наук Узбекской ССР. Здесь по инициативе академика С. Х. Сираждинова она начала исследования по истории математики стран Ближнего и Среднего Востока. Приступая к расшифровке средневекового рукописного наследия, ей пришлось помимо латыни, английского, немецкого и французского освоить ещё и араб-

записные книжки Эйлера. Её статьи на эту тему широко печатались в отечественных и зарубежных изданиях. Позднее Галина Павловна была включена в состав международной комиссии по изданию четвёртой серии полного собрания сочинений Эйлера, которое выходило в Швейцарии.

В Ленинграде прошли её одиннадцать счастливых лет. Здесь, в общежитии аспирантуры, Галина Матвиевская познакомилась с будущим мужем, ставшим впоследствии известным узбекским учёным, доктором биологических наук, профессором.

Карим Рахимов родился в кишлаке, был старшим сыном из тринадцати детей в семье председателя колхоза, выдвинутого

Ксения Яковлевна
и Павел Евменович
Матвиевские
с внучкой Инной

ский язык. Матвиевская сосредоточилась на восточных рукописях математического и астрономического содержания, на их описании, переводе и научном анализе. Важное место среди её работ занимают монографии, среди них — «Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке», написанная на материале выполненных ею переводов арабских комментариев к десятой книге «Начал» Евклида, а также «Развитие учения о числе в Европе до XVII века» с широким использованием латинских источников. Таким образом, молодым историком науки был завершён своеобразный круговой цикл: от рукописей Эйлера через средневековых исследователей стран Ближнего и Среднего Востока — вновь в Европу, к открытиям времён Средневековья вплоть до XVII столетия. Итогом этих изысканий стала докторская диссертация «Учение о числе в Средние века».

Оценивая тот период её деятельности, авторы статьи, опубликованной в одном из научно-методических журналов, подчёркивали: «Такая работа требует специальной подготовки. Мало иметь фундаментальное математическое образование, надо

ещё обладать современными познаниями в области востоковедения; требуются не

Карим Рахимов,
конец 70-х

Г.П. Матвиевская,
Ташкент, 1975 г.

только хорошее знание языка и средневековой математической терминологии, но и навыки в исследовании рукописей».

Однако она не ограничивалась только сферой точных наук. В ташкентский период ею подготовлен целый ряд научных биографий восточных учёных — Хорезми, Абд ар-Рахмана ас-Суфи, Абу Рейхана Беруни, Ибн Сины, Улугбека и других. Особый интерес вызвали книги Матвиевской, посвящённые жизни и деятельности светил мировой науки — таких, как Рене Декарт (1596 — 1650), французский математик, философ, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики, автор метода радикального сомнения в философии, механицизма в физике, предтеча рефлексологии. Или его соотечественник Пьер де ла Рамус, философ, математик, педагог XVI века. И вновь хочется привести коллективное мнение коллег Галины Павловны, людей, чьи имена известны в международном научном сообществе: «Для историка науки исторические факты важны не только сами по себе. Его заботит духовный мир её служителей... Такие книги («Рене Декарт». — Н. Е.) рыхлят плугом увлечённости души потенциальных математиков, делают их восприимчивее к красоте истины,

Сирия, 1979 г.

Алеппо, 1979 г.

заставляют удивляться интуитивной ясности многих математических понятий...»

Юношеское увлечение живописью предопределило ещё одну грань её исследований. Галина Павловна убеждена, что творчество великих художников и теоретиков представляет для историка науки не меньшую ценность, чем для искусствоведа. Очевидно, поэтому в поле её зрения оказался и Альбрехт Дюрер — великий художник эпохи Возрождения, который не только создал бессмертные образцы портретной живописи, графики, но также разработал научные основы искусства — теорию перспективы, учение о пропорциях человеческого тела, и при этом был оригинально мыслящим математиком.

В Ташкенте ей довелось встретиться с

Пальмира, 1979 г.

чаться и сотрудничать со многими известными учёными, подвижниками своего дела. Таким был академик В. П. Щеглов, директор астрономического института Академии наук Узбекистана, много сделавший для астрофизики, тоже занимавшийся историей науки. После его смерти в 1988 году Матвиевская выпустила книгу его сочинений.

— Теперь там историю всячески перекраивают, переставляют имена по новоустановленным рангам, — с грустью добавляет она. — Но книга издана, она поступила во многие российские библиотеки и с ней трудно спорить. То, что я сама написала, и то, что помогала готовить к изданию, — всё это уже вошло в научное наследие, и не только нашей страны.

В 1994 году Галина Павловне пришлось временно вернуться в город своего детства и отрочества: в Оренбурге бедствовали престарелая мать и овдовевшая дочь. Шесть последующих лет она имела право возвращаться в Ташкент, в родной дом к мужу, только «на побывку» сроком ровно в один месяц.

В начале нового тысячелетия Галина Павловна в очередной раз вынуждена была оставить уже тяжело

Галина Павловна среди участников международной конференции

болевшего Карима Рахимовича, поскольку срок её пребывания в некогда родном городе истёк. Каждая такая поездка в переполненных поездах, проезжающих по территориям ставших суверенными стран, где враждебно настроенные националисты били стёкла вагонов, требовала невероятных усилий. Та памятная дорога в Оренбург, осложнённая по вине таможни ещё и опозданием на

свой поезд, завершилась травмой. Это непредвиденное обстоятельство помешало Галине Павловне быстро вернуться в Ташкент. Супругам ничего не оставалось, кроме как общаться по телефону, подбадривая друг друга словами. Увы, жена не смогла проводить мужа даже в последний путь...

Из всего, что было нажито совместно с Каримом Рахимовым, она смогла увезти в Оренбург лишь два контейнера книг — небольшую часть их библиотеки: редкие издания изымали на таможне под предлогом запрета вывоза национальных ценностей. Трёхкомнатная квартира, дача, машина, другое движимое и недвижимое имущество отошло узбекским родственникам. Жене и дочери досталась мизерная денежная компенсация, которой едва хватило на скромный ремонт кухни и прихожей её оренбургской квартиры...

ЕСЛИ СУДЬБА НЕ БАЛУЕТ, НО ДАЕТ ШАНС

Мы сидим в тесной квартире, некогда принадлежавшей отцу и матери Галины Павловны. Крошечная прихожая и обе комнаты заставлены шкафами, стеллажами, полками с книгами, а также папками с рукописями и архивными документами, которые массивными стопками лежат на подоконниках, столах и даже стульях. Чтобы пройти к рабочему столу со старинной лампой под самодельным кружевным абажуром, надо осторожно пробраться между этими бумажными монбланами и гималаями.

С грузинскими историками. Сухуми, 1987 г.

Карим Рахимов
с дочерью Инной.
Оренбург, 1987 г.

наследству от родителей. Как бы оправдываясь перед гостьей за причинённые теснотой неудобства, хозяйка объясняет:

— Когда был жив отец, он не позволял размещать книги в своей комнате — все

они стояли на стеллажах в коридоре. У нас с дочерью не получилось сохранить его порядок. Её однокомнатная квартира тоже завалена книгами, в том числе привезёнными мной из Ташкента. Так как многие издания мы готовим вместе с ней, то в основном и живём здесь. Помимо отповского книжного собрания (хотя часть его я отдала в областную библиотеку), моих книг и рукописей, у нас немало методической литературы, ведь мы обе преподаём в вузе. В общем, поневоле книги потихоньку становятся здесь главными обитателями...

Перебирая стопки фотографий, Галина Павловна сетует: не хватает времени на то, чтобы привести в надлежащий порядок обширный фотоархив. Не на всех снимках сделаны надписи, проставлены даты, поэтому кое-что начинает забываться. Но основные события, запечатлённые объективом, хранятся в памяти даже сейчас, спустя десятки лет.

— Совершенно уникальная личность, — говорит она, глядя на чёрно-белую любительскую фотографию. — Это профессор Мюнхенского

Устроенное в уголке предельно компактное ложе — то ли диванчик, то ли кушетка — тоже скрывается за книжными перегородками. Кроме двух смежных комнат, прихожей и санузла есть ещё кухонька, по габаритам больше похожая на пеналобразную кладовку.

Дом для преподавателей педагогического института был построен по инициативе тогдашнего ректора из материалов, оставшихся от строительства студенческого общежития. Было это более 50 лет назад, и с тех пор насуп возведённое двухэтажное здание ни разу не ремонтировалось. В таких «роскошных апартаментах» вот уже пятнадцать с лишним лет не просто проживает, но неустанно творит на благо родного края человек, удостоенный вышеперечисленных регалий и наград. При этом Галина Павловна ни разу никуда не обращалась со своими проблемами, ни у кого ничего не просила. Житейские обстоятельства так закаляли эту женщину, дважды лишённую родного дома, что она научилась радоваться даже малой толике бытового пространства, доставшегося ей по

Танцующий Курт Фогель

университета Курт Фогель, известный в научных кругах специалист по истории науки, активный рецензент публикаций на темы восточного Средневековья. В своё время в зарубежной периодике постоянно выходили его отзывы и на мои работы. В 1983 году он впервые приехал на родину Хорезми, которым занимался всю жизнь. Свой приезд в Узбекистан Фогель приурочил к собственному 95-летию. Во время встречи мы были готовы увидеть немощного старца, которого свита будет выносить или, в крайнем случае, выводить из самолёта под руки. Вдруг на трапе появляется этакий поджарый щёголь в белом смокинге с сигарой в зубах и начинает спускаться танцующей походкой. В Ургенче ему устроили юбилейный банкет, и надо было видеть, как виртуозно он вальсировал с молодыми дамами! В память о нашей встрече Фогель преподнёс мне свою статью о Хорезми, написанную им ещё в 1932 году!

А вот это уже 93-й год: в Ташкент приехал ещё один замечательный человек, дружбой с которым я невероятно горжусь. Профессор Принстонского и Бейрутского университетов Эдвард Кеннеди — один из самых крупных специалистов, автор многочисленных трудов по истории арабской науки. Тогда, в начале октября, он, его жена и дочь впервые прилетели в бывший Советский Союз, став невольными свидетелями трагических событий, связанных с расстрелом Верховного Совета в Бе-

лом доме. Увиденное и услышанное потрясло их, они с трудом выехали из Москвы и добрались до Узбекистана, полные гнетущих впечатлений.

В бывшей союзной республике Кеннеди пробыли неделю и прямо-таки влюбились в её простых людей: заокеанских гостей всюду встречали с непривычным для них радушием и хлебосольством. Во время поездок по Узбекистану профессор, который помимо английского и немецкого хорошо знал арабский и персидский языки, а также немного понимал и говорил на русском, с удовольствием общался с обычными горожанами и сельчанами, останавливаясь в востой в домах местных жителей. Вернувшись в Ташкент, американские гости всё пытались уяснить, почему их везде бесплатно кормили и

Последний присед
в Ташкент, с аспиранткой
Гулей Юсуновой, 2001 г.

В 1999 году вышла книга «Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский», в её подготовке Матвиевская активно участвовала вместе с другими историками и краеведами. Впервые в одном издании был собран богатейший материал, посвящённый жизни видного государственного деятеля:

пошли, оставляли на ночёвку, да ещё и подарки дарили!? Когда им пытались объяснить, что в Средней Азии таковы традиции, они с трудом в это верили...

ЕЁ БЕСЦЕННОЕ БОГАТСТВО

Увлёкшись воспоминаниями, Галина Павловна постепенно забывает о тесноте своего жилища и начинает рассказывать о тех драгоценностях, которые хранятся здесь.словно бажовская Хозяйка Медной горы, она показывает мне содержимое книжных гор и бумажных книг:

— Тут всё, что я наделала за последние годы. Это материалы по Далю — книги, персыевые рукописи. Вот Пушкин, Перовский. Это — третий том Рычкова, которым мы с Инной занимаемся сейчас.

Незаметно для себя, да и для меня тоже, она вышла на тему, которая составляет главное направление нынешних её изысканий, — краеведение.

архивные документы, письма, воспоминания современников — живые страницы, от которых как будто веет духом золотого века.

Следующий весомый вклад Г.П. Матвиевской, подготовленный в соавторстве, посвящён Далю. Вышедшее с 2001 по 2008 год четырёхтомное издание включило в себя художественные произведения Владимира Ивановича, документы, письма, воспоминания самого Даля и о нём, ранее неизвестные страницы его исследовательской деятельности, а также научные труды и очерки об Оренбургской губернии.

Анализируя том «В. И. Даль в Оренбурге», написанный Галиной Павловной и её дочерью Инной Зубовой, автор рецензии (журнал РАН «Вопросы истории естествознания и техники») Н. Н. Шевлюк в первую очередь подчёркивает, что книга является собой удачный синтез научной монографии и увлекательной биографии, написанной превосходным

русским языком. Далее рецензент продолжает: «Достоинства книги несомненны. Она вводит в научный оборот новые сведения о творчестве учёного, знакомит читателей с его окружением (сослуживцами, друзьями, родственниками, видными деятелями отечественной литературы и науки) и будет полезна историкам, краеведам, студентам и школьникам — всем, кого интересует творчество Даля, история науки и культуры Оренбуржья».

— Сколько лет бьёмся, чтобы повесить мемориальную доску на доме, в котором жил Владимир Иванович, — никак не можем пробить! — сокрушается Галина Павловна. — После того как мы опубликовали собранные воедино материалы, общественности стало известно, что те восемь лет, которые Даль провёл в Оренбуржье, были необыкновенно продуктивными не только в чисто творческом плане, но и научно-исследовательском. Он активно участвовал в создании нашего краеведческого музея, имел обширную переписку с профессором Брандтом — директором Зоологического музея Петербургской академии наук. В процессе изучения обширного Оренбургского края Владимир Иванович стал признанным зоологом. За достижения именно в этой сфере он был избран в члены-корреспонденты Российской академии наук.

Невозможно переоценить роль Даля как чиновника особых поручений при губернаторе Перовском. Он служил в ведомстве, которое, по сути, решало проблемы геополитического масштаба. Оренбург в течение полутора веков являлся важным цен-

тром внешней политики России на Востоке. Значение города-крепости особенно возросло в 30-е годы XIX века, здесь в ту пору располагался филиал Министерства иностранных дел, одна из его задач заключалась в противодействии Англии как главному сопернику в деле распространения влияния на Среднюю Азию. Через Оренбург осуществлялись все связи с Бухарским и Хивинским ханствами.

Книгу о Якове Ханькове (1818 — 1862) Галина Павловна собирала, по её образному выражению, как лоскутное одеяло, по кусочкам. Выдающийся учёный, секретарь Русского географического общества очень много сделал для изучения Южного Урала, прилегающих к нему территорий Казахстана и Средней Азии. Уже первыми своими публикациями он зарекомендовал себя как талантливый географ и картограф. Его работы с описанием нашего региона получили высокую оценку современников. В статье «Географическое обозрение Оренбургского края» Ханьков охарактеризовал природные условия, население и города огромной территории, которая включала (в современных границах) Урал, Казахстан, Башкирию, Татарию и Нижнюю Волгу. Большой интерес для экономической географии представляет его труд по рудному производству частных оренбургских заводов, не потерявший своего значения до настоящего времени. Написанная Матвиевской книга о Я. В. Ханькове увидела свет в 2006 году в издательстве «Наука» (серия «Научно-биографическая литература»).

Благодаря Галине Павловне до-

стоянием если уж не широкого, то, во всяком случае, заинтересованного круга читателей стала такая библиографическая редкость, как «Естественная история Оренбургского края». Её автор Эдуард Эверсман — уроженец Вестфалии, доктор филологии и медицины — покинул Германию и приехал на Южный Урал, увлёкся путешествиями.

— В 1840 году в типографии штаба Оренбургского отдельного военного корпуса за счёт канцелярии генерал-губернатора была напечатана первая часть «Естественной истории Оренбургского края» Эверсмана с посвящением Перовскому, — рассказывает Галина Павловна. — С немецкого языка на русский эту книгу перевёл Даль. Тираж издания составлял 1320 экземпляров, в том числе 20 — на так называемой царской бумаге. В конце января 1842 года Перовский приказал: 900 экземпляров книги предоставить в распоряжение профессора Эверсмана, 176 экземпляров выслать в Санкт-Петербург коллежскому советнику Дало. Экземпляры, напечатанные на царской бумаге, Василий Алексеевич увёз с собой в Петербург. Вторая часть «Естественной истории» была издана Казанским университетом в 1850 году. Один экземпляр был выслан Перовскому. В ответ он написал ректору: «Душевно радуюсь, что Казанский университет своим просвещённым вниманием содействует изучению давно знакомого мне и любимого мною здешнего края, богатого для учёных исследований».

В нашей библиотеке работа Эверсмана сохранилась в единственном экземпляре, и мы сумели добиться, что-

бы педагогический университет в 2001 году переиздал этот классический труд об Оренбуржье. Моя коллега, к сожалению уже покойная, Валентина Никитична Руди — в соавторстве с ней книга была подготовлена к печати с дополнением предисловия, примечаний и приложений — утверждала: Эверсман является основоположником экологического направления в зоологии, что ставит его в разряд учёных мирового масштаба. Профильные специалисты держатся зубами за такие работы, описание природы обширнейшего Оренбургского края у него самое полноценное. Именно отсюда Эверсмана пригласили профессором в Казанский университет.

Джеймс Аббот — ещё одно ранее абсолютно не упоминаемое в местной краеведческой литературе имя. В Оренбургском областном архиве хранятся документы, подробно освещающие роль В. А. Перовского в решении вопросов международной политики. В них зафиксирован эпизод, касающийся британского агента, ставшего заметной фигурой в непростых дипломатических отношениях между Россией и Англией. Однако о том, что Аббот оставил интересные и по-своему уникальные сведения об Оренбургском крае, Галина Павловна узнала случайно, наткнувшись на книгу его воспоминаний «Повествование о путешествии из Герата в Хиву, Москву и Санкт-Петербург во время русского вторжения в Хиву». Изданный в 1843 году в Лондоне двухтомник хранится в единственном экземпляре в фонде Петербургской библиотеки Академии наук. Ценность этих воспоминаний для оренбургского краеведения заключается не только в чисто фактиче-

ском материале путевых заметок, но и в сведениях о людях, с которыми автор общался, и чьи имена стали достоянием истории.

Два года назад началось осуществление ещё одного масштабного проекта — четырёхтомника «Жизнь и деятельность П. И. Рычкова». Его составителем, научным и ответственным редактором вновь выступает Г. П. Матвиевская. Первые две книги изданы при финансовой поддержке в рамках федеральной целевой программы «Культура России», остальные планируют выпустить к 300-летию юбилею одного из основателей нашего города, первопроходца, устроителя и исследователя Оренбургского края. Это первое полное собрание документальных свидетельств о выдающемся государственном деятеле XVIII столетия. Во второй том вошли научная биография Рычкова, составленная П. П. Пекарским (не переиздавалась с 1867 года), и сочинения самого Петра Ивановича, изданные лишь в периодике позапрошлого века.

— А вот эта папка — проект будущего энциклопедического словаря, в котором я хочу собрать всех исследователей нашего края, — завершает экскурс по своим владениям хозяйка квартиры. — По количеству персоналий такого списка, пожалуй, нет ни у кого. Какие интересные личности! Одни вроде бы на слуху, но био-

графические и библиографические данные о них довольно скупы и неполны. Другие имена ещё вообще не введены в научный оборот. К сожалению, очень трудно убедить оренбургских краеведов в том, что наравне с известными исследователями своё достойное место в их ряду занимают другие деятели прошлых веков. До сих пор их работы нигде не упоминаются. Это большая несправедливость, и мне хочется сделать всё, чтобы она была ликвидирована.

Своё 80-летие Галина Павловна встретила не только каждодневной кропотливой работой над собственными рукописями и коллективными трудами, но и новыми вполне конкретными планами. Сегодня творческий багаж юбиляра насчитывает свыше трёхсот публикаций, в том числе три десятка книг — монографий и научно-популярных изданий.

...Часто древнегреческая богиня Клио — мифологическая муза истории — изображалась со шкатулкой для свитков. В этом символическом ларце немало свитков Галины Матвиевской. В России и за рубежом её безоговорочно относят к плеяде выдающихся историков науки, а земляки чтят как просветителя и краеведа.

Фото из семейного архива Г. П. Матвиевской.

*Поздравляем
Галину Павловну Матвиевскую,
члена общественного редакционного совета
альманаха «Гостиный Двор»,
с 80-летием!*

Приглашаем в мир прекрасного

Сегодня экспозиция Оренбургского областного музея изобразительных искусств даёт представление об истории художественной жизни Оренбургского края, включая дореволюционный период. 20 – 30-е годы и послевоенные десятилетия представлены наиболее талантливыми работами художников оренбургской организации Союза художников РСФСР.

Основой его коллекции стали произведения академика живописи, художника-передвижника Лукяна Васильевича Попова (1873 – 1914), жившего и работавшего в Оренбурге.

В залах русского искусства зрителей ждёт встреча с произведениями И.К. Айвазовского, Ф.А. Малявина, В.Г. Перова, В.Д. Поленова, А.К. Саврасова...

XX век представлен работами таких известных мастеров, как С.В. Герасимов, С.Т. Конёнков, В.А. Фаворский, Н.М. Ромадин, Ю.П. Кугач, Н.И. Андронов, В.И. Поляков, М.Э. Рудаков...

Богат и разнообразен отдел декоративно-прикладного искусства: произведения лучших мастеров народных промыслов, в том числе уникальная коллекция оренбургского пухового платка, стекло и фарфор известных в стране заводов.

Сотрудники, друзья и гости музея, 2010 г.

Фото Александра Мирзаханова

Областной музей изобразительных искусств
«Каминская-испанка», бронза, скульптура Е.А. Янсон-Маннзер, 1937 г.
Фото В. Соколова

